Литературный Брянск

альманах
№ 1(10)`2019

ООО «Аверс»
2019

ББК 84(2р)6
Б 91

Главный редактор Владимир Сорочкин

Редакционный совет:
Людмила Ашеко
Наталья Мишина
Александр Ронжин
Ольга Шаблакова
Наталья Шестакова

На первой странице обложки: Александр Мехедов. Фотография из архива Брянской областной общественной писательской организации СП России.

Литературный Брянск № 1 (10) 2019. Альманах Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России. — Брянск: ООО «Аверс», 2019. — 384 с.

В очередной выпуск литературного альманаха вошли произведения членов Союза писателей России и участников Брянского областного литературного объединения.

Брянская областная общественная писательская организация Союза писателей России выражает искреннюю благодарность Департаменту культуры Брянской области и Департаменту семьи, социальной и демографической политики Брянской области за помощь в издании этого выпуска альманаха.

Для широкого круга читателей.

ББК 84(2р)6

© Альманах «Литературный Брянск», 2019

Слово к читателю

Новый номер «Литературного Брянска», который вы держите в руках, подвёл творческие итоги 2019 года. Для Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России он был плодотворным и ярким на события: проведено более двухсот пятидесяти мероприятий, продолжилась большая работа по привлечению молодых и начинающих авторов к литературному творчеству, повышению их мастерства.

Встречи с читателями неоднократно проходили в больших студенческих аудиториях брянских вузов и с участием студентов БГТУ, БГИТУ, БГУ имени академика И. Г. Петровского, в учебных заведениях, организациях и библиотеках Брянской области, а также в помещении Брянской областной общественной писательской организации.

Продолжили свою работу еженедельные творческие консультации и ежемесячные семинары прозы и поэзии, разрабатывались программы и осуществлялся отбор участников для литературных выступлений.

На декабрь 2019 года на учёте в БОО писательской организации состоит 37 поэтов, прозаиков и краеведов.

Многие брянские писатели и участники Брянского областного литературного объединения в 2019 году стали лауреатами литературных премий и дипломантами различных литературных конкурсов. Это — Л. С. Ашеко, В. П. Берзин, А. В. Воронина, А. О. Вороничева, Ю. И. Кравцов, П. П. Кузнецов, К. Ю. Марченкова, Н. В. Мишина, Г. В. Карташова, Д. В. Лагутин, А. С. Остроухов, Г. А. Солонова, В. Е. Сорочкин, О. А. Шаблакова, Н. А. Шестакова и др.; молодые брянские поэты Анастасия Вороничева, Кира Марченкова, Анна Воронина, Наталья Кандаурова, Анна Воронина, Максим Ковалёв и др.

Молодые авторы приняли участие в региональных семинарах — в Орле (сентябрь) и в Воронеже (октябрь). Дмитрий Лагутин, Кира Марченкова, Максим Ковалёв рекомендованы для участия во Всесоюзном семинаре молодых писателей в Подмосковных Химках.

В 2019 году Брянской областной общественной писательской организации присуждена Всероссийская премия им. Ф. И. Тютчева «Русский путь».

В июне — ноябре во многих районах области брянские писатели провели циклы встреч с читателями, посвящённые 75-летию образования Брянской области. Эти выступления стали возможны благодаря поддержке и нашему многолетнему сотрудничеству с Брянской областной научной универсальной библиотекой имени Ф. И. Тютчева и Брянской областной детской библиотекой.

Свои новые книги в 2019 году выпустили Людмила Ашеко, Юрий Кравцов, Александр Дивинский, Григорий Кистерный, Владимир Сорочкин, Александр Нестик, Пётр Кузнецов, Галина Солонова, Александр Ронжин и др. Вышли коллективные сборники «Город хороших людей» (произведения участников Международного конкурса «Листья дуба»), «Живой родник» (произведения участников и победителей одноимённого конкурса-фестиваля, прошедшего в Новозыбкове), альманах «Белый парус» Сельцовского литобъединения «Парус», альманах «Стожары» одноимённого Жуковского литобъединения.

Произведения брянских авторов в 2019 году публиковались в журналах «Наш современник», «Нёман» (Минск, Беларусь), «Южная звезда», «Дальний Восток», «Новая Немига литературная», альманахах и сборниках: «День поэзии. XXI век» (Москва), «Парад литератур» (Москва), «Ковчег» (Тула), «Литера» (сборник поэзии и прозы гомельских и брянских литераторов) и других.

Информации о мероприятиях публиковались в «Роман-газете», областных и районных газетах «Брянский рабочий», «Брянская учительская газета», «Пламя труда», «Сельцовский вестник», «Рассвет», «Знамя труда».

Брянских писателей тепло встречали на творческих встречах в Москве, Орле, Дагестане, а также в Курской и Ростовской областях, в белорусском Гомеле на международном празднике «Славянские литературные дожинки» и Могилёве — на празднике, посвящённом Константину Симонову.

В. Е. Сорочкин принял участие в выездных секретариатах СП России в Орловской области, Дагестане, Могилёве.

Продолжил работу и сайт организации, на котором оперативно размещается информация о проходящих мероприятиях, книжных

новинках. Есть и архивные материалы, представлено творчество брянских прозаиков и поэтов. Редакторы сайта — Ольга Шаблакова и Анна Воронина — много делают для того, чтобы сайт оставался интересным.

Оказывалась творческая помощь районным литературным объединениям, проведено немало встреч с авторами из районов. Наиболее ярким мероприятием этого года стал 3-й Международный съезд литературных объединений Брянской области «Листья дуба», с участием писателей из Белоруссии и Украины, прошедший в Стародубе в июле 2019 года, а также Международный конкурс-фестиваль «Живой родник», прошедший в Новозыбкове в сентябре. Сельцовское литературное объединение «Парус» (руководитель П. П. Кузнецов) отметило в 2019 году свой 10-летний юбилей.

Три молодых писателя — Дмитрий Лагутин, Максим Ковалёв и Анна Воронина в 2019 году получили стипендию им. П. Л. Проскурина для одарённой молодежи Правительства Брянской области.

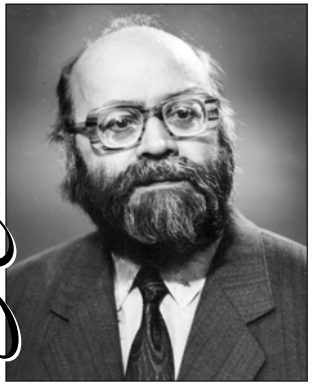
В настоящем номере альманаха «Литературный Брянск» представлено творчество более сорока писателей и литераторов, в том числе — юбиляров 2019 года.

Больше половины авторов альманаха — молодые и начинающие писатели, активно участвующие в жизни организации.

Брянская областная общественная писательская организация Союза писателей России выражает искреннюю благодарность Департаменту культуры Брянской области и Департаменту семьи, социальной и демографической политики Брянской области за помощь в издании этого выпуска альманаха «Литературный Брянск».

Редакционная коллегия

Юбилей



Александр МЕХЕДОВ

Журавли

Сердце моё, ничего ты не требуй,
Сердце моё, ничего не жалей,
Нам ведь останется русское небо
И вдалеке переклик журавлей.

В роще берёзовой тихие звоны,
К ней подбежала полоска овса,
Мы уж теперь никого не догоним —
Нам остаются одни голоса.

Холмик да крестик — постройка простая,
С рощею рядом и свежим жнивьём.
Пусть пролетела крылатая стая —
Мы ещё здесь кое-как поживём.

Дети играют на розовой травке,
Разные игры — азарт и уют,
Вдруг побежали: «Журавки! Журавки!» —
Чуть не до неба рукой достают.

Слёту свой клин перестроив на марше,
Вышли вперёд знатецы сей земли.
Братцы мои, да ведь это же наши,
Наши с тобою летят журавли.

Горелая лужа

Мы по дровишки ездили на Вьюнку,
Песчаной колеёй нелёгок путь.
Увязывали воз, развязывали сумку —
Перекусить и чуть передохнуть.

Дорога шла Горелой лужей к лугу,
В расплаве полдня августова дня.
Отец в упряжке ослаблял подпругу —
Попить коню, и с воза брал меня.

Мы пили здесь же, всё из той же лужи,
Гладь серебрила в шорохе ресниц.
Вода была, скажу я вам, не хуже,
Чем дома из ухоженных криниц.

Наверно, где-то был утайный ключик,
Что нас холодной влагой угощал.
Пробившись между зарослей колючих,
Он даже след колёсный очищал.

Теперь живу не у ручья — у речки,
А в ней и окунуться не моги —
По телу сыпь пойдёт похлеще гречки,
Хоть кожу рви, хоть к фельдшеру беги.

И у меня встаёт вопрос резонный:
Благое дело — в дом водопровод.
Вода идёт, но вкус у ней казённый —
Не вскипятишь — взбунтуется живот.

Теперь скажи кому всерьёз, без тени фальши,
Что в детстве пил из лужи — не поймут,
Покрутят у виска, пошлют подальше,
И снова дальше некуда пошлют.

Заехал я. Ни ключика, ни лужи.
В жару меня пробрал холодный пот,
Над тёмным лесом коршун кружит, кружит…
Жарынь, песок и пятнами мазут.

Дубрава

Из чёрной тучи выпал гром.
Под дикий свист и хохот бури
Пошёл по роще дуболом,
А что ему — хватает дури.
Распни её — гудит — распни,
Вали направо и налево.
Какие выворотни-пни,
Какое место для посева!
Ступила чёрная ольха,
Взошла корявая осина.
Внутри — червивая труха,
Труха — гнилая сердцевина.
Лишь кое-где, как твёрдый знак,
Смыкая крону с братской кроной,
Поднялся медленно дубняк,
А в речке горкнет дуб морёный.

Когда гремит над рощей гром —
Круши налево и направо!
Кто к ней с добром, кто с топором —
Корнями чувствует дубрава.

* * *

Уходит тёплая и ласковая Русь.
Обветрило. Остыло. Обмелело.
Что самородно и свободно пело
Молчит, молчит, куда ни повернусь.
Уходит тёплая и ласковая Русь —
Все эти ООО, ОА, и ОАОпы
Бегут, спешат за пятками Европы.
Зачем? Куда? Никак не разберусь.
Уходит тёплая и ласковая Русь.
То хлад, то жар — дымят её пожары,
Хоть пусты, хоть полны её амбары.
Всё источат дотла парша и гнусь —
Уходит наша праведная Русь.
Истаяли давно её победы —
Уж мы не ломим, уж не гнутся шведы,
Остались нам лишь поминки да беды.
Спроси себя, ответь себе — не трусь:
Уходит от тебя родная Русь.

Адмиралтейская игла

Памяти Валентина Пучкова

В драме жизни, в самом первом акте,
На крыле Победы штормовой,
Лет пяток воспитывал характер
Малый катер, но сторожевой.

Статный, сильный, закалённый хлопец
С Брянщины, обугленной дотла,
Чем, скажи, не бравый краснофлотец,
Ты, Адмиралтейская игла?!

Не было слюнявых «валентинок»,
Юность шла, как с боя на парад.
Под шершавый звук седых пластинок
Принял юность славный Ленинград.

Крупная, дебёлая порода,
Голос звонкий, даже озорной...
Прошагал от дома до завода
Лет полсотни, может, и с лихвой.

Новые явились в мире тигры,
Повели шакалов за собой,
Но вонзились в небо наши иглы,
Что враги прозвали «Сатаной».

Что с тобой, хребет рабочий — Питер,
Отчего завял, затих, зачах —
Об тебя свободно ноги вытер
Бывший мэр по имени Собчак.

Закрутила бешено воронка,
Новые явились Собчаки.
Где кипела наша оборонка —
Тяпают амбарные замки.

Не упрёк, любовь меня пытает,
Истина, известная давно:
Первою надежда умирает,
А потом кончается кино.

Весть, как гром пришла из Петербурга:
Умер Валентин… Дышать устал.
И свели его не грипп, не урка,
А чиновник вусмерть замотал.

Метят в нас отравленные стрелы,
Вся страна, как вымерла, легла.
Ну а ты, скажи, куда смотрела,
Ты, Адмиралтейская игла?!

Ласточка

Какая выверенность лёта!
Как бы компьютерный расчёт.
В чуть приоткрытые ворота
Влетела с маху без хлопот.

Она с подружками щебечет,
Она на солнышке поёт.
Моё больное сердце лечит
Её стремительный полёт.

И значит, жизнь прошла не мимо.
Не обходила стороной.
Ещё растёт, что сердцу мило
В России нашей вековой.

А жизнь, конечно, не игрушка.
Теперь я снова на коне...
Спасибо, ласточка-резвушка,
Ты возродила душу мне.

Травы

Пучки травы над головою
Текут, текут в моих глазах
Над нашей ширью луговою
Во весь разгон, во весь размах.

Чабрец, душица и бессмертник,
И в тёплых звёздах зверобой...
Свою любовь сейчас проверьте
Ростком травинки луговой.

А я пойду по редким сёлам,
А я приду к себе домой
То тёплым дождиком весёлым,
То жарким инеем зимой.

Когда ж судьба захлопнет дверцы
В моей бушующей крови,
Где-либо там, поближе к сердцу,
Подкиньте мне пучок травы.

Избави, Боже, от лукавых,
Прости грехи и так устрой:
Да обрету я в горьких травах
Свою свободу и покой.

Лариса Семенищенкова

«ЗАТЕПЛЮ КОСТЁР НА МЕЖЕ…»

(к 90-летию А. Г. Мехедова)

Замечательному брянскому поэту Александру Георгиевичу Мехедову в 2019 году исполнилось бы девяносто лет. Он родился 28 сентября 1929 года в городе Клинцы Брянской области, много лет прожил в г. Карачеве, здесь же он ушёл из жизни 22 февраля 2012 года. А. Г. Мехедов оставил нам шесть поэтических книг. Творчество этого поэта получило высокую оценку на Брянщине и в России. Он был членом Союза журналистов СССР, членом Союза писателей СССР. Лауреатом Всероссийской премии имени Ф. И. Тютчева «Русский путь», премии имени А. К. Толстого «Серебряная лира», премии имени Н. И. Рыленкова, заслуженным работником культуры России. О литературной судьбе А. Г. Мехедова написаны главы в учебных книгах по литературному краеведению, выпущенных на Брянщине для студентов, преподавателей вузов, учителей и учащихся школ.

Поэтов значительных, прекрасных, достойно представляющих брянскую литературу в контексте общероссийской поэзии, конечно, немало. А. Г. Мехедова любят у нас за его ярко выраженную, глубинную народность.

А. С. Пушкин написал в статье «О народности в литературе»: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует, или даже может показаться пороком». Факты литературной жизни постоянно напоминают нам, что именно для соотечественников народность в творчестве — всегда художественно действенный факт. Поэзия А. Г. Мехедова — тому пример.

Ощущение неразрывной связи с народной судьбой, любовь к Отечеству, родной земле, сочувствие простому человеку-труженику, погружение в мир российской деревни, где оберегаются наши духовно-нравственные ценности, — вот опорные точки поэтического мышления А. Г. Мехедова. Он смотрит на мир «глазами своей национальной стихии» (Н. В. Гоголь), что выражается, в частности, актуализацией образных ресурсов народной речи. В этом качестве поэзия

А. Г. Мехедова неподражаема. Когда поэт обращается к разговорному народному языку, его художественная строка приобретает совершенную эмоциональную и смысловую убедительность. Говорить, думать формами народного речения для А. Г. Мехедова всегда естественно, тем более, когда он пишет о людях простых, деревенских, рядом с которыми прошла жизнь. Автор хорошо знает своих героев, понимает их, и потому нередко чувства и мысли человека он не пересказывает от себя, а доверяет ему самому найти слова, адекватные мыслечувствованию. И это верный путь к сердцу читателя:

Нужда в избе — с порога до упора.
Хоть волком вой, хоть в белый свет кричи.
Соседка сердобольно ей: «Федора,
Ты пенсию за сына хлопочи.
До завтрева дожить, поди, не чаешь… » —
Плеснули вёдра на земную сыть:
«В уме ли ты, кума, что научаешь
За кровь родную сладко есть и пить!..»
Нужда с нуждой сошлись и разминулись.
Мне материнский крест не позабыть…
А время шло. Оделись и обулись.
И научились сладко есть и пить.

Народный разговорный язык — то, что постепенно теряет наша отечественная поэзия. К нему ослабевает интерес интеллектуального читателя, избалованного литературными изысками. Иначе думаем, говорим на другом языке. Ничего не поделаешь — объективные процессы! Для А. Г. Мехедова народная речь — это та языковая стихия, в которой он чувствует свое родство с миром русского человека. Стихи А. Г. Мехедова — кладезь народной образной речи, меткой, выразительной, эмоциональной, в которой непротиворечиво сочетаются мудрость русского человека, его творческая суть, приверженность к духовным ориентирам в жизни. Поэт постоянно обращает нас к мысли о том, что особенность мышления, нравственный облик народа лучше всего и может быть выражен особенностями его слова. Мне кажется, именно это делает А. Г. Мехедова всегда узнаваемым среди других наших авторов. Он признавался:

«Стихи мои — из самого жизненного источника: судьбы, события, случая, — впечатления от которых я старался передать правдиво и точно. При этом я использовал в стихах местные слова и речения, а позднее — и старославянизмы, которые, я считаю, ничем не заменить в стихотворениях о далёком прошлом». Незаменимым было для А. Мехедова народное слово и тогда, когда он создавал образ современной России.

Перечитаем стихотворение «Ах, поле моё… »:

Ах, поле моё пробивает хвощом и пыреем.
Затеплю костёр на меже: посвети, золотой!..
Но вот и погасло; ладони над пеплом погреем,
И запах костра унесём, запахнувшись полой.

Россия моя, целый век на крутом раздорожье,
Ты всё ещё вьёшь над полями высокую песнь.
Наверно, такую на сердце унять невозможно
Почившим на холмах твоих и родившимся здесь.

Утайное слово витает над горьким раздольем
И тайную силу разносит по мерклым полям.
И ветер-вещун пошептал над холодным угольем,
И свечи-светёлки возникли по зольным углам.

И где-то дохнуло широким накатистым гулом.
То колокол, что ли, надеждой поля опахнул?
И сердца коснулся, и плечи расправил сутулым,
И мёртвые души живою водой сполоснул.

Как искусно, крепко соткан словесный рисунок этого стихотворения из народных речевых оборотов! Через душу поэта проходят картины «горького раздолья», «мерклых полей», «зольных углов», «холодного уголья» … Он душой слышит живительное «утайное слово», «высокую песнь» родины, «накатистый гул» колокола … И образы русской сказки: «ветер-вещун», «живая вода» — напоминают нам о творческой силе русского человека, о его неизбывной вере в справедливость и надежде на возрождение. Поэт видит, как «свечи-светёлки» начинают разрывать тьму, и расправляют плечи те, кто отчаялся. Слово художника — как живая вода для русской души.

А. Г. Мехедов принадлежал к тому поколению поэтов, для которых перестроечная ломка отечественных традиций болевыми точками обозначилась на линии судьбы. Он не смирился с процессом разрушения системы нравственных ценностей, с духовным обнищанием наших современников, с пренебрежением к народному опыту жизни и ждал от писателей отзывчивости на эти явления. Веря в силу слова, он призывал защищать наши ценности: «Сердце — не дрогни! Душа — не остынь! // Да не смутит нас укосина вражий. // Будем у наших народных святынь // Непоколебленной русскою стражей… » («Свеча веры»). Поэт черпал душевные силы в чувстве неразрывности с народной судьбой, не переставал жить одними заботами с теми, кто трудится на земле:

Вот лежу — обмолоченный сноп.
Даже как-то зазорно.
Шарит сердце моё стетоскоп:
Где там зёрна?

Да, как сноп на колючей стерне,
Без укрывного стога.
Слышу, стужа в моей стороне
И большая тревога.

Мне ж, наверно, теперь всё равно:
Что гнедой, что соловый…
Но учувствую сердцем зерно —
И прикрою соломой.

Несмотря на драматические, даже трагические страницы своей судьбы, Александр Георгиевич всегда оставался на удивление светлым человеком. Очень важно, что поэтический талант не расходился с человеческой сутью поэта. Скромный, доброжелательный, радушный, всегда расположенный к задушевной беседе, А. Г. Мехедов притягивал к себе людей. На родине поэта бытует понятие «мехедовский костёр», согревающий всех, кто пришел к нему, просветляющий души светоносным даром. Земляки чтят память о сыне своей земли. Из этой памяти в городе Карачеве родился ежегодный праздник поэзии «Мехедовский фестиваль». Он становится замечательной культурной традицией на карачевской земле. 12 сентября 2019 г. здесь состоялся третий литературный

праздник «Не погаснуть огню поэтической мысли». Этот фестиваль стал особенным: во-первых, он приурочен к 90-летию со дня рождения А. Г. Мехедова, а, во-вторых, городскому парку в г. Карачеве присвоено имя этого замечательного поэта и человека. Именно в парке и проходит праздничное действо. Собираются земляки, приезжают гости, все, кто любит литературу. Выступают артисты, звучит музыка, читаются стихи. Удивительно тёплая атмосфера праздника определяется истинной любовью людей к народному слову. Всегда радостным сюрпризом для слушателей становятся стихи, которые читают дети — участники и лауреаты конкурса на лучшее чтение стихотворений А. Г. Мехедова. Всякий раз удивляешься, как органично вписывается эта поэзия в светлый мир ребёнка, как ощущают дети доброе, искреннее чувство автора!

Безусловно, проведение фестиваля — результат коллективных усилий заинтересованных людей. Это работники библиотеки и наследники А. Г. Мехедова, поддерживающие интерес к его творчеству, а также школьные учителя, воспитывающие в детях интерес к русской литературе. Инициатива земляков поэта поддержана администрацией города, департаментом культуры. Всеми, кто понимает, какое значение имеет художественное слово в воспитании подрастающего поколения. Очень важно, что сохраняется дом, в котором жил поэт. Здесь радушно встречают каждого, кто любил А. Г. Мехедова и знает его стихи. Поклонимся и мы этому дому, прибавим сердечного огня в светлый костёр нашей памяти о русском поэте, и пусть ясными искрами летят над землёй слова его любви к родной земле:

Люблю в ночи костёр сторожевой,
Люблю я сад, рябину над калиткой,
И свет луны, серебряною ниткой
Мелькающий по зыби стрежневой.

Люблю я луг с нахохленным стожком,
Опушку рощи с пылкою калиной,
И в небе предосеннем — журавлиный
Летящий клик над скошенным лужком…

Стихи Александра Георгиевича Мехедова подкупают верой в высшую правду, являются примером неиссякаемой силы духа, раскрывают неповторимую выразительность образного русской речи.

Проза

Николай ИВАНОВ

САУР-МОГИЛА

(Песнь)

1.

Как же вольготно на войне зверью: охота в районе боевых действий категорически запрещена, людям разрешено убивать только людей.

И вот уже мелкими диверсионными группами проникают в города белки. По обочинам дорог, не обращая внимания на машины, вальяж-

Об авторе

Николай Фёдорович Иванов родился 8 июня 1956 года в селе Страчево Брянской области. Окончил Московское суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках кадровым офицером (60 прыжков с парашютом) — в Псковской, Каунасской дивизиях, 44-й учебной дивизии ВДВ (Ионава, Литва). В 1981 году направлен в Афганистан. Участвовал в более чем десяти боевых операциях. Награждён орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

Участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (семинар Г. Маркова и Г. Ананьева). Первая публикация — рассказ «Друг мой Лёшка» в сборнике псковских писателей «Рассветы над Великой» (1978 год). В качестве военного журналиста и писателя побывал в Чечне, в Цхинвале, в Крыму, на Донбассе, в Сирии. С гуманитарной помощью одним из первых корреспондентов прошел с «Белыми КАМАЗами» от Москвы до Луганска.

Автор более двадцати книг прозы и драматургии.

15 февраля 2018 года на XV съезде СПР избран председателем правления Союза писателей России.

ными гаишниками расхаживают фазаны и куропатки. Лисы — о, эти огненно-хвостатые плутовки, по-щучьи лавируя среди мокрых от росы кустов-водорослей, уже не оглядываются испуганными новобранцами по сторонам. Ночи, отобранные у влюблённых ради комендантского часа, это звёздное, ракетно-осветительное, трассерное, в сполохах пожаров, оставшееся без присмотра время поделили меж собой как орла и решку на подброшенной монете кабаны и волки.

Красота.

Слава Украине!

Войне слава!

Ранения, болезни, гибель людей на Донбассе — не в счёт. Пока нет охотников, всё лучшее — птицам и зверям!

А уж потом, что останется — пехоте!

2.

Её и расстреляли первую.

На войне у солдата доля известная — идти в атаку или стоять насмерть на занятых рубежах. И ни одна высота по любому уставу любой армии мира не считается взятой, если на неё не ступила нога пехотинца. Громкие наименования гвардейских, всевозможных кантемировских, орденов и знамён таких-то — да, весомо и значимо, кровью и потом добыто. Но шепчется, словно из былин и бабушкиных сказок, ласкает слух главное их имя — «матушка-пехота». Ангельская мягкость и умиротворение в слове, но погодите, погодите, ведь именуют матушкой ещё и саму Россию! Россия-Матушка — это матушка-пехота? Господи, с какого же плеча досталась ей солдатская шинель? Чью военную судьбу ненароком примерила? Кого вновь и снова, себя не жалея, защитит и спасёт?

Не кончаются на Руси былины…

3.

Но и Донбасс порожняк не гонит! Если работать — то нет никого впереди Стаханова. Песни петь — неподражаемы Соловь-

яненко, Богатиков, Кобзон. Снимать кино — на форсаже Леонид Быков со своей поющей эскадрильей. Встать жертвенно против врага, никого не выдать и быть сброшенными в шурф шахты — всей Молодой гвардией.

А уж если иметь в своих степях высоту — то Саур-Могилу под триста метров над уровнем ближайшего Азовского моря. Захочешь, а не придумаешь более выгодного места для корректировщиков огня. Поищешь, а не найдёшь более погибельного места для пехоты, хотя в данном случае «могила» переводится всего лишь как «курган».

«Матушка» во множественном числе и полегла здесь в 1943-м, сбивая фашистов с нашпигованной пулемётами господствующей высоты. Не могла не сбить, потому что вёл штурмовые отряды в атаку в том числе будущий командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Маргелов! Он со временем сделает пехоту крылатой, оденет её в тельняшки и береты небесного цвета. Но тогда, в Великую Отечественную, ей — пыльной, потной, не имеющей сил ни то что посмотреть в небо, а приподнять под пулями голову, отдали приказ: взять курган и стоять насмерть.

Она взяла и стала.

Через двадцать лет после победы бойцов отлили в металле, чугуне и бетоне, установив на постаменты-пилоны у самого подножия высоты. Масштабно, зримо, и первые цветы экскурсантов — им.

Только вот скульпторы и архитекторы наверняка не воевали и даже не служили в армии: оставили солдатиков на голом склоне. Одних. Без поддержки.

А как снова война?

Если снова начнут стрелять?

4.

И ведь начали. Как и фашисты — летом.

2014 года.

Первая же выпущенная через 70 лет от рождества Победы в сторону Саур-Могилы пуля настигла сразу двоих бойцов, убитых ещё в

1943 году — старшего техника лейтенанта Карпеева и гвардии рядового Карелова. Их имена, расположенные рядом на мемориальной доске, разворотила не трассирующая и даже не разрывная пуля. Прилетела гостьей из будущего придуманная уже после Великой Отечественной смерть со смещённым центром тяжести. Эдакая вишенка на торте для врага: входя в человека элегантно, почти без кровушки, малым укусом, она не застревает в плоти, а с убойной силой продолжает кувыркаться внутри тела и мясорубкой молотить попадающиеся внутренности. А уж как эффектно выходит наружу — зияющим, словно от осколка мины, отверстием. И это несмотря на то, что весу в этой вращающейся пульке — всего три с половиной грамма. Вишенка с торта тяжелее.

Но убийцам памятников мало оказалось мемориальных плит и просто имён. Им нужна была сама Саур-Могила. Как символ сломленного Донбасса. Так фельдмаршалу Паулюсу требовался Мамаев курган под Сталинградом в знак поверженности Красной Армии.

И тут вдруг оказалось, что скульпторы и архитекторы — эти гражданские шпаки, глупцы в военной стратегии, тем не менее интуитивно, надёжнее Генерального штаба опоясали высоту четырьмя пилонами, как четырьмя рубежами обороны.

Первых под удар, никуда не деться, выставили пехотинцев. Основной шквал огня пришёлся на командира, на лице которого потом насчитают более пятидесяти пробоин. Его подчинённые, не имея возможности ответить нападавшим из своих бетонных автоматов, боясь растоптать бетонными сапогами тюльпаны, высаженные у подножия, не тронулись из разрушенного бетонного окопа. А вот ровные парадные ряды наступающих подпортил худенький солдатик с постоянно съезжающей на глаза каской. Ни дать ни взять ученик электросварщика с украденным у мастера шлемом. Вояка...

Пехоту изрешетили и без него, но едва убийцы перешагнули взятый редут, из знойного июльского марева перед ними словно из земли вырос пилон с танкистами. Богатыри, красавцы в шлемах и комбинезонах! Несокрушимая силища, не выведи их скульптор из боевых машин, не выстрой в шеренгу прямо под пулемётную очередь. Воис-

тину: ну что стоило спрятать гвардию за бронёй, глядишь, остались бы живы. А так… так маленькие, словно лилипутики в сравнении с горой и памятниками, камуфляжные человечки с полуфашистскими эмблемами на украинских шевронах посчитали за честь и ухарство вновь вскинуть автоматы. И очередями, очередями по своим дедам — грузинам, русским, белорусам, по таким же, как они сами, украинцам: танковые экипажи всегда считались интернациональными.

Слава Украине!

Предателям слава!

Синхронность атаки уже привычно испортил заморыш со смешной украденной каской: и к земле гнулся, и за спины друзей прятался, стараясь не идти в первой шеренге. Расстрелять бы как труса, да останавливаться некогда: вслед за танкистами вышли под украинские вишенки на торте «боги войны» — артиллеристы. Эти ребята не промах, они могут ответить прямой наводкой из «сорокапятки». И ответили бы, да вовремя дали залп расположившиеся на смотровых площадках, скрежещущие в гневе траками, как психопаты зубами, танки. Они и пробили брешь в третьем пилоне обороны, а в назидание другим снесли бравому усатому командиру расчёта полголовы. Тот сам, конечно, оказался виноват — форсил в пилоточке. Думал, слишком далеко его окоп от начала боя, обойдётся.

Не обошлось.

Но ещё более дурними хлопцами оказались летаки. Их вообще никто на землю не звал, летали бы себе в небесах, поближе к защите ангелов. Но не найти счастья в небе, если на родной земле враг. Вошли в пике, приземлились в эпицентре боя. Толку от этого отчаянного шага было мало, вообще пользы никакой не имелось, если учесть, что у лётчиков нет автоматов, а с пистолетиком себя не защитить, не то что Родину.

Значит, рукопашная!

Успели добежать до кромки аэродрома. И там, на краю пилона, получили по полной. Больше всех получили. Выместили на них, последних, украинские полуфашисты всю свою злость за предыдущие задержки. Разнесли в клочья летунов — аж чугунные и бетонные

брызги летели. Успей к атаке отставший боец-сварщик и подключись к стрельбе, вообще бы от пилона ничего не осталось.

Но и без этого вот она, вожделенная цель — стоящий на вершине кургана девятиметровый воин-освободитель. Как бельмо на глазу. Слава Богу, последний из защитничков. Герои кончились. Где ты, заморыш-сварщик-трус? Не желаешь доказать свою готовность защитить Революцию Достоинства от поганого советского и москальского прошлого? Освободить от этого прошлого себя? Стреляй, раз не хочет сдаваться, поднимать руки вверх эта девятиметровая бетонная чушка! Скомандовать «Пли!»?

Но пожалел солдатика-заморыша памятник, не дал взять грех на душу. Искромсанный осколками, прошитый насквозь пулями, оставшийся в одиночестве и окружении, он вдруг со всей своей огромной высоты, вместе с тридцатиметровой стелой за спиной, повторяя Александра Матросова, рухнул на пулемёты врага сам.

О, с каким ужасом разбегались от падающей с небес страшной кары лилипуты!

И как долго дрожала и стонала от удара земля!

Но — всё!

5.

...Днепр не повернул свои воды вспять.

Соловьи не лишились голоса.

Солнце продолжило греть и светить.

Потому что не кончились, звучали выстрелы! Невероятно, но по наступающим Каинам и Иудам! Из-под обломков рухнувшей стелы. Эти непонятные защитники за последний клочок кургана, за его вершину, на которой водружают флаги победители, бились, как за Брестскую крепость. Аджимушкайские каменоломни. Невский пятачок. Ржевский плацдарм. До поры до времени их прикрывали своими телами фронтовики, но всё равно, судя по плотности обрушившегося на Саур-Могилу огня, живых не должно было остаться здесь десять раз подряд. Небеса устали ждать их

души в свою синь, кто бы они ни были — русский спецназ или местные шахтёры-ополченцы.

И вроде одинаковые книжки читали те, кто наступал, и те, кто оборонялся. Однако важнее оказалось то, каких героев каждый себе выбирал. В цветущей, песенной, почитаемой, ныне несчастной Украине этот выбор случился в день, когда на столе у президента сошлись представления на звания Героя Украины командиру «Молодой гвардии» Ивану Туркеничу и Степану Бандере.

Кто не скачет, тот москаль!

Москаляку — на гиляку!

...Первым погибшим мирным жителем на Донбассе стала смотрительница музея «Молодой гвардии» из Краснодона.

А на Саур-Могиле огонь с каждым мгновением угасал: автоматы бесполезно пытались глотнуть патронов полной грудью. Но как пустыня неумолимо и безвозвратно впитывает воду, так бой пожирает боеприпасы.

И когда стал неминуем последний рывок бандеровцев, их близкое торжество, пляска на вершине с портретом лысоватого, но так отчётливо похожего на чубатого Гитлера Героя Украины Степана Бандеры, командир ополченцев с позывным «Медведь», имевший за бои в Афганистане ордена Красного Знамени и Красной Звезды, истекающий красной кровью на войне, пока не имеющей точного названия, вызвал на себя огонь «градов».

Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьёт по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.

Недолёт. Перелёт. Недолёт.
По своим артиллерия бьёт...

Поэтические строки и солдатские судьбы из далёкой Великой Отечественной. Здесь же ориентир был указан верно.

После паузы, заминки, взятой артиллеристами на осознание приказа стрелять по своим, в обозначенный квадрат с диким воем безостановочно помчались на огненных хвостах метровые снаряды.

И полетели ошмётки от тех, кто наступал и уже уверовал в победу.

Кубарем покатились под уклон — туда, откуда пришли.

Неслись прочь безоглядно, не вспоминая ни святых, ни «Молитовники», которые им выдали вместе с боеприпасами перед боем. Да и какие молитвы, если их, как и церковь, поделили. Если своих святых сами поменяли на заморских, а тем ли до чужой беды? Оставалось просто бежать и бежать прочь от возмездия, спасать свои шкуры. Самым надёжным вариантом было укрыться где-нибудь от огня, но опять же, сами только что снесли, изувечили пилоны. Идиоты!

Потому неслись, бросая раненых и оружие. Обгоняя друг друга, а в первую очередь недотёпу, потерявшего, наконец, каску, но при этом оказавшегося с самым тяжёлым подсумком для боеприпасов. Не стрелял? Ни одной пули не выпустил при атаке? Ни одной гранаты не бросил во врага? Неужели ещё остались на Украине такие? Может, ещё не всё потеряно?

Не стрелявшим — слава!

Останься в живых, пацан.

6.

...Кто сказал, что вольготно на войне зверю и птице? Первые снаряды, выпущенные по Донецку, разрушили в краеведческом музее именно зал «Животный и растительный мир Донбасса».

Погиб и «Медведь».

На могиле гвардии старшины наконец напишут его имя: «Гришин Олег Григорьевич. "Медведь". 03.02.1966 – 28.07.2014». Отстоявших Саур-Могилу и оставшихся на ней под крестами и могильными хол-миками окажется семеро. Семеро смелых. «Грек» — Хиргий Руслан Геннадиевич. «Урал» — Блажко Иван Васильевич. «Таксист» — Кар-туз Сергей Николаевич… А вот «Реве», «Бумеру» и «Сёме» по-везло, выжили. Нельзя, чтобы погибали все. Никак нельзя: Донбассу ещё сражаться и сражаться.

7.

Сегодня над Саур-Могилой синее небо. Высоченное! Нигде не увидишь такого мирного неба, как на войне.

Музейные работники чистят на смотровой площадке фронтовую технику. Времён Великой Отечественной. На одном из танков при украинской власти почему-то замазали краской бортовой номер «014». Но краска выгорает, и номер боевой машины, её имя собственное, проступает всё отчётливее.

Саур-Могила в руинах, но у остатков пилонов вновь высаживаются тюльпаны. Рваные ржавые раны на лицах солдат пугают, не вяжутся с нежностью цветов, но почему-то хочется оставить здесь всё, как есть. Без лакировки. Чтобы было грубо и страшно. Правда нынешней не объявленной войны на Донбассе — это в том числе и простреленный сапог с обрубком ноги чуть ниже колена — единственное, что осталось от центрального монумента. Хотя нет, из-под рухнувшей стелы виден сжатый бронзовый кулак солдата.

На Кузбассе написано, а словно про Донбасс:

По шпалам,

Как по нотам,

Идёт шахтёрская пехота.

...Звук от удара в колокол из построенной на кургане часовенки стоит в небе долго-долго. Больше минуты. Верный признак того, что отлит умелым мастером. Такие колокола и для набата, и для благовеста.

8.

А в рваной ране под правой скулой лейтенанта-пехотинца воробьишки третий год вьют гнездо для потомства...

Юбилей

Клавдия АСЕЕВА

ДА БУДЕТ ТВОЙ ГОЛОС УСЛЫШАН

* * *

Я судьбе своей противоречить
Больше не могу и не хочу.
Может быть, и правда —
время лечит,
Только я сама себя лечу.

Давит груз несделанных ошибок,
Маета непрожитого дня,
Радость слёз, тоска чужих улыбок —
Нет меня на свете. Нет меня.

Об авторе

Клавдия Васильевна Асеева (Никольская) — член Союза писателей России, живёт в старинном городе Карачеве, работает главным редактором районной газеты «Заря». Печаталась в периодических изданиях, коллективных сборниках «По первопутку», «Как сердцу высказать себя…». Автор поэтических книг «Шестое чувство» (1996), «Осенний дневник» (1999), «Потому что живу» (2005), «Увидимся весной» (2013), «На языке любви» (2019).

Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2003). Лауреат премии «На земле Бояна» и имени А. К. Толстого «Серебряная лира».

Потому — ни почестей не надо,
Ни любви, ни денег, ни наград.
Старенькая мамина ограда —
Вот она, утрата из утрат.

Что же я? Мы все уйдём когда-то,
Пройденной дороги не кляня.
Смотрит мама с неба виновато —
Нет её со мною. Нет меня.

* * *

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает…

Из «Слова о полку Игореве»

Плачь, Ярославна,
Твой князь возвратится не скоро,
Ты и не знаешь,
Какая судьба его ждёт.
Будет кружить
Над пожарищем жаждущий ворон,
Будет смеяться
Чужой, незнакомый народ.
Кровью и пеплом
В три слоя всю землю укроет,
Страхом и болью
Наполнит людские сердца…
Но убежит он
Вечернею росной порою,
И для врага
Это будет началом конца…
Солнце не встанет,

И ветер не высушит слёзы.
Жить в одиночку,
Наверное, нельзя на Руси.
Князю дорогу
Укажут родные берёзы,
Господи Боже,
Помилуй его и спаси…
Плачь, Ярославна,
Да будет твой голос услышан
Нами, живущими ныне
На этой земле.
Может быть, кто-то
Ещё одно «Слово… » напишет,
Чтоб никогда уже Русь
Не блуждала во мгле.

Старое…

Я повторяю старые стихи,
Их музыка во мне ещё жива.
Но почему ж, печальны и тихи,
Так ранят душу легкие слова?

Я старым переулком прохожу,
Забыв, что в нём давно ты не живёшь,
И заметает старую межу
Сентябрьских листьев осторожный дождь.

Со старыми друзьями пью вино
И вспоминаю мёртвых и живых,
И мне, поверь, отнюдь не всё равно,
Какие дети выросли у них.

Я к старым возвращаюсь именам,
Я так же песни старые люблю.
И мне моя родная сторона
Всегда — как в бурю гавань кораблю.

* * *

Сроки исчисляются не нами,
Ну, а если очень повезет,
Звёздными над нами письменами
Высветится выставленный счёт.

И тогда умерь свою гордыню
И иди по жизни не спеша,
Помня, где навеки и отныне
Грешная врачуется душа.

* * *

Скрипка плакала и пела,
Скрипка жалобно звала.
Пролетела, пролетела
Наша осень — два крыла.

И морозил воздух зыбкий
Подползающий декабрь,
В полутьме рыдала скрипка
В зале старого ДэКа.

Зритель кутался в одежды,
Зябко музыке внимал,
А смычок вселял надежду —
Колдовал и колдовал.

И к блуждающей улыбке
Уж почти привыкли мы…
Оборвалась песня скрипки
Танцем лопнувшей струны.

* * *

Рухнул мир.
Упало небо.
Тихо ахнула звезда.
Ты ушёл, как будто не был.
Без тебя — куда? Куда?
Без тебя не бьётся сердце,
Без тебя не греет печь,
Завалилась лавка в сенцах —
И самой бы рядом лечь…

Ты ушёл,
И нет возврата.
Были вместе — стали врозь.
Пошатнувшаяся хата
Обезумела от слёз.
Смотрит вслед тебе окошко:
Ну, куда же ты, родной?
Запах жареной картошки
Остывает за спиной.

* * *

Расстаются люди,
Часто расстаются.
Только в наших судьбах
Метки остаются.
Кто-то уезжает
В поисках удачи.
Кто-то провожает,

Кто-то тихо плачет.
Кто-то письма пишет,
Кто-то просит встречи,
Кто-то счастья ищет,
Словно жизни вечной.
Расстаются люди,
Часто расстаются.
Только в наших судьбах
Метки остаются.

* * *

Просто верить,
Просто знать, что помнишь.
Большего, пожалуй, и не надо.
В эту стужу,
В эту злую полночь
Память — как звезда над зимним садом.
Светит бесконечно долгим светом,
Никакой не требуя отдачи,
Знает всё — смеюсь я или плачу,
И в какое платье я одета.
И когда, душой не успокоясь,
Я мечусь в обидах и тревогах,
Та звезда — как боль твоя, как совесть
На моих разбросанных дорогах.

* * *

По старинке живу, по старинке…
Александр Мехедов

Привычно живу по старинке,
Пью травами пахнущий чай.
В заброшенной нашей глубинке
Осядешь и ты невзначай.

Сбежав от столичного гама,
Гуляя в лесной тишине,
Рассказывать будешь упрямо
Столичные новости мне.

А я, тебя слушая плохо,
Провинцию стану жалеть:
Как жить ей — вполшага, вполвдоха,
И только вполголоса — петь…

И всё же, стараясь не злиться,
Не буду я спорить с тобой.
Смотри, вон растёт медуница,
А это — чабрец, зверобой.

Они ароматом душистым
Наполнят мой старенький дом.
Мы к чаю добавим душицу.
Где лучше — увидим потом.

Родник

Посвящается белорусской поэтессе
Таисии Мельченко

Я говорю на русском языке,
Но мне всегда твоя понятна «мова».
Я внемлю ей без устали. Я снова
Её припоминаю вдалеке.

Журчит родник, прохладою маня,
И музыка его ласкает душу.
Я слушаю. И хочется мне слушать.
И хочется припасть к нему.

Меня

Уже давно его питают воды
Надеждою, любовью, добротой,
И, может быть, теперь надежды той,
Не ведая, я пожинаю всходы.

Однажды вдруг, проснувшись поутру,
Тебя припоминая в каждом слове,
Заговорю на белорусской мове,
Что зазвенит, как песня, на ветру.

Поёт мой ключ. Звенит моя криница.
Сливаются их воды в глубине.
А нам с тобою — пить и не напиться,
Не замечая камешков на дне.

* * *

Помесь вокзалов и судеб,
Всё остальное — не в счёт.
Кто-то кого-то осудит,
Кто-то кого-то спасёт.

Злобу ли, страх ли, гордыню,
Радость ли носим в груди,
Истина — посередине,
Если пошёл, то дойди.

Тянется зыбкою нитью
Жизнь, как тропинка в лесу.
И по любви, по наитью
Я вас однажды спасу.

Верю, Господь не отринет,
Не поглядит на молву.
Истина — посередине.
Истина в том, что живу.

Александр РОНЖИН

Юбилей

БИТВА

(отрывок из романа «Дмитрий Ольгердович, князь брянский»)

Гонец-разведчик Андрея и Дмитрия Ольгердовичей переяславский сокольничий Иван Чёрмный, посланный на поиски московского князя, вернулся не с кем-нибудь — с самим князем Боброк-Волынским.

Оглядел Дмитрий Михайлович хорошо вооружённое, закованное в латы воинство братьев, сказал довольно:

Об авторе

Александр Венедиктович Ронжин родился 17 августа 1954 года в г. Бежице (ныне Бежицкий район г. Брянска). Окончил Московский государственный историко-архивный институт. С 1976 года работает в архивной отрасли. Живёт в Брянске.

Автор книг «Третья война» (2003), «До нашей эры» (2005), «Тропою Буривоя» (2006), «Двенадцать месяцев — как вся жизнь» (2007), «Русин из Корсуни» (2008), «Ученики аббата Вергилия» (2009), «Во Владимире и Вщиже» (2013), «Дмитрий Ольгердович, князь брянский» (2018), «Три рассказа об одной книге» (2019).

В соавторстве с Н. А. Мизеровой издал книгу «ОАО «Брянский машиностроительный завод»: Культура и быт заводчан в прошлом и настоящем» (2001).

Автор многочисленных краеведческих статей, опубликованных в периодической печати и научных сборниках, пьесы «Русский комиссар покоряет Париж» (2018).

Член Союза писателей России с 2007 года. Лауреат премии им. Николая Мельникова (2015).

— Весьма обрадуете вы Дмитрия Ивановича. Сами через несколько часов увидите, какая великая сила русская собралась. Березуй — место встречи — менее чем в десяти поприщах отсюда. Ягайло где?

— Сейчас, думаю, к Одоеву подходит. Как только войдёт в Одоев, весть Роман Семёнович обязательно подаст, — ответил Андрей Ольгердович.

— Псковичи что ж? Много ратных дали? — продолжал уточнять Боброк. Внимательно выслушав ответ, задавал вопрос про следующих — витебских, полоцких, друцких... Подробно расспрашивал Дмитрия Ольгердовича про обстановку в Северской стороне. Расспрашивал про силы, которые могли пособить Ягайле: смоленские, карачевские полки. Сошлись во мнении, что ни смоленский, ни карачевский князья существенной помощи великому князю литовскому не окажут.

Впереди воинской колонны Ольгердовичей шли небольшие дозорные отряды, с которыми постоянно поддерживалась связь. Один из них сообщил, что встретился с разведчиками московского князя, что русско-литовский отряд движется быстрее и в условленном месте будет первым.

— Оно и хорошо. Вы своих поставьте на взгорке, при выходе из леса, пусть московские полки порадуются, какая подмога к ним подошла, — заключил Боброк-Волынский.

...Небольшая берёзовая роща скрывала от посторонних глаз славянское поселение. Всего в версте к югу от него была глубокая балка и невысокий земляной вал, которые выходили к Дону, словно предохраняя земледельцев от неожиданных набегов степняков. Это местечко называлось Березуй.

Когда вечером пятого сентября московские рати оказались здесь, они увидели на другой стороне балки многочисленную литовскую конницу. Всадники — кто в панцирных доспехах, кто в обычных кольчужных одеяниях — были вооружены копьями, мечами, булавами, у всех за плечами виднелись луки и тулы со стрелами.

Впереди русско-литовского войска на богатырских белых конях, в золочёных шлемах и доспехах великого московского князя ожидали три князя: Боброк-Волынский и Ольгердовичи.

Всё воинство могло наблюдать, как от московской рати к литовским князьям, на другую сторону балки, отъехали два всадника, так же облачённых в дорогие серебряно-золотые доспехи и красные, расшитые золотом, плащи.

«Дмитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем поехали на встречу с Литвой», — пронеслось по войскам.

— Ну и силищу привели Ольгердовичи! Словно не живые люди на лошадях, а железные! Да и сами кони — все укрытые, в попонах! — воскликнул молодой пехотинец из московской рати.

— Всем работы хватит, лишних в бою не будет. Только бы им латы помехой не стали, — заметил стоявший рядом бывалый воин.

Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич, подъехав к Ольгердовичам, спешились. То же сделали и литовские князья. Сошлись, обнялись. Андрей обратился к великому московскому князю:

— Принимай, великий княже Дмитрий, воев с западных рубежей русских. Все готовы сложить свои головы за веру православную, за землю Русскую!

— С великой радостью принимаю, — отозвался Дмитрий Иванович. — Вижу, подготовились к встрече с ордынцами. Да и мы не с пустыми руками пришли!

Московский князь широким жестом показал на текущую реку пеших и конных витязей, хорошо вооружённых копьями, мечами, секирами, шестопёрами. Эта «река» заполнила собой всё обширное поле между оврагом и берёзовым лесочком вдалеке. Передовые московские сотни уже скрылись из виду, а новые всё прибывали и прибывали. Появились обозы, на которых везли доспехи тяжеловооружённой конницы.

Андрею Ольгердовичу даже стало неловко за немногочисленность своих псковских, полоцких и витебских отрядов:

— Наших и пятой части не будет...

— Нашёл о чём горевать! — оборвал Ольгердовича Боброк-Волынский. — Ты сюда не селян привёл! Все ратному делу обучены, вот что главное!

Неожиданно рядом с полководцами оказались необычные всадники: из-под доспехов на них виднелись монашеские одеяния. Многие узнали в вооружённых монахах богатырей Пересвета и Ослябю.

Пересвет, спешившись, преклонил колено перед Дмитрием Ивановичем, из сумы достал Богородичный хлеб, протянул князю:

— Прими, княже, освящённую просфору для причастия перед боем, Святым Сергием переданную.

Дмитрий Иванович также спешился, принял священный дар, прикоснулся к нему губами и передал Боброк-Волынскому со словами:

— Храни всё время при себе, а на княжем совете перед боем каждый отведает Хлеб сей.

Пересвет из той же сумы достал свёрнутый пергамент с печатью:

— А это, княже Дмитрий, грамота тебе от игумена Сергия. На словах просил передать: благословляет он тебя и всё воинство твоё на праведное дело.

Встал Пересвет, передал грамоту, перекрестил сначала московского князя, потом всё литовское войско, что было за спиной у Дмитрия, затем, повернувшись лицом ко всему московскому воинству, находившемуся за оврагом, трижды перекрестил и его.

Солнце, скрывшееся было за маленьким облачком, разом сдвинуло небесную темноту, брызнуло золотыми лучами в лица русичей.

И оттого даже последний возница, находящийся в обозе, уверовал: на правое дело собрана сила великая, и не переломить теперь эту силу ни ордынцу, ни Ягайло, ни фрязину, в тяжёлые латы закованному, — никому.

Дмитрий Иванович поднял руку, указывая Пересвету точное место в своём воинстве:

— Вон, видишь ли среди московских воевод Владимира Всеволодовича и Дмитрия Всеволодовича, своего переяславского воеводу Андрея Серкиза?

Инок-воин кивнул.

— Ступай туда со своим братом. Чай, не чужие тебе переяславцы-то?

Долго упрашивать служителей церкви не пришлось. Вскочили они на коней и поскакали за овраг.

— А вам, — повернулся лицом к Ольгердовичам Дмитрий Иванович, — в походе быть первыми. Ваши вои все конны, если с основными силами Мамая нежданно повстречаетесь, из походного порядка в боевой быстро перестроитесь.

Только сказал, увидел новых гонцов, пересекавших овраг — разведчиков Петра Горского и Карпа Олексина, а с ними на коне связанного ордынца.

Пётр вплотную подъехал к Дмитрию Ивановичу, тихо, чтобы никто более не слышал, что-то стал говорить на ухо московскому князю.

Дмитрий Иванович кивнул, поднял вверх руку, требуя внимания.

— То дозорные мои славные, языка привели. Говорит язык: уже Мамай на Кузьмине гати стоит, ждёт Ягайла да Олега Рязанского, через три дня должен быть на Дону. А спросите-ка языка, — вновь повернулся Дмитрий к Петру, — велика ли сила ордынская?

Пётр толкнул связанного, спросил на половецком языке. Получив ответ, перевёл:

— Говорит пленный, что, мол, несчётное множество войск — сила Мамаева, никто их не сможет перечесть.

— Ишь ты, — усмехнулся Дмитрий Иванович. — А что же вид у этого сановника такой перепуганный? Только за себя боится, или за хозяина своего?

И это перевёл Пётр, но ордынец лишь втянул голову в плечи и ничего не ответил.

— В обоз его, — отдал приказ великий московский князь, вынул меч из ножен, поднял его вверх, а потом опустил, указывая на юг.

— В двух поприщах отсюда поле большое Пётр с Карпом нашли, там и лагерем на ночь станем.

Ольгердовичи поскакали оврагом, увлекая своё воинство за собой.

* * *

Через два дня стали лагерем на берегу Дона, напротив впадения в великую древнюю реку маленькой речушки Непрядвы.

Только сюда, к Дону, поспел Степан, сообщил Ольгердовичам о передаче Сергиевой грамоты Киприану. А ещё — о том, как под Белёвым наткнулся на ягайловские разъезды, едва живым от них ушёл.

Во второй половине дня пришёл последний дозор, возглавляемый Семёном Меликом. Доложил разведчик: Мамай на Гусином броде стоит, утром будет у Непрядвы. Гнались татары за отрядом Семёна

Мелика до самых основных сил московских, и лишь увидев русские полки, назад повернули.

Дмитрий Иванович срочно созвал княжеский совет. Не всех князей пригласил, только командующих полками: на всех никакого шатра не хватило бы.

Обвёл помощников своих тяжёлым взором, начал речь:

— Семён Мелик, воин вам известный, весть принёс: завтра Мамай будет на Непрядве. Где будем его встречать, витязи славные? Можно здесь. А можно Дон перейти и в поле у Непрядвы встретить ворога. Оба поля хороши. За Доном что плохо: реки будут сзади. Если не устоим — в них многие, отступая, погибнуть могут.

Ольгердовичи переглянулись и без слов поняли друг друга. Встал Андрей:

— Надо Дон переходить. Встанет на Непрядве Мамай, к нему может Ягайло поспеть. Два дневных перехода отделяют Ягайла от Дона.

Обычно тихий и молчаливый Дмитрий вдруг не удержался, встал и поддержал старшего брата:

— Что в голове у воев, то и сбудется. Нельзя об отходе думать. Надо Дон перейти и все мостки разметать, чтоб и мысли не было о поражении. И в тыл никто — ни Мамай, ни Ягайло — не ударит.

Белозерские князья заволновались:

— Великий княже, куда дальше-то? И так к чёрту на кулички закатились, русичи всегда свою землю защищали, своя земля и силу давала… А здесь и леса почти нет! Где прятаться, если не наша сила одолеет?

Разгорелся настоящий спор. Одни князья были за переход на другую сторону Дона, другие советовали оставаться здесь и встречать Мамая на этом берегу.

Дмитрий Иванович, выслушав всех, принял решение, которое было окончательным:

— Сейчас же Дон переходим. Прав тёзка мой Ольгердович: мостки после расположения на новом поле — разобрать. Чтоб и мысли не было об отходе. Там, за Доном, либо ляжем все за землю русскую, либо

Русь спасём. А всё же, думаю, наша возьмёт. Ибо кто Мамай? И кто мы? Что Мамаю надо? Вознёсся высоко, падать тяжко будет. А мы свою землю сбережём, она едина, русская земля. Ольгердовичи подтвердят. И брянцы с нами, и полочане, и псковичи, и вяземский князь Иван здесь... Ведаю: новгородцы печалятся, что не поспели на Дон. Рязанский князь Олег не с нами, но и не в мамаевом войске.

Замолчал, перевёл дыхание, а потом твёрдо, чеканя каждое слово, указал:

— В центре стоять под великокняжеским знаменем Тимофею Васильевичу Вельяминову. Впереди него встанет передовой полк. Командовать им вам, братья Дмитрий и Владимир, сыновья Всеволода. Полком левой руки будет руководить Тимофей Волуевич, с костромичами нашими тебе стоять, Тимофей.

Встал молодой воин в неброском наряде, приложил десницу к груди, поклонился. Дмитрий Иванович продолжил:

— Там же, на левом крыле, будут князья Василий Ярославский и Фёдор Моложский. Справа быть Николаю Васильевичу с коломенцами и Андрею Ольгердовичу. Ты, Дмитрий Ольгердович, встанешь позади Тимофея Васильевича. Молвишь, отступать за реку не можно? Вот и покажешь всем, река зараз позади тебя будет. За тобой уже никого... Долго думал я, братья, о татарском воинстве. Сам видел их хитрости, воев знатных расспрашивал... Их сила в чём? В первом натиске, который имеет три — самое большее — четыре волны... Этот первый натиск выдержать — полдела сделать. Вот почему впереди вас, Всеволодовичи, встанет сторожевой полк. В него каждому из полков отрядить с десяток самых отчаянных, самых храбрых воев. Собирать их поручаю Симеону Оболенскому и Ивану Тарусскому. Ядро сторожевого полка будет из татар и переяславцев Андрея Серкиза.

Вздохнул глубоко, взглянул каждому в глаза. Ни у кого не встретил робости во взгляде. Завершил сход такими словами:

— Тебе, брат мой Владимир, и тебе, Боброк, особое задание будет. Теперь конно едем на поле. Смотреть, кому где стоять. При выходе из шатра вкусите, братья, освящённую Сергием Радонежским просфору. Причаститесь перед боем. Пересвет её держит на блюде. Инока на бой

с Мамаем отпустил сам Святой отец. Завтра великий день: Рождество пресвятой Богородицы. Постоим завтра за веру православную, за землю Русскую!

Перекрестился Дмитрий Иванович, первым вышел из шатра, первым вкусил богородичный хлеб. За ним — все остальные. Всем хватило, никого не обидели. Всех перекрестил Пересвет, ибо один лишь он, да ещё рядом стоявший брат Ослябя были в иноческих одеяниях. Кому ж, как не ему?..

Все, от Дмитрия Ивановича до Семёна Мелика, преклонили пред иноком-воином свои головы. Не понравилось это Пересвету: будто прощаются все с ним. Хотя понимал, что не ему лично поклоны предназначены.

«Умереть не страшно. Страшно позор поражения испытать в святой день. Потому я здесь», — расправил инок сдвинувшиеся было брови.

* * *

— Эка звёзды выдурились... Завтра будет хороший день, — подкладывая тул под голову, устраивался на ночь Ослябя.

— Да, ветра нет... И татар не слышно... Ночь пройдёт спокойно. Соснуть бы немного... Земля ещё не холодная, не успела осенними холодами проникнуться, — Пересвет устраивался рядом с братом и племянником.

— Тишина какая, — удивился Яков, сын Осляби. — Как будто мы одни в поле... А на самом-то деле здесь тысячи пеших и конных... Интересно, татар много?

— Завтра посчитаешь, — проворчал отец. — Постарайся поспать до утра. Утром-то холоднее будет, чай, уже не лето, восьмое сентября... Спи, пока тепло и туман влагой не покрыл...

Мимо лежавших воинов тихо проехало несколько всадников: было слышно горячее дыхание чужих коней, да тёмные контуры воев заслоняли то одни, то другие звёзды.

— Ночная стража? — шёпотом спросил Яков у отца.

Ослябя так же шёпотом ответил:

— В этот час стража на месте стоит... Так мыслю: то великий князь московский последние указания своим воеводам отдавать поехал... Спи. Ни слова боле.

А Якову не спалось. Он услышал, как ровно задышал стрый, как стал прихрапывать отец. Иногда глубоко вздыхали рядом разнузданные кони. Мысли сами лезли в голову: «Справлюсь ли завтра? Вдруг какую неловкость допущу? Всяко ведь в бою бывает... Отец шутил: главное, говорит, своих не порубать... Как можно своих-то? Вон звезда упала... Ещё одна... Увидеть бы на землице упавшие звёзды...»

Яков стал ожидать падения очередной звезды, за этим ожиданием незаметно для себя уснул.

— Вставай, сыне, пора, — тряс за плечо Якова Ослябя.

Молодой воин открыл глаза. На востоке небо уже можно было отличить от земли, над головой гасли последние звёзды.

«Как быстро ночь пронеслась! И снов никаких не видел», — подумал Яков и быстро поднялся, стал приводить себя и коня в порядок. Несколько раз проверил пояс. Меч — слева, справа — нож, копья пока пирамидкой стоят чуть поодаль. Пристегнул заплечный тул со стрелами.

— Лук из чехла пока не вынимай, — подсказал отец и указал на белые клубы тумана, пока робко наползающие со стороны реки.

Рядом стояли братья Константиновичи — Иван и Симеон, к ним подошло ещё трое князей. К этой группе отправился и Пересвет. Яков обратил внимание, что лицо Пересвета постепенно становилось всё более мрачным, меж бровей легла глубокая складка. До юноши долетали отдельные фразы разговора:

— Не дело это... Кто нужный приказ отдаст? Кто под великокняжеским стягом?..

На миг мелькнуло лицо одного из подошедших. И показалось Якову, что под неброскими доспехами обычного воеводы скрывается сам московский князь Дмитрий Иванович.

— Отче... — хотел было обратиться Яков к Ослябе, но тот приложил палец к губам.

— Молчи, — не сказал, прошипел отец. — То не нашего ума дело. Помни: главное в сражении — умение не только разить врага, но и вы-

ручать товарища. А если видишь, что в князя целит враг — хоть телом своим, но заслони князя от опасности. Ну-ка...

Ослябя поправил тул со стрелами за спиной сына.

— Разобрать копья, — командует Симеон Оболенский, и весь сторожевой полк ощетинился копьями.

Разобрали вои копья, сели на коней, стали всматриваться вдаль, а дали-то и... нет!

Там, где должен быть противник, — белая, постепенно розовеющая под лучами невидимого солнца, пелена. Она становилась всё гуще и гуще, тугими волнами набегая со стороны реки, и вот уже не видно края самого полка, а через минуту — ратников в двадцати шагах от себя. И, наконец, облака совершенно окружили всё вокруг, словно пали на землю, спрятав от взора всех, даже самых ближних воинов.

Яков протянул вперёд копьё — наконечник едва угадывался в тумане.

— Отче, а если этим воспользуется Мамай? — забеспокоился Яков.

— Не, — спокойно улыбнулся Ослябя. — Наступать в таком тумане — всё равно что ночью грибы собирать, пустое дело. Копьём-то шибко не размахивай, может, вестник какой будет... Хотя, конечно, какой тут вестник... Себя не потерять бы...

Заиграли рожки, давая знать:

— Переяславцы здесь!

— Белозёрцы на месте!

— Москвичи стоят!

У каждого рожка — свой голос, свой песенный перебор.

А вот раздались голоса чужих рожков: муторно и татарам, и им не сладко в этом молоке...

Из белой мглы показался Пересвет.

— Как думаешь, брате, что вещает сие знамение? — обратился Ослябя к Александру. — Может, не хочет Богородица битвы?

— Думаю иное, — серьёзно ответил Пересвет, взмахнул рукой, указал на мокрую перчатку. — Многие храбрые витязи ныне не встанут с сырой земли. И капли эти — слёзы Богородицы нашей. Мы должны эти слёзы оправдать, должны стеной здесь стать, и если суждено по-

гибнуть, то так, чтобы не напрасно! Не дадим жён своих и дочерей в обиду! Одолеем Мамая!

— Да сколько ждать-то? — не стерпел, спросил Яков.

Александр перевёл взгляд на племянника.

— Не спеши, Яков. Богородица указует: вспомни всё, что дорого тебе в жизни. Родню свою, город родной, Москву, храмы православные... Дорого тебе это?

Молча кивнул Яков.

— Вот, — продолжил богатырь. — А теперь вспомни тех, кто хочет это отнять у тебя... Скоро ты их увидишь... И всегда помни о тех, кто сзади тебя, кого ты защищаешь... Укрепись в вере своей... Тогда и сама Богородица тебе поможет.

Опять медленно заходили в воздухе белые волны — но теперь не сгущаясь, а расходясь и поднимаясь вверх. Голубел небосвод, туман каплями оседал на траву, доспехи воинов и коней. Сначала блеклым пятном, а потом чётко, ясно стало видно солнце. Оно было не жёлтое, тёплое, а белое, холодное.

— Отсыреет тетива у лука, далеко стрелы не полетят, — забеспокоился Яков.

Грозно посмотрел на сына отец:

— Не только у нас они могут отсыреть, но и у врага. Все на одном поле стоим. Ну, сыне, с Богом. Смотри.

Посмотрел вперёд Яков, и увидел врага.

На расстоянии чуть большем, чем полёт стрелы, стояла лёгкая конница Мамая. Было видно, как стрелки готовят к бою луки.

— Сейчас налетят, — Симеон Константинович сел на своего вороного коня, расчехлил лук, приоткрыл тул со стрелами. — Лучники — готовьсь! Пересвет, Ослябя — во второй ряд!

Пересвет и Ослябя беспрекословно повиновались. «Симеон — старший здесь, будь ты хоть сам царь египетский, — подумал Яков, — а приказам старших в бою не перечат. Бережёт Симеон отца и брата его!»

Татарская конница сначала отступила назад, словно приглашая русских начать движение вперёд. Но видя, что московские рати словно

вросли в землю, мамаевы лучники понеслись вдоль позиций сторожевого полка, осыпая его тучами стрел.

Тем же отвечали и воины сторожевого полка, князь Симеон Константинович подавал пример. Яков обратил внимание, что ни одна его стрела не пролетела мимо цели. А с какой скоростью князь вынимал стрелы из тула! «Я так не смогу», — приуныл сын Осляби.

Появились первые убитые и раненые. Яков стоял в самом первом ряду, прикрывал себя и стреляющих лучников щитом. Хороша была толстая войлочная попона на его коне: стрелы врага так и вязли в ней, не причиняя вреда животному.

Несколько раз пронеслись мамаевы всадники вдоль русских рядов. Вдруг опять разом отступили, спрятав за спины луки, и с гиком понеслись прямо на сторожевой полк, крутя над головами саблями. Иные были с копьями наперевес.

— С нами Богородица! — воскликнул Симеон и первым помчался на противника. За командиром — все остальные, как один.

Сшиблись.

Трещали ломавшиеся копья, пронзённые ими всадники падали на землю, татарские сабли звенели о русские мечи. Крики умиравших, раненых, живых. И потекла ручьями человеческая, перемешанная с конской, кровь.

Яков, отразив удар врага щитом, сам сшиб противника, потеряв при этом копьё. Выхватил меч из ножен. И вовремя: успел отразить сабельный удар, и второй, а на третий раз изловчился и опередил врага ударом. Думать некогда: вновь над ним сверкают сабли, от них приходится отбиваться и наносить удары самому. Вдруг впереди — никого.

Обернулся. Рубятся татары в глубоком тылу сторожевого полка, уж и воины передового полка задействованы.

«А и завязните вы тут!» — подумалось Якову, он повернул своего коня и помчался на противника.

Заиграл татарский рожок — сигнал отступления.

Не все смогли вырваться из русских рядов, выполнив приказ. Опять меж двух разъединившихся воинств — пустое поле, местами усеянное первыми жертвами. Да примятая трава, словно скошенная, валялась на земле.

— С Богом, Яков, то ещё не битва была, — бросил на сына короткий, но пристальный взгляд Ослябя. На мгновение вложил меч в ножны, погладил шею разгорячённого коня, успокаивая его.

Тут Яков сначала услышал слева от себя, чуть поодаль, звуки продолжающегося сражения, а потом увидел, что один вражеский всадник из передового мамаева отряда не выполнил приказ об отходе. Гигантского вида ордынец продолжал разъезжать меж русских рядов, сея смерть своей не знающей устали саблей. Около него образовался целый круг убитых им воинов.

Завизжал от радости злодей, видя, что нет равных ему, отъехал назад, к своим, вложил саблю в ножны, на чистом русском языке закричал:

— Эй, вы, хилые сыны земли русской, кто выйдет на бой, кто хочет башку потерять от моего копья?

Богатырь нагнулся и поднял с земли копьё. Потряс им:

— Есть у Мити московского богатыри? Долго мне ждать?

— Тебе быть убитым от руки моей! — раздался голос Пересвета.

Выехал вперёд Александр, заиграло солнце на его злачёных доспехах.

Усмехнулся татарин (позже узнали имя его — Челубей), отъехал чуть назад, отдал слуге чужое копьё, принял от него своё, в сотый раз проверил каждую его пядь — нет ли где трещинки — и поднял его вверх, как бы спрашивая: готов русич к поединку?

Пересвет ответил тем же жестом, потом повернул копьё, нацелившись на середину груди — туда, где бьётся вражеское сердце, пустил вскачь коня.

И Челубей помчал навстречу.

Взмолился Яков, наблюдая за поединком: «Богородица! За тебя жизнь отдаёт муж святой! Помоги ему!» Не выдержал — отвернулся, закрыл глаза. Но только на одно мгновение.

Удар. Открыл глаза Яков, видит: никто не промахнулся, оба копьями пронзили друг друга.

Пал Челубей. Радостные крики в московском воинстве, горестные восклицания и вопли проклятия — в мамаевом.

Едет Пересвет к своим, только весь обмяк, припал к гриве коня. Обступили его товарищи, положили на землю. Тут поняли: мёртв великий герой. Видит Яков, как почернел ликом отец, как Дмитрий Иванович (всё-таки это был он, равный среди равных, храбрейший среди храбрых) сказал:

— Просчитался Мамай! Наша будет победа, ибо Пересвет победил злого ворога!

И поворотил коня в большой полк, к радости всех русских воинов.

«Среди нас Дмитрий, с нами первый натиск выдержал, будет победу праздновать!» — то тут, то там раздавались возгласы.

Якову вспомнились боевые упражнения стрыя Пересвета: как он хватал за пояс то одного молодца, то другого, легко, как игрушку, поднимал и укладывал на землю. И так десять, двадцать раз подряд...

«Да, победил стрый, но и сам жизнь отдал... А как же я? Я не так могуч, как Александр, какова же моя доля? Отец жив, но он поехал с Дмитрием Ивановичем в большой полк, а я?» — спрашивал он себя.

И тут увидел вместе со всеми генуэзскую пехоту Мамая.

Она шла стройными рядами, выставив вперёд длинные копья, шлемы воинов были украшены чёрными перьями каких-то заморских птиц.

— Сторожевая конница, подать к полку левой руки, костромские нас заждались! — командует Симеон Константинович Оболенский и ведёт остатки своего полка к Тимофею Волуевичу, освобождая место для пешего передового полка Дмитрия и Владимира Всеволодовичей. Пехоте лучше биться с пехотой.

Однако наблюдать за сражением в центре поля Якову не пришлось: самую лучшую, хорошо вооружённую татарскую конницу бросил Мамай на левое крыло русских сил.

Перед глазами Якова мелькали чужие, злые лица, под его ударами и ударами товарищей слева и справа падали тела врагов.

Но вот не стало соседа слева. Долго бился сосед справа — им был Семён Мелик, но и он пал от удара вражеского копья…

Сзади слышит знакомый голос и узнаёт его: то Андрей Серкиз, переяславский воевода, шестопёром укладывает врагов, обошедших Якова слева и справа.

Сразу три конника окружили Якова. Раздумывать некогда, да и незачем: всё обдумано утром, перед боем. «Пересвет пал. А я?» Всю силу вкладывает Яков в удар и мечом разрубает голову того, кто перед ним. Ордынцы слева и справа рубят сына Осляби саблями, падает юноша на землю, дико смотрит на бездыханное тело освободившийся конь, словно спрашивая: «Я свободен? А зачем она мне, свобода, если нет больше тебя, мой славный хозяин?»

Падает на тело Якова пронзённый копьём Андрей Серкиз; падают десятки, сотни убитых русских — те, что крепко стояли в сторожевом и левом полках.

Велика сила мамаева, начинает одолевать она силы Дмитрия Ивановича. А где же сам великий князь? Не видно и его.

* * *

Когда туман лёг большими каплями на траву, кусты, попоны коней, латы и доспехи воинов, неясное чувство тревоги завладело Дмитрием Ольгердовичем. Вроде бы его полк был там, куда определил его Дмитрий Иванович, — позади большого полка. Но если полк Тимофея Васильевича Вельяминова занимал довольно возвышенное место, и ему было видно всё поле, брянцы, трубчевцы и стародубцы Дмитрия видели только спины впереди стоявших воинов из большого полка. Да немного соседей справа и слева. Единственное, что хорошо видел Дмитрий — это великокняжеское знамя Дмитрия Ивановича с ликом Спаса Нерукотворного впереди своих позиций, да сзади — петляющую в кустах Непрядву-реку. Понял: с полком ему находиться нельзя, надо ехать к главному стягу всего воинства, там он сможет оценить обстановку, там станет ясно, где и когда вступать в бой.

Рядом с ним — его сыновья Михаил и Иван, не пустил он их вперёд, к Андрею Серкизу в сторожевой полк. Там, впереди — лишь опытные воины, а какой опыт у его сыновей? В прошлом году не мечами — хлебом-солью встречали московскую рать под стенами Трубецка.

— Иван, Михаил, стоять на месте до последнего. Пока лично приказа не дам. Я там, под стягом Дмитрия Ивановича буду. Ждите.

Ровно стоят русичи, полки не перепутаешь. Каждый — со своим знаменем. Меж полками и отдельными сотнями — свободные пространства для проезда от одних подразделений к другим вестовых, отдельных командиров, таких, как, например, Дмитрий Ольгердович.

Хотел было сразу подъехать к Дмитрию Ивановичу, но его остановил Тимофей Васильевич:

— Стой, Дмитрий.

— Что такое?

— Близко к великокняжескому стягу подъезжать ни к чему.

— ???

Видя недоумённое лицо Дмитрия, Тимофей как можно ближе подъехал к переяславскому князю, пригнулся немного (большой рост не всегда удобен!) и тихо сказал:

— В великокняжеских доспехах — не московский князь, то ближний его, Михаил Бренк.

— А… — запнулся Ольгердович, не зная, как правильно задать вопрос.

— А сам великий князь надел доспехи Михаила Бренка и выехал в передовые войска. Он сейчас где-то там, — указал рукой на передние ряды.

Засопел сын Ольгерда:

— Никогда мой отец так не поступал… И о том никогда не слышал… чтобы вождь от руководства отстранялся…

— Не умом — сердцем пойми, почему великий князь там, — строго посмотрел на Дмитрия Тимофей. — Впрочем, потом всё это… Смотри, началось!

Действительно, не только командующие — все увидели и услышали первые атаки вражеской конницы, первые рукопашные схватки. Крики людей, ржание коней, свист тысяч стрел...

Потом был отход лёгкой мамаевой конницы и поединок Пересвета с татарским богатырём. Издали всем показалось, что Пересвет победил, ибо воин Золотой Орды пал на месте поединка, а Пересвет отъехал к своим. Над полем трижды пронеслось «Ура!», воины воспряли

духом. То тут, то там раздавалось: «Теперь победим, точно, Богородица за нас сегодня!»

И не так страшна казалась теперь многотысячная мамаева рать, ринувшаяся на русское воинство.

Справа и слева сражались конные полки, в центре сначала попыталась показать себя черноголовая генуэзская пехота (так прозвали её из-за чёрных перьев на шлемах), но, когда у неё это не получилось, уступила место отборной, в доспехах с головы до пят, тяжёлой татарской коннице.

Передовой полк почти весь полёг на поле, не сдав ни пяди земли.

— Ну, вои мои славные, наш черёд! — Тимофей Васильевич вынул меч из ножен, поднял его вверх и указал вперёд, на видневшийся вдали жёлтый Мамаев шатёр.

В центре опытный полководец поставил пеших латников, по бокам — московскую конницу. Звон сабель о мечи, крики живых и умирающих воинов, гулкие удары шестопёров и булав, конское ржанье — всё слилось в один неумолчный скрежет и вой, какого никогда не доводилось слышать Дмитрию. Казалось, сама земля стонет и ходит ходуном от тысяч и тысяч сражающихся.

Рвутся, рвутся воины Мамая к великокняжескому стягу, но пока не могут до него добраться. Не сдают своих позиций главные московские силы.

Глянул Дмитрий вправо и возгордился своим братом Андреем: рубятся шибко его русские и литовские витязи, даже одолевать стали, продвигаются понемногу вперёд витебчане и полочане, и коломенцы, сдаёт пядь за пядью свои позиции конница поганого Мамая.

Глянул влево, и невольно вырвалось у Дмитрия:

— А, чёрт!

Одолевает слева сила татарская, чуть ли не на полверсты врубилась в русскую линию войск. Сдают позиции костромичи, а их воеводу Тимофея Волуевича не видно, может, и нет уже в живых храброго воеводы. До реки — рукой подать, наиболее слабые духом уже побежали к ней.

— Я — на левый фланг! — кричит Дмитрий Тимофею и скачет к своим, меч на ходу вынимает.

Доскакал, чуть попридержал коня, отдал приказ:

— Северяне! Поможем костромичам, не дадим сгинуть! С нами Богородица!

И повёл свою конницу на почуявшего уже победу противника.

Схлестнулись брянцы, трубчевцы и стародубцы с татарами.

Да не отступил противник. Мамай, видя, что на его правом фланге дела идут неплохо, ввёл сюда свои последние резервы.

Рубятся северяне, не дают противнику зайти в тыл. Но не может Дмитрий вести бой так, как брат его Андрей, наступая шаг за шагом на врага. А всё потому, что против Дмитрия мамаевых сил втрое больше.

Вдруг среди русичей прошёл вздох сожаления, сочувствия. Что такое? Обернулся Дмитрий… и не увидел великокняжеского знамени, не увидел золотого шлема Михаила Бренка.

Зато татарам как будто кто-то добавил силы и они стали одолевать.

Ещё на шаг отступили его северяне, ещё… Не убит Иван Киндырь, он видит своего сына, очень высокого ростом… А где Михаил? Не видно Михаила!

«Эх, мне бы сотню-другую, не сдвинулся бы с места, да нету их у меня!» — горестно подумал Дмитрий, глянул на соседа справа.

Храбро бьются воины Тимофея Вельяминова, не сдают позиций! Сам Тимофей хорошо виден: в обеих руках у него мечи, разит ими супостатов-врагов, и нет ему равных...

А его витязи? Тают, тают под ударами втрое превосходящих сил.

— Эх!

С этим возгласом сам проник в первые ряды, зарубил одного противника мечом, второго.

Какой-то очень смелый воин удачно защищал Дмитрия слева, не давал подойти вражеским конникам к Ольгердовичу. Даже подмигнул князю, улыбнулся — дескать, держись!

Дмитрию не требуется такая поддержка, хотя он, конечно, оценил её. Как медведь, которого разозлили, Ольгердович уже не мог остановиться, рубил и рубил врагов направо и налево.

Сломался меч. Успел выхватить булаву и пошёл орудовать булавой!

Справа тоже булавой успешно разил врагов брянский дружинник с удивительно большими круглыми совиными глазами. Казалось, он поражал их сначала взглядом, и лишь затем оружием. Где-то уже Дмитрий видел этого воина, но вспомнит об этом потом, сейчас не до того… Вспомнит, как перед битвой обходил свои сотни, и уже тогда обратил внимание на этого необычного вида воина, стоявшего в первом ряду, уже тогда было видно, что он рвётся в бой, не может спокойно дождаться начала битвы…

И вдруг — такое долгожданное — «Ура»!

По далеко вклинившимся в ряды русских мамаевым конникам ударил засадный полк Дмитрия Михайловича Боброк-Волынского и Владимира Андреевича Серпуховского.

Сразу как-то обмяк противник, многие попытались поворотить коней. А куда ворочать? Меж двух Дмитриев оказались татары: с одной стороны — стойкие витязи Дмитрия Ольгердовича, с другой — Дмитрия Михайловича, которые так заждались возможности показать свои силы!

И в центре стал одолевать Тимофей Вельяминов.

А справа Андрей Ольгердович уже гнал перед собой ордынских всадников, желая первым добраться до шатра Мамая и взять его обладателя в плен.

Не удалось всё же двум Дмитриям взять противника в кольцо, просочился он меж них и стал удирать к жёлтому шатру.

Тут и увидел рядом с собой Дмитрий Ольгердович сына Михаила в окружении известных трубецких разведчиков Степана и Ивана. Обрадовался, да разговаривать некогда — надо теперь гнать врага, покуда хватит сил. Прежде всего — сил коней, несущих на себе победителей битвы.

Приближаясь к шатру Мамая, Дмитрий увидел, как к этой жёлтой тряпке подскакал его брат Андрей и стал рубить вражеский символ на кусочки. Пал шатёр, а где же его хозяин?

Утром здесь, на высоком холме, стоял гордый и надменный Мамай, а теперь здесь стоят русские вои, мечами указуя друг другу на удиравшую свиту мамаеву. Там, видимо, был и сам Мамай.

«Догнать! Догнать подлеца!» — только эта мысль теперь владела каждым русичем. И ринулись они в погоню.

Пятьдесят вёрст гнались за Мамаем до реки Мечи.

Не догнали. Ушёл Мамай. Форсировать реку не стали: и так далеко ушли от поля битвы. До наступления сумерек нужно было вернуться назад, решить главный вопрос: где Дмитрий, великий князь московский? Жив ли? Ранен? Если ранен, насколько тяжело?

Рядом с Дмитрием Ольгердовичем скакал воин, которого он приметил в бою. И опять слева, как и в сражении. Улыбается.

— Что, сладка победа? — спросил Дмитрий.

— Сладка, княже, хоть и дорогой ценой далась! — ответил всадник. — Ещё три-четыре таких победы, и Москва дань совсем платить перестанет! Весь православный мир защитить сможет!

— Далеко вперёд заглядываешь! — удивился мыслям попутчика Дмитрий. — Как звать тебя, из каких краёв?

— Я с тобой, княже, ещё из самого Трубецка! И в Переяславле с тобой был! В дружине сына твоего Михаила, звать меня Софонием, Софонием Рѣзанцем!

— В Переяславль с нами, аль сразу в Трубецк пойдёшь?

— Михаилу служу, где княжич, там и я! — коротко ответил воин.

— Кроме ратного дела, что по-сердцу? — почему-то спросил Дмитрий.

— Богомаз я! Помощники у меня есть… И книгами торгую… Книги шибко люблю! Из Трубецка одну книгу вывез — ей цены нет!

— В Переяславль вернёмся — покажешь?

— А не отнимешь, княже? — спросил Софоний и опять широко улыбнулся.

— Чужое не отнимаю, — нахмурился Ольгердович. — Если решишь продать, так я не обижу, могу щедро одарить.

— Обязательно покажу её, княже, а продавать не могу, планы у меня есть на неё!

Куликово поле встретило победителей криками воронов и стонами раненых, тяжким ржанием погибающих коней. Картина была

жуткая: в центре, где был самый жестокий бой, трупы лежали друг на друге в несколько рядов. Среди убитых попадались раненые. И — ручьи, реки крови. И — стон, непонятно откуда идущий... Казалось — стонет сама земля...

Московского князя нигде не было. Владимир Андреевич более всех волновался:

— Мне, мне весть добрую или злую несите, вои мои славные, о брате моём Дмитрии Ивановиче!

Те, кто не знал о переодевании великого князя, подвели Владимира к Михаилу Андреевичу Бренку, убитому в плаще и доспехах великокняжеских.

Иные нашли мёртвого князя Фёдора Семёновича Белозерского, ликом очень похожего на Дмитрия Ивановича.

И огорчался каждой смерти Владимир Андреевич, но и тешил себя надеждою, что удастся найти великого князя живым.

«Помоги, Богородица, брату моему! Оставь его хоть раненым, но на этом свете, не на том!» — молился про себя князь серпуховский.

Наконец, пришёл простой воин Фёдор Холопов, доложил: жив великий князь, лежит под свежесрубленной берёзой, чуть дышит.

Все князья поспешили туда, куда указал Фёдор.

Привели в чувство великого князя. Посадили. Не узнаёт никого Дмитрий, смотрит на всех мутным взором. Сняли с него весь избитый доспех, осмотрели тело, обрадовались: ран нет. Одели. Дали воды испить.

Андрей Ольгердович говорил всем, кто не знал о Бренке и великом князе:

— Мы все советовали Дмитрию Ивановичу стать позади полков под знаменем у шатра, а он отвечал: «Не могу я так поступить, но хочу прежде всех сам начать и другим образец дать, как голову свою положить за имя Христово и пречистой его матери! Чтобы все, видев моё дерзновение, так же с усердием наступали!» И когда первый натиск был отбит, потом в центре долго сражался... Потеряли его из виду, когда Мамай проклятый чуть было полк левой руки не сломал совсем.

Владимир Андреевич обнял великого князя:

— Дмитрий! Победа! Наша взяла! Бежал Мамай с поля боя!

Только тут прояснел взгляд Дмитрия, узнал он своего брата, обвёл всех уже осмысленным взором.

— Так возрадуемся и возвеселимся, что даровал нам Господь победу! — сказал он слабым голосом, но чётко, и поняли его все.

Посадили на коня, поехали к поставленному великокняжескому шатру. Заиграли весело трубы, возвещая всем: жив Дмитрий Иванович!

И прежде, чем зайти в шатёр, дал указание великий князь:

— Искать живых среди мёртвых. А стемнеет, факелы зажечь, всю ночь искать! Чтобы ни один без помощи не остался!

Утром следующего дня совсем не было тумана, словно Всевышний действительно помогал искать живых. И многие раненые были спасены. Кого конём придавило; кто под телами людскими еле дышал, не мог сам освободиться; кто ослаб от потери крови, но после перевязки и небольшого отдыха вставал на ноги и брёл к телегам...

Взошло солнце. Гасили факелы.

Великий князь со всеми князьями объезжал поле битвы.

Особенно много погибших было в центре поля. Русские лежали на татарах, татары — на русских, те — на генуэзцах... Кровью пропиталась земля, иногда трудно было определить, к какому воинству принадлежит убитый. Ведь были ещё и татары Андрея Серкизова, воевавшие и отдавшие жизни за великого князя Дмитрия Ивановича.

Подъехали к месту, где вместе лежали восемь белозерских князей. Отцы с детьми, дядьки с племянниками. Отдали жизни за свободу Русской земли. Долго их защищали белозерские бояре — не защитили, сами полегли рядом...

Беспрестанно крестился Дмитрий Иванович и вся свита его. Трудно, тяжело было смотреть на павших, но как без этого? Всех, всех надо сохранить в памяти, чтобы честно ответить матерям и жёнам, сёстрам и детям героев, как сражались они за родную землю. Ведь им не скажешь: «Не видел, не помню...» Ты — князь, Дмитрий Иванович, ты должен всех князей павших знать! Тех, кто сам погиб, а московскую Русь спас...

Вот лежит Микула Васильевич, окольничий, младший (второй) сын московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, свояк вели-

кого князя московского (Дмитрий был женат на младшей дочери нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича Евдокии, а Микула — на старшей Марии). Дмитрий Иванович видел, как враг копьём поразил сына тысяцкого, как был повержен и противник, но тут же нахлынули свежие мамаевы силы, и рядом с Микулой полегло пятнадцать князей московских, ростовских, суздальских, костромских и владимирских...

Тут же, чуть поодаль — как не заметить? — в великокняжеских доспехах Михаил Андреевич Бренк, товарищ Дмитрия ещё с детских лет... Вместе когда-то играли в прятки, ходили рыбачить на Москву-реку, собирали грибы и ягоды со своими сверстниками под присмотром строгих седовласых дядек...

Болит всё тело у Дмитрия — вчера ему здорово досталось, — но, раз болит, значит, живой, а Миша? У Миши уже ничего не болит и никогда не заболит...

Слез с коня, опустился на колени, коснулся рукой лица Бренка. «Ведь знал друг мой, знал, на что шёл, согласившись поменяться доспехами. Знал, что именно к нему будут стремиться самые отважные вои мамаевы», — думал Дмитрий, слёзы текли по его щекам, а рука сама, непроизвольно, всё гладила, гладила лицо, не успевшие поседеть волосы павшего героя.

Усилием воли заставил себя встать, и тут же взгляд упал ещё на одного очень знакомого воина. Знаменитый дозорный, которого знало всё войско — Семён Мелик. Убит ворогом. Над телом его стояли на коленях, оплакивали смерть товарища трубецкие воины-разведчики Степан да Иван: знали они друг друга. Где, в каких дремучих лесах или дальнем диком поле сходились их пути-дорожки? Теперь неважно! Они живы — Мелик мёртвым лежит перед ними...

— Эх, Семён, Семён! Как мне теперь без тебя? — вздохнул Дмитрий Иванович. — Ты всегда первым верные вести о враге доставлял, только тебе я верил без оглядки, нет тебе замены, ты был моими и глазами, и ушами!

Пошёл далее меж трупов. Князья — за ним.

Стоит на коленях Ослябя, оплакивает смерть сына. Коснулся великий князь плеча инока:

— Вставай, милый мой. У тебя ещё много работы. Вон сколько павших. За всех помолиться надо.

Лишь кивнул Ослябя, ничего не сказал. Зарыдал беззвучно, только плечи затряслись.

Дмитрий сделал несколько шагов и вышел на место, где всё начиналось.

Лежит известный богатырь татарский, а рядом с ним (специально успели положить, чтоб все видели?) в золотых доспехах брянский боярин, Сергиев чернец Пересвет.

Указал на него Дмитрий:

— Видите, братья, начальника битвы? Его победа была подобна всему сражению! И если бы не он, от руки татарского богатыря многим бы пришлось испить горькую чашу смерти.

Помолчав немного и вновь перекрестившись, изрёк:

— Слава Богу, изволившему так. Александра Пересвета, Семёна Мелика, Михаила Бренка, всех павших князей, руководивших полками, доставить в дубовых колодах для похорон в Москву. Остальных здесь похоронить в братских могилах. И чтобы воспета была вечная память всем православным христианам, убитым на поле между Доном и Мечью!

Приказ великого князя московского Дмитрия Ивановича был исполнен в точности, за исключением одного: встретил возвращающихся в Москву воинов Феодор Симоновский и упросил похоронить Александра Пересвета и Якова, сына Осляби, у себя в монастыре. Отказать ученику Сергия великий князь не смог.

* * *

Зарядили осенние дожди. От летнего тепла не осталось и следа. Здесь, на севере от Москвы, короткое лето заканчивается быстро. Селяне спешили завершить уборочную страду, лишь капусту оставляя пока до первых лёгких заморозков.

В нынешнем 1380-м году от рождества Христова, во многих уголках русской земли сменились хозяева: места погибших воевод заняли их сыновья. Так было и в переяславских владениях Дмитрия Ольгердовича. Князь говорил супруге:

— Может, подадимся к Ягайле? Не могу я здесь спокойно смотреть в глаза вдовам переяславским. У кого мужа, а у многих и детей отняла эта битва. У нас с тобой, Аннушка, оба сына живы, даже не ранены... Я-то с брянцами, стародубскими да трубецкими сотнями в запасном полку стоял, а переяславские мужи — царство им небесное (перекрестился Дмитрий) — все впереди стояли. Там и полегли, как сейчас говорят, на поле Куликовом... И первым из павших героев был славный наш Александр Пересвет — везли тело его в дубовых колодах в Москву, да перед самой Москвой встретил нас Фёдор, настоятель Симоновского монастыря. Отпросил тело себе, в своём монастыре похоронил, ибо там перед битвой церковную службу Александр нёс... Давеча сомкнул глаза — Пересвет предо мною, да не в злачёных доспехах, — в чёрном монашеском одеянии, отворачивается от меня и уходит куда-то вверх, в гору, а на горе храм стоит, не то наш, земной, не то небесный... Так как, Анна, может, пора в родной Брянск?

Не впервой заводил подобные разговоры с женой Дмитрий. И всегда это происходило на ночь глядя, после трудных дневных забот.

Анна обнимала, целовала мужа:

— Как можно в Литву, Дмитрий? А клятву верности кто московскому великому князю давал? Или ты бежал с поля боя, ворога испугавшись? Или дети наши струсили? Тебе не в чем упрекнуть себя, дорогой мой...

— Да, всё так. И всё же... За день сколько раз читаю во взорах укор... Мол, и сам жив, и детей спас...

— Перекрестись! Не ты спас — Богородица спасла от смерти и тебя, и Мишу с Ваней. Давай помолимся, да ложись спать: утро вечера мудренее.

И сын Ольгерда безропотно вставал на колени перед домашней иконой, шептал молитву, а потом долго ещё стоял так, на коленях, молча думая о чём-то своём. Анна тихонько одна ложилась спать, не тревожа, не торопя мужа. Помнила его слова, сказанные сразу после возвращения с Поля, шедшие, казалось, от самого сердца, сказанные с каким-то особым надрывом: «Снятся мне, Аннушка, други мои убитые. Молчат, в глаза смотрят... Вроде и без укора, но и без радости... Я им: «Что, Анд-

рей? Что, Семён?» А они повернутся, и уходят тихо вслед за опускающемся солнцем... А я не могу за ними, стою на месте, ноги будто в землю вросли. Эх, только бы не напрасно... Только бы не зазря...»

* * *

В следующую осень пришли необычные для Дмитрия вести из Литвы: там стрый Кейстут сверг с престола Ягайло, сам сел править. Брат Андрей покинул Псков и вернулся в Полоцк.

Переяславский князь мигом — в Москву, к новому Московскому митрополиту Киприану:

— Что делать? Может, и мне туда, на помощь Андрею?

Киприан строго посмотрел на Дмитрия:

— А брат просит тебя о помощи?

— Нет.

— Вот и не суетись. Кейстут в Вильно, брат Андрей — в Полоцке, другой твой брат Владимир — в Киеве. Оба они, мыслю, во всём поддержат стрыя твоего... За остальных сынов Ольгерда не ручаюсь. А твоя — именно твоя, — Дмитрий Ольгердович, помощь нужна будет здесь, в Москве. Ты — надёжное плечо у великого князя московского. Борьба со степью только началась, ещё ничего не решено... Знаешь, Золотой Ордой теперь правит хан Тохтамыш? Как повернёт, что сделает? — пока не известно. Не только Дмитрию Ивановичу ты здесь нужен, но и мне.

Усмехнулся Киприан, снял с пальца перстень:

— Узнаёшь?

Это был тот самый перстень Сергея Радонежского, который Дмитрий через Ивана и Степана трубецких передал митрополиту.

Кивнул головой.

— Где сейчас добрый сей воин, что меня тогда в Киеве навестил, грамоту Сергия передал? Жив ли?

— Степан жив, думаю, в своём родном Трубецке торговлю ведёт... А многие мои переяславцы уже...

— На всё воля Господня... Только он решает, что впереди у нас, какие испытания нас ждут. И здесь, в Москве, не легче будет, чем в твоём Подесенье, поверь.

* * *

«Молчание Тохтамыша можно объяснить либо его слабостью, либо подготовкой к новому походу на Москву», — размышлял Дмитрий Ольгердович. И, как мог, укреплял свой Переяславль, подновлял сторожевые башни крепостной стены.

Ровно через два года после битвы с Мамаем пришёл в Переяславль приказ от Дмитрия Ивановича, взбудораживший весь город: немедленно собирать конное воинство и, не мешкая, направляться к Москве.

В назначенный час у Спас-Преображенского собора собралось несколько сотен всадников.

Грустно оглядел своё воинство Дмитрий Ольгердович. «Прошлый раз втрое больше было», — мелькнула мысль, вслух всем сказал:

— Идёт царь Тохтамыш на Москву. Нас просит прибыть великий князь московский Дмитрий Иванович. Выступаем тотчас. Тебе, Фёдор Покропаев, вновь быть градским воеводой на время, пока мы в Москве будем. Прокоп! Тебе доверяю княжеские семьи. Береги родных пуще жизни своей!

После короткого молебна, совершённого протоиереем Фотием, открыли Московские ворота кремля и лучшие витязи Переяславской земли покинули город.

В Москве задерживаться не стали, всем сборным войском выступили к Коломне. Многих князей сразу же смутила малочисленность войска. Владимир Андреевич Серпуховский заметил Дмитрию Ивановичу:

— Прошлый раз на Коломну тремя дорогами шли, а ныне и одной много...

— Прошлый раз пешее воинство с нами было, а ныне — одно конное, — резко ответил Дмитрий, которого москвичи уже «за глаза» стали называть Донским.

Едва стали лагерем на ночлег, в великокняжеский шатёр зашёл суздальский князь Дмитрий Константинович:

— Великий князь московский Дмитрий Иванович, уж не думаешь ли ты с этими малыми силами встать против законного царя Золотой орды? Мои воеводы прямо говорят: мы заодно с Дмитрием Ивановичем в разумных действиях, но идти с хлыстом против меча может только потерявший рассудок.

— Вот мы сейчас и обсудим, что разумно, а что — нет, — ответил Дмитрий Иванович и велел собирать малый княжеский совет, на котором будут лишь главы земель, да самый опытный в военном деле князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский.

Лишь три князя — Дмитрий Ольгердович, Владимир Андреевич, да Боброк-Волынский поддержали великого князя московского. Доказывали остальным:

— Степняков на Оке задержать можно! Дозоры передают: идёт Тохтамыш быстро, значит, идёт малыми силами!

Большинство князей упёрлось на своём: «Мало нас... Где твои брянцы, Ольгердович? Где кашинцы, псковичи, полочане? Где белозёрское воинство? Да и те земли, что смогли дать воев, столько ли дали, как два года назад!? Не воевать с царём, а показать свою покорность надо, дань заплатить, он и отведёт войско. Наши деды и прадеды дань платили, не нам порядок менять... Воевать будем — где коней добудем? Мы их и в Литву, и в Польшу, и немецкому ордену поставляем. А шелка, золото, серебро? Греки ныне слабы, от них этого не получишь...»

Внимательно всех выслушал Дмитрий Донской. Понял: единства нет. Не верят в свои силы князья. Без веры в бой идти — значит, обречь ратников на верную гибель. А других-то нет. Самому на поклон к Тохтамышу идти? Нельзя! Зарежет его царь Золотой орды, как барашка, и дело нескольких поколений московских князей будет порушено.

Когда все вволю наговорились, встал Дмитрий Донской:

— Мало сил у нас, други? Да, мало. Говорите, дань послать Тохтамышу? Мы её сначала соберём... в Москве со всех земель. Конечно, предложим её царю. А ну, как не возьмёт? Мыслю, иная цель у Тохтамыша: силу свою показать. А мы? А мы в свои земли пойдём. Силу свою сделаем вдвое, втрое больше татарской. Тебе, Владимир, брат мой, идти на Волок. Встань там, собирай людей... Проси великого тверского князя Михаила, пусть поможет в ратном деле... Дмитрий Ольгердович да Дмитрий Михайлович со мной в Переяславль, потом в Кострому... В Москву заходить не будем... Москва справится. Митрополит там. Ольгерду Москва не поддалась, и Тохтамыш её не осилит... Всем отбыть в свои отчины. Сбор всех сил назначаю в Дмитрове.

Виктор ХОЛИН

ЧАША БОЛИ

О благости и чести

Когда вперёд нельзя, и некуда вернуться,
А боги, как всегда, глухи, немы, слепы,
Нет смысла рассуждать об истине на блюдце
С каёмочкой любви расхристанной толпы.

Нет смысла вопрошать о Родине и чести —
Печалься, Русь, ты вновь поставлена на кон.
Торг шулеры ведут на древнем лобном месте,
О, как им жжёт глаза твой праведный закон!

Об авторе

Виктор Иванович Холин родился в Севске 15 августа 1957 года. Преподаватель ДШИ по классу баяна. Руководитель народного хора районного культурно-досугового центра. Член секции композиторов-любителей при Брянском Областном методическом центре «Народное творчество».

Автор двух сборников вокальных произведений для народного академического и детского хоров: «Свет родного края» (1992), «Наша судьба — Россия» (2005).

Публиковался в альманахах «Литературный Брянск» и «На земле Бояна», в других районных и областных периодических изданиях.

Автор книги стихотворений «Два солнца» (2007), «Русское счастье» (2009).

Член Союза писателей России с 2013 года.

Живёт в Севске.

В продажной суете, спасёшься ли чудесно?
Всё скорбней по церквам иконных ликов грусть.
Но благостен твой путь — одна у птицы песня,
Одна у жизни боль, одна у мира Русь!

Над спящей землёй

Сон виденья множит.
Ну, душа, лети!
Добрый взгляд — поможет,
Злой — собьёт с пути.

Вспыхнет рыло-маска,
Кто ты, воин-кметь?
Песня-златогласка,
Здесь не время петь.

Песня-гореславна,
Затаись, молчи.
Здесь печаль бесправна,
Словно свет в ночи.

Падай, постигая
Непроглядность сна:
У добра нет края,
А у зла нет дна.

Разбрасывающим камни

Я — отсвет открытого вечностью дня.
Семь вихрей горячих подняли меня,
Семь гроз полыхнули в полнеба огнём,
И… ветер родился. Вы здесь ни при чём.

Что камни? Я — воздух, прозрачный озон,
Бесплотный не может быть камнем сражён.
Пусть в злобе и подлости плещется яд,
Я — свежесть, нахлыну — и кончится смрад.

Довольно упрёков, и зависть долой,
Меня стало много на тверди земной.
Вдыхайте, живые, мой радостный стон,
Я — ветер, землёю и небом прощён.

Потребность в свете

Из мрака вечной немоты метелью звука
Лететь на свет — для мотылька восторг и мука.
Там, на краю, тебя не раз уже встречали —
Прими, забвения страна, мои печали.

Сквозь пепел измождённых век — на свет из тлена.
Не тронет нас последних фраз и хрипов пена,
Не нам тонуть в хмельном чаду медов елея:
Летим к теплу, бледнеет ночь — мир стал светлее.

* * *

Шумит берёз стена,
Качая неба крышу.
Жизнь музыкой полна,
А я её не слышу.

А я хочу найти
Ту главную потерю,
Что спутала пути
От «верю» до «не верю».

Нет, зов небесных благ
Не до ступеней храма.
И будет новый шаг,
И новых мыслей драма.

Творец в законах строг,
Но кто его осудит?
Ведь было слово — Бог,
И было дело — Люди.

Пусть «я» не стало «мы»,
Вопросы ждут ответа.
Сто правд блестит из тьмы,
Но в них не видно света.

О напитках и сосудах

За любовь, за дружбу,
За молитвы ваши
Вот вам, люди, в службу
Две заветных чаши.

Дар господней воли
С Мирового Древа —
Это чаша Боли,
Это чаша Гнева.

Не разверзнись пропасть
Барства и холуйства.
В эту чашу — кротость.
В эту чашу — буйство.

Здесь песчинки в груде,
Здесь почти боярство.
Как смиренны люди,
Как гуманно царство!

Варит офис кашу,
Крепнет алчность подлых:
Бессловесных — в чашу,
Откисать, на «отдых».

Там ещё на донце,
И напиток светел…
Смотрит в чаши Солнце,
Веет в чаши ветер.

Длится, невменяем
В горести, плач тихих…
Мы лишь наполняем,
А кому-то пить их.

О трагедиях действительных и мнимых

В настоящей трагедии
гибнет не герой — гибнет хор.
И. Бродский

Злодей ли, рок надежды рушил,
Но и у бездны на краю
Герои отдавали души
За честь и Родину свою.

Он жил века без укоризны —
Удел загадочный такой,

Вновь гимн звучал во славу жизни
И крепнул миллионов строй.

Прошла романтиков эпоха,
Добро и зло теперь равны.
Да и «борцам» совсем неплохо
Без процветания страны.

Здесь сам Создатель боль не скроет,
Но небу русскому в укор
Живут продажные «герои»,
Редеет достославный хор.

О трудностях российских реформ

«Не тот образ жизни, ментальность не та,
Какие-то люди не те.
Вся эта соборность, души маета… » –
Князёк либеральный сморщинил уста.
Да князь ли ты нам во Христе?

Тебе казнокрадных идей суета
Дороже всех прав и свобод.
У нас даже мера пространства не та:
Возвышена Русь от креста до креста
И к Преображенью зовёт.

О старческом

И духом, и телом стареем —
Утрачена юности стать.
А время торопит — скорее
Учитесь свой мир понимать.

Вчера по одёжке встречали,
Да в разуме ль выпало жить?
Мы долго терпели печали —
Успеть бы ещё их простить.

О былом и грядущем

Китеж-град снова столица.
Древнею правдою судим:
Песня о радости — птицам,
Песня о Родине — людям.

Этим в безвременье дышим,
И как завет принимаем.
В мире под небом всевышним
Все мы больны отчим краем.

Свете, пречистый и строгий,
Вера и крепь человека,
К солнцу открой нам дороги
В хмарях жестокого века.

Тысячу лет, как мгновенье,
Свете, лампада святая,
Ждём твоего откровенья,
Скорби любви постигая.

Облик земной и чудесный
Не оскверним, не порушим,
Да не оподлятся песни,
Да не остудятся души.

Честью за край свой в ответе,
Нам ли скудеть от бессилья?
Смысла нет в солнечном свете,
Если померкнет Россия.

О русском народе

Пусть говорят — ленив и глуп,
И нерадив, и пьян,
Неисправимый правдолюб,
Сиречь: вахлак-смутьян.

Неистребим, как русский дух,
Неотвратим, как рок,
Живёт Ильёю, нем и глух,
Но… дайте только срок.

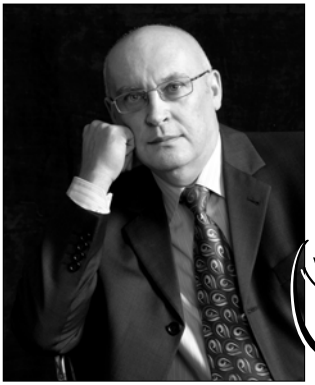
Случалось ведь — вовсю серчал,
«Журил» дельцов-господ.
Да вот удачу растерял
Доверчивый народ.

Не раз за то был бит в бою,
Но павших не корил,
И землю-отчину свою
Раздвинул до Курил.

В пожарах смут горел живьём
Не для мирских потех,
А что охаян стал жульём —
Наш общий, тяжкий грех.

В земных тенётах

Нам
Глупцам
Жизнь проста,
Как знак креста.
В четыре части
Уложено счастье,
Да горний свет далеко.
Лишь душам здесь летать легко,
Но вера в полёт — в нашей власти.



Виктор
КИРЮШИН

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ ВЗГЛЯДА

* * *

Округу чуть припорошило,
И снова хочется туда,
Где вяз, как многорукий Шива,
Застыл у спящего пруда.

Где за озябшим перелеском,
За полем вымокшей стерни,
В промытом воздухе
Нерезком
Мерцают редкие огни.

Об авторе

Виктор Фёдорович Кирюшин родился 17 октября 1953 года в Брянске.

Работал корреспондентом, главным редактором «Брянского комсомольца», главным редактором книжного издательства «Молодая гвардия» и журнала «Сельская новь». Автор нескольких сборников стихотворений. Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства. Его стихи регулярно публикуются в ведущих литературных изданиях, вошли в антологии «Русская поэзия: XX век», «Венок славы», «Час мужества», звучат по радио и телевидению, переведены на другие языки.

Живёт в Москве.

Предзимья скудное убранство
Скрывает, смутные пока,
Необозримые пространства,
Непостижимые века.

Дорога видится сквозь сырость
Едва до первого столба…
России всё дано на вырост:
Земля, история, судьба.

Могила поэта

Памяти Н. И. Тряпкина

Люди не ходят,
А травы к поэту пришли,
Следуя зову приятельства и простодушья.
Немудрено украшенье могильной земли —
Мята, кипрей, одуванчик да сумка пастушья.

Ты укрощал табуны полудиких словес
И приручал своевольную птицу гагару…
Что там теперь с неулыбчивых видно небес?
Тяжко ль молчания вынести вечную кару?

Крест потемневший доверчиво обнял вьюнок.
В гуще крапивы дождя мимолётного блёстки.
Славный поэту природа соткала венок —
Хвощ да осот,
Сон-трава да кукушкины слёзки.

Люди больны,
Времена безнадёжно глухи.
Я бы и сам не поверил в наивные сказки,
Если б не знал,
Как растут из забвенья стихи —
Чертополох, василёк и анютины глазки.

Хорошо!

Тянет гуж провинция глухая,
Ни о чём столицы не моля.
Хорошо, что сыплет, не стихая,
Белый снег на чёрные поля.

Быть большой воде и урожаю,
Льду речному рваться на куски…
Хорошо, что больше не сажают
За случайный трёп и колоски.

Яблоня озябшая в окошко
Постучит, мечтая о тепле…
Хорошо, что в подполе картошка
И она же вечно на столе.

Хорошо, что золотятся дали
И весною аисты кружат
Над избой, где дедовы медали
За божницей строгою лежат.

Первые в застолье и артели,
Без отказа — только позови…
Хорошо, что не разбогатели
На чужой недоле и крови.

Подавать не брошена привычка
И врагу разбитому не мстить.
Хорошо, что церковь-невеличка
Всех принять готова и вместить.

Хорошо, что подрастают дети
С чистою и ясною душой.
Просто жить на этом белом свете
Необыкновенно хорошо!

Желанье

Отчего на сердце злость?
Каждый день, как на закланье.
Неожиданно сбылось
Затаённое желанье.

Оказалась тяжкой кладь:
Ни поднять, ни распроститься.
Надо прежде, чем желать,
Раза три перекреститься.

* * *

Превратностей земная череда
Для смертного, увы, недолго длится,
Но дерево и камень, и вода
Нас памятливей на слова и лица.

Унылому забвенью вопреки,
Не принимая тленья и распада,
Они хранят касание руки
И трепет губ,
И безмятежность взгляда.

Мы разные, но мы одних кровей
Со всем, преобразившимся однажды
В молчанье камня,
Музыку ветвей,
Глоток воды, спасающий от жажды.

* * *

Пусто.
Ни крика, ни эха.
Торчит, как обида,
В поле трава из-под снега
Сиротского вида.

Превозмогая
Терпеньем жестокое время —
Былка сухая,
Давно потерявшая семя.

В звёздные верши
Минувшая канула небыль…
Что её держит
Под этим неласковым небом?

Травы и люди…
Мороз пробегает по коже:
Как мы по сути,
По судьбам нелепым
Похожи!

В этом же поле,
Где ветер гудит не стихая,
Плачу от боли —
Такая же былка сухая.

Старое дерево

Красное зарево, логово зверево,
Ворона в чёрном на мёртвом суку…
Старое дерево, старое дерево,
Всё повидало на долгом веку.

Радость — негаданна, горе — непрошено.
В небе растаяли дни — журавли.
Как тебя гнули ветра заполошные!
Гнули да только сломать не смогли.

Варится варево, мелется мелево —
Вечности неистощимая снедь.

Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.

Свежей корой затянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.
Слышишь, за речкой кукушка ответила
Юному, в неге любви, соловью?

Кроне густой благодарны, как терему,
Птицы, птенцов сберегая в дупле.
Старому дереву, старому дереву,
Господи, дай устоять на земле!

В гостях

В доме вышитая скатерть,
Старый дедовский буфет.
Вдруг из прошлого накатит
То, чему названья нет.

Голоса, улыбки, вздохи,
Восклицанья, шёпот, смех:
Аромат иной эпохи,
Той, где все любили всех.

И пускай неправда это —
Были ссоры и беда,
Почему-то больше света
В приснопамятном всегда.

Там, где все нужны и кстати,
Словно пальчики в горсти…
Надо вышитую скатерть
Непременно завести.

* * *

Кухня, быт, постель, работа:
Вроде, не на что пенять.
Только нет ещё чего-то…
Не любившим — не понять.

За окном бушует поросль,
Мир горячий и родной,
Но живут как будто порознь
Двое в комнате одной.

Решетом таскают воду
У разлуки на краю,
Драгоценную свободу
Каждый вынянчил свою.

Оборвётся всё и сразу.
Дальше жить по одному,
Потому что не обязан
Здесь никто и никому.

* * *

Для горечи немало оснований:
Болезнь, обман, неотданный должок…
О, бесконечных разочарований
Жестокий и завистливый божок!

Уныния смертельная отрава
Отрадна и по-своему сладка,
Когда едва забрезжившая слава
Украдена, как булочка с лотка.

Есть женщина, которая из плена
Отчаянья
Несла со мною кладь…

Но где любовь, а где её подмена —
Уже и самому не разобрать.

Пусть заметает времени пороша
Казавшиеся главными дела.
Несбывшегося тягостная ноша,
В конце концов, не так и тяжела.

И я, как все, взлетал и разбивался,
И мне утраты остужали пыл.
Кто в жизни вдрызг не разочаровался,
Тот эту жизнь взахлёб и не любил.

Дождь

Возникшая у кромки леса,
Плывёт над лугом, погодя,
Полупрозрачная завеса
Живого, доброго, дождя.

Плывёт, колышется, не тает.
Вся — нежность и полутона,
Как будто музыка витает
У отворённого окна.

А там, размыты и нечётки,
Вдоль мокрых улочек пустых,
Берёз растрёпанные чёлки,
Рябин рубиновые чётки
И липы в каплях золотых.

Дмитрий
ЛАГУТИН

Дебют

Моя Япония

Мне было… около девяти. Брату, соответственно, одиннадцать-двенадцать.

На соседней улице, в доме у старой берёзы, поселилась необычная семья — мужчина, женщина, старуха и мальчик. Все они — кроме старухи — были стройны, смуглы, жилисты, и у всех вместо глаз были узкие щёлочки — и не понятно было, как они вообще что-то могут через эти щёлочки видеть.

Прошел слух о том, что под старой берёзой поселились японцы.

Об авторе

Лагутин Дмитрий Александрович родился в 1990 году в Брянске. В 2007 году окончил гуманитарный класс Брянского городского лицея имени А. С. Пушкина. В 2012 стал выпускником юридического факультета Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. Работает юрисконсультом в сфере строительства. Победитель международного конкурса «Всемирный Пушкин» в номинации «проза» (2017, 2018). Лауреат национальной премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов» (2018). Победитель областного конкурса «Я пишу» (2018). Один из победителей международного конкурса «Мост дружбы» (2018). Победитель конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» в номинации «проза» (2019). Участник форума для молодых писателей в Калужской области (2019). Рассказы опубликованы в журналах «Новый берег», «Нижний Новгород», «Волга», «Нева», «Истоки», «Литкульпривет», «Дальний Восток», «Иван-да-Марья», сетевых изданиях «ЛиTERRAтура», «Южный остров», «Камертон», «Парус», «День литературы», Hohlev.ru, приложении к журналу «Москва».

Я был в восторге. Из иностранцев во всей округе были одни цыгане — крикливые и неряшливые — и семья белорусов, ничем не отличавшаяся от своих соседей.

Япония… Как только я услышал о японцах, я побежал на соседнюю улицу и издалека увидел мальчика. Он сидел на крыльце и читал. Возрастом он был ровесник моему брату. Я подкрался поближе, он поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

Я сделал вид, что прогуливаюсь.

Настоящий японец! Настоящий живой японец сидит на крыльце под старой берёзой, читает книгу и болтает ногами в тапках!

Мальчика звали Ша Ди. Это мне тем же вечером сообщил брат, а откуда он узнал — понятия не имею.

Я спросил:

— А он правда японец?

Брат почесал макушку.

— Судя по всему, да.

У меня дыхание перехватило.

На улице только и разговору было, что про японцев. Меня ещё не брали в компанию брата, и приходилось якшаться с малышнёй, но и малышня, и даже девчонки — все обсуждали одно и то же.

А Лёха, футболист и задира, даже набрался смелости и окликнул Ша Ди, бредущего по тротуару:

— Эй!

Ша Ди обернулся.

— Ты японец?

Мальчик помолчал, глядя на нас своими глазками-щёлочками, коротко кивнул. И пошел себе дальше.

Первое время он держался особняком — ни с кем не играл, на нашу улицу не ходил, сидел на своём крыльце или карабкался по берёзе.

Из нашего двора, если залезть на крышу сарая, было видно ту берёзу — и много раз я видел на ней, высоко-высоко, ловкую темную фигурку. Я вспоминал таинственное искусство ниндзя — японское — и у меня холодели пальцы.

Как-то раз мы столкнулись с ним — в прямом смысле столкнулись. Я шел, уткнувшись носом в спичечный коробок, в который только что заточил жука-пискуна, и теперь смотрел, как он высовывает лапки в щель, — и толкнул в плечо шедшего мне навстречу Ша Ди. Он остановился. Я тоже — в ужасе. Он внимательно посмотрел на меня, медленно развернулся и удалился, не сказав ни слова.

Жук как-то ухитрился вылезти из коробка, сиганул на тротуар и был таков.

В нашем книжном шкафу я разыскал толстенную энциклопедию «Народы мира» — старую, истертую по углам, и в ней целая глава была посвящена Японии.

Я вытаскивал энциклопедию, садился тут же, в уголке, на полу, прислоняясь спиной к шкафу, — и читал. По сто раз перечитывал дивные слова: «самураи», «сёгун», «бусидо», названия островов и деревень — и от каждого слова на меня веяло чем-то страшным и сладким. А что уж говорить про картинки! Фигуры в причудливых одеждах, с перекошенными лицами, с мечами, вскинутыми над головой — и с глазами-щёлочками! — тусклые пейзажики, горы и реки, и повсюду — дивные, удивительные, невыразимые! — иероглифы!

Я выбрал самый таинственный иероглиф, и за два дня научился его рисовать. Я вывел его на обоях у самой моей подушки, да так, чтобы увидеть его можно было, только прижав матрас рукой, — и перед сном подолгу его разглядывал.

Ша Ди, тем временем, стал захаживать на нашу улицу, и уже несколько раз гонял с мальчишками мяч. Брат тоже играл — а меня не брали.

Когда футболист Лёха выбил мяч из-под ног Ша Ди, тот воскликнул что-то по-японски. Лёха, который ничего в этой жизни не боялся, обернулся, — и я увидел, что лицо у него бледное.

Со временем Ша Ди стал приходить чаще. Играл или сидел вместе со всеми на соседском крыльце. Разговаривал он мало, всё больше слушал — и внимательно смотрел через щелочки.

Однажды кто-то спросил его:

— А как там, в Японии?

Он помолчал, посмотрел вдаль, и коротко ответил:

— Красиво.

Сказать лучше было нельзя. Все притихли.

А как-то раз брат пришел домой, нашел меня и сказал торжественно:

— Я был у японцев.

У меня дыхание перехватило.

— Дома?

— Дома.

И пошел себе на кухню.

Я — следом.

— Как так?

— Вот так.

— Ну как?

Брат устало вздохнул, открыл воду и сполоснул стакан.

— Бабуля японская пригласила.

Я вопросительно затряс головой.

— Ну что ты трясёшься? Зашли за Ша Ди. А она и пригласила. Заходите, мол, чего на крыльце толпиться.

Я ахнул. Это же японское гостеприимство — целая традиция.

Брат шарил в холодильнике.

— А где сок?

— Я допил.

— Там полпачки было!

— Нет, чуть-чуть совсем.

Брат засопел и налил в стакан воды из чайника. Я ждал, пока он, громко глотая, пьет, а потом, когда он поставил стакан на стол, спросил:

— И как там?

— Где?

— У японцев.

Он пожал плечами.

— Чудно. Мы только в прихожей были — и комнату одним глазком видели. В прихожей — картинки всякие по стенам.

Я распахнул глаза.

— А в комнате — сплошные ковры. И мебели почти никакой.

— А что за картинки?

— Картинки?

— В прихожей.

— Ой, разные.

И брат вышел из кухни в коридор.

— Ну, расскажи!

— Да картинки как картинки. Ты мою кепку не видел?

— Нет. Что за картинки?

— Да что тебе! Это и не картинки даже — бронзовые такие штуки, типа той, что у деда в комнате. На одной — лучник, на другой — стадо какое-то, быки.

Я подпрыгнул.

— А горы? Горы были?

Брат почесал затылок.

— Горы? Кажется, были.

У меня сердце было готово выскочить из груди.

— А иероглифы? Были?

— Да что ты ко мне пристал! Сходи сам посмотри!

Он нахлобучил на голову валявшуюся за тумбочкой кепку, хлопнул дверью и вышел.

Я побежал в комнату к деду. Там, между окном и шкафом, висела на стене бронзовая картина. На ней была изображена грустная девушка в длинном платье. Длинные распущенные волосы падали ей на плечи, а глаза были то ли закрыты, то ли прикрыты — то ли она смотрела вниз, то ли…

Я ахнул. Это была форменная японка.

Когда дед притопал с рыбалки, бережно спрятал удочки под свою кровать и со вздохом опустился в кресло, я пристал к нему с расспросами.

— Дед!

— Чего?

— Это у тебя откуда?

И я показал на бронзовую картину.

Дед почесал бороду.

— Не помню.

— Ну, дед!

— Чего?

— Вспомни!

Он снова почесал бороду.

— Привез кто-то.

— Откуда?

— Да не помню я! Подай книгу.

Я дотянулся до полки. Дед всегда читал одну и ту же книгу — перечитывал по сто раз.

— Вот! — потряс книгой дед. — Вот книга! А не это ваше.

Он послюнявил пальцы и долго листал, выискивая нужную страницу. Потом прочистил горло и прочел, торжественно растягивая слова:

— Каждый раз, когда объясняешь дорогу, будто снова проходишь по ней, по всем этим привольным местам, по лесным проселкам, усеянным цветами бессмертника, и снова испытываешь легкость на душе!

Я знал, что он сейчас станет читать и через десять-пятнадцать минут уснет в кресле. Поэтому я снова к нему пристал:

— Дед, ну вспомни!

— Что?

Я показал на грустную японку.

Дед внимательно посмотрел на меня.

— Шёл бы ты гулять, — сказал он сурово. — Сказал: не помню — значит, не помню.

И я пошел гулять. Я прошелся до Хуторской, проверил шалаш в зарослях крыжовника — цел — потом вернулся к дому, залез на гараж. С гаража было видно верхушку старой берёзы. Тёплый августовский день медленно оборачивался тёплым августовским вечером, всё было залито мягким золотым светом. Я спрыгнул с гаража в кучу песка, вышел с нашей улицы и направился на соседнюю.

Старая берёза была самым высоким деревом в округе, её тень широким полотнищем ложилась поперёк улицы.

Дом японцев был совсем обыкновенным — и вы никогда не угадали бы, что именно в нём живут японцы — но мне даже он теперь казался особенным, что-то было в изгибе его крыши — какая-то она была острая, острее остальных крыш — и крыльцо было не такое, как у всех, как будто изящнее, тоньше. И палисадник с сиренью казался совсем нездешним. Я не знал, растёт ли в Японии сирень, но был уверен, что, расти она там, японские палисадники выглядели бы именно так, как этот.

На улице было пустынно и тихо. Я подошёл к старой березе, запрокинул голову, разглядывая взмывающий вверх ствол. Потом медленно подкрался к палисаднику, привстал на носки, постарался увидеть что-то в тёмных японских окнах. Окна были задернуты шторами.

Тогда я осторожно приоткрыл калитку и ступил в палисадник. Сделал шаг, другой — и скрипнул нижней ступенькой японского крыльца. Сердце у меня загрохотало. Я взялся рукой за деревянное перильце, поднялся ещё на две ступени и оказался на крыльце.

И тут я услышал шаги за дверью. Я пулей слетел по ступеням, вынырнул из палисадника и застыл.

На крыльце стояла японская старуха.

Она была одета в длинный халат — кимоно! — и в руках держала какую-то ступку. У неё были белые, собранные в пучок волосы и жёлтое лицо, похожее на сморщенное яблоко. Роста она была совсем махонького, вся сгорбленная, согнутая.

Она посмотрела на меня через свои щёлочки.

— Здравствуйте, — промямлил я.

— Здравствуй, — скрипнула она, и лицо ее расплылось в улыбке.

Я не знал, что ещё сказать. И старуха молчала.

Наконец она проскрипела:

— Ты, наверное, друг Ша Ди?

Друг! Друг японца! Возможно ли такое?

Я как-то косо мотнул головой — по диагонали.

— Он убежал куда-то, — пояснила старуха.

И добавила:

— Такой непоседа стал.

Я снова дернул головой.

— Может быть, подождешь его? — и она кивнула на дверь. — Чаю выпьешь?

У меня душа ушла в пятки.

— Н-нет, спасибо, — пробормотал я, заикаясь. — Мне это… мне домой надо.

Она пожала плечами и снова улыбнулась.

— Как скажешь, — сказала она. — Я передам Ша Ди, что ты приходил. Как тебя зовут?

— Руслан, — соврал я.

Она кивнула.

Я всё стоял на месте. Она молча смотрела на меня и улыбалась.

— До свидания, — сказал я.

— До свидания.

Я, не оборачиваясь, сделал шаг назад и попал в тень от березы.

— До свидания, — повторил я.

Японская старуха помахала мне желтой сморщенной ладошкой.

Я медленно развернулся и пошёл по улице, чувствуя на себе внимательный взгляд. Она, как пить дать, меня раскусила — не такие эти японцы простаки, чтобы их дурачить.

Когда я вернулся, дед спал в кресле, раскрытая книга лежала у него на груди. Я на цыпочках прокрался к грустной японке и уставился на нее.

Золотой предзакатный свет расчерчивал комнату пополам и золотыми прямоугольниками падал на картину. Волосы у японки сияли, сияли складки рукавов, тонкие ладони, сложенные на коленях. Лицо у неё было грустное-грустное.

«О чем она грустит?» — думал я.

Я присел на краешек дедовой кровати и стал гадать, о чём же она грустит? Выходило, что она грустит о своем возлюбленном, которому пришлось уехать на войну. В Японии — я читал — войны велись постоянно, провинция воевала с провинцией, клан с кланом.

Может быть, её возлюбленный — тот самый лучник, которого видел мой брат?

Складывалась целая история.

Японец и японка. Женятся. Играют свадьбу. Но вдруг — война. Она просит его остаться. Но у него — кодекс чести. Он снимает со стены лук, колчан со стрелами. Седлает коня. Она плачет. Он обнимает ее. Он сам вот-вот заплачет, но — кодекс чести. Он запрыгивает на коня, конь летит вихрем. Она долго смотрит вслед, но из-за слёз даль плывёт, тает. Японский ветер гладит её волосы, утешая.

История получалась что надо. Я пересел с краешка кровати в центр и прислонился спиной к ковру, закрывающему стену.

Японец воюет. Ночует в поле, на голой земле. Дежурит у костра, пока товарищи спят. Со свистом выпускает стрелу за стрелой. Он уже дважды был ранен — но для него это пустяки. Японка ждёт его — печаль не сходит с её лица, вечерами она выходит из дому и сидит, сложив ладони на коленях. Она смотрит вдаль и ждёт — не покажется ли на горизонте всадник.

Над серебряными горами плывут облака, в низинах стелется голубой туман. Вишня роняет белые лепестки, ветер подхватывает их и несёт к дому японки. Но до цветов ли ей сейчас? Из-за гор показывается луна — бледная, тревожная, и японке чудится, что луна, только луна, может сейчас её понять.

Меня разбудил дед.

— Вставай, малый, — кряхтел он, сжимая моё плечо. — Разоспались мы с тобой.

В комнате было совсем темно, голубело сумерками окно, в дверном проёме спотыкался свет из столовой.

Я заканючил, пополз в угол, поджимая ноги к животу — не хотел вставать.

Дед возмутился, но потом махнул рукой, накинул на меня плед и уковылял.

С того дня брат стал частенько бывать у Ша Ди — всей ватагой у него рассиживались. А меня не брали.

Да я и не порывался — вскроется, что я зачем-то врал гостеприимной японской бабуле; а то вдруг окажется, что она видела, как я по их палисаднику лазал.

Поэтому я только приставал к брату с расспросами — что да как?

Брат у меня — человек сложный. Сегодня добряк, рот не закрывается, завтра — сидит букой, и слова из него не вытянешь. Но он видел, что я ему завидую, — и поэтому, чаще всего, был рад похвастаться.

— Бабуля у него, — говорил он, — во! Чисто японское гостеприимство.

Он тоже загорелся Японией, все руки исписал иероглифами из моей энциклопедии — вкривь и вкось — разучивал боевые стойки и даже отрыл где-то загадочную книгу, на обложке которой было написано: «Хагакурэ».

Это было что-то вроде того самого кодекса, из-за которого мой лучник не мог остаться с возлюбленной.

Книга была старая, потрепанная, кое-какие листы были выдраны с корнем. Брат сунул мне ее и сказал:

— Сегодня можешь читать. Завтра — возвращаю.

Дело было вечером. Сам он ее уже проштудировал — оказалось, он взял ее неделю назад.

Я обиделся на него, но от чтения не отказался. Убежал в кухню, устроился за столом.

Книга оказалась такая жуткая, что у меня волосы на голове шевелились. Я никогда еще не встречал в тексте столько насилия. Японские мужчины только и делали, что рубили друг другу головы.

На кухню зашел отец.

— Ты чего тут сидишь?

— Читаю.

— Что читаешь?

Он взял книгу, пробежался глазами по одной странице, по другой — и посмотрел на меня.

— Ты где это взял?

Кодекс чести не позволял выдавать брата, но другого выхода у меня не было.

Брату влетело, и он с великим трудом выклянчил у отца «Хагакурэ» — с тем, чтобы тут же, в ночь, унести книгу хозяину.

Вернувшись, он сказал мне:

— В самураи тебе путь заказан.

Он ничего не смыслил в самурайских делах, но мне стало обидно. Я ушел в комнату деда — тот уже спал, под одеялом, лицом к стене, — устроился в кресле и долго смотрел на грустную японку, по волосам которой плыли серебряные блики.

Но, кажется, брат понимал, что ничего другого я отцу сказать не мог, и уже наутро мы общались как ни в чем не бывало, а к вечеру, после очередного визита к японцам, он подошел ко мне и вынул из кармана сухой белый шарик.

— Держи, — сказал он.

Я посмотрел с опаской.

— Что это?

— Держи, балда! Национальное японское блюдо! Я со стола немного утащил — для тебя.

Он взял мою ладонь и положил в нее шарик. Я наклонился и понюхал — пахло странно.

— Что это такое? — переспросил я.

— Говорю же тебе!

Я покатал шарик в ладони.

— И как это есть?

— Как хочешь!

Я вспомнил, что японцы едят исключительно палочками.

— Взял бы и палочки тогда, — сказал я.

Брат помотал головой.

— Нет у них палочек.

— Как так?

— Вот так.

— А чем они едят?

— Вилками.

Я вздохнул. Это бросало тень на наших японцев. Я бы на их месте даже пил палочками.

Я упёрся — не буду есть вилками! — мы долго думали, а потом побежали во двор и сковырнули с сирени несколько веточек. Веточки были неровные, узловатые, не очень крепкие, но ничего более подходящего нам в голову не пришло.

На кухне я достал чайное блюдце и выложил на него шарик.

— Погоди, — сказал брат, — давай тогда уж по всем правилам.

Он юркнул в коридор, приволок коробку из-под обуви, поставил на пол посреди кухни и скомандовал:

— Садись.

Я опешил.

— На коробку?

Брат закатил глаза.

— На пол!

Я медленно опустился на корточки.

— Они что, на полу сидят?

Брат взял блюдце с шариком и поставил на коробку. Сам сел напротив меня.

— Нет, не на полу. У них — такие маленькие табуреточки, крошечные.

Я кивнул.

— А столики, — продолжал он, — тоже — низенькие совсем. Чисто Япония.

Я ликовал.

— Ну, — он показал на шарик, — давай.

— А ты?

— Я пас. Я там у них этого добра объелся. От него пить хочется.

Я вздохнул. Поджал под себя ноги. Выбрал две веточки постройней, кое-как пристроил их между пальцами.

Но схватить шарик никак не удавалось. Я пробовал и так, и сяк, катал его по блюдцу, один раз столкнул на коробку, и он даже начал крошиться.

— Бери руками, — говорил брат нетерпеливо, — хватить мучиться.

А я чуть не плакал — до того мне хотелось всё сделать по правилам. В конце концов, я сложил веточки на манер рельс, закатил на них шарик и, придерживая второй рукой, сунул в рот.

Вкус был странный — кисло-соленый, вязкий. Во рту шарик рассыпался на множество сухих мелких катышков и каждый из них приходилось раскусывать по отдельности. Я жевал и не знал, нравится мне то, что я жую, или нет.

Я закрыл глаза и представил себя лучником, сидящим у костра. Шуршит от ветра высокая трава. В подножия скал бьются отчаянно волны, рассыпаются пеной. Встают рядами горные хребты, надевая белые снежные шлемы. У моих ног — верный лук, резной колчан. Потрескивает в ночи костер. В моей руке палочки, по ним бежит вязь иероглифов.

В жизни не ел ничего вкуснее.

Зашел дед.

— Бастуете?

Мы встали с пола.

Дед посмотрел на нас, на коробку, на блюдце, на веточки в моей руке. Крякнул, полез в хлебницу.

Мы пошли во двор.

— Что скажешь? — спрашивал брат.

— Япония, — отвечал я с придыханием.

— Да.

Мы залезли на сарай. Осень была на носу, и вечера были уже не такие тёплые — но такие же ясные, и всё тот же золотой свет ложился на округу. А воздух даже казался прозрачнее.

Старая берёза покачивала макушкой.

— Вот, — говорил брат, — а они такое каждый день едят.

Я кивал.

— И чаю пьют немерено. Кружка за кружкой.

Я кивал.

— А что его родители? — спрашивал я.

Брат чесал затылок.

— Да они на работе всё время, нас бабуля угощает.

Во все стороны разбегались вереницами золотые крыши. Небо было глубокое, стеклянное, по нему скользили перья облаков.

— А ещё? Что ещё видел? — спрашивал я.

— Ещё? Не знаю даже.

— Ну… Ну… Мечи, может, видел?

— Мечи? Нет, мечей не видел.

Я вздыхал.

— Может, у них и нет.

— Есть, — уверенно говорил брат. — Ша Ди рассказывал, что есть.

У меня сердце ёкало.

— Только ему отец запрещает его показывать.

Я кивал:

— Понимаю.

Конечно. Всё верно. Это очень по-японски.

Соседская собака высунула нос из конуры. Понюхала воздух, вылезла. Села посреди двора, почесалась, посмотрела на нас, полезла обратно.

— А про Японию рассказывал?

Брат кивнул.

— Рассказывал. Только очень мало. Какая-то тёмная там история, давно уехали.

У меня сердце загремело. Я сразу понял, что дело в войне между кланами, но брату говорить не стал.

— Рассказывал, что отец его — самурай в каком-то там поколении. Пятом или седьмом. Что у него там — история какая-то.

Я смотрел вдаль и молчал. Я всё понимал.

— Ну, отец у него и правда — суровый мужик. Так вроде улыбчивый, то да сё, а то вдруг как зыркнет — мороз по коже. И молчаливый.

«Да, — думал я. — Так всё и есть».

По небу рассыпалась чёрными крючками птичья стая. Слева, из глубины, проступила молчаливо половинка луны.

Казалось, что луну кто-то рассёк мечом надвое.

— Смотри, — прошипел брат и ткнул меня локтем.

По старой березе карабкалась тёмная фигурка.

Мы замерли.

Ша Ди в мгновение ока оказался у самой верхушки. Там он тоже замер.

Увидел нас?

— Он не признается, — сказал брат, — но я уверен, что он умеет что-то эдакое.

Я кивнул. Точно умеет, вне всякого сомнения.

На следующее утро я упросил отца раздобыть мне книги о Японии — и он привез из библиотеки целую кипу. Я засел за чтение — днями не выходил из комнаты. Наступил сентябрь, с ним — школа, но я и в школу умудрялся таскать том за томом.

Ша Ди научил брата нескольким японским фразам — и брат через каждые два русских предложения вставлял одно японское.

Даже дед отложил свою бессменную книгу и засыпал теперь с мемуарами какого-то японца на груди.

Сентябрь выдался прекрасный — огненный, тёплый. Клёны на нашей улице пылали багрянцем, а старая берёза казалась бронзовой. Волосы печальной японки струились золотом, черты её разгладились, и мне думалось, что она, наверное, получила от лучника письмо — и в письме говорилось, что всё хорошо, что война на исходе, что ещё немного — и настанет время долгожданной встречи.

А потом вдруг брат перестал бывать у Ша Ди. И не только брат — вообще все. И Ша Ди перестал приходить на нашу улицу и больше не гонял по пыльной дороге мяч. Теперь его можно было увидеть только вечером — сидящим на старой берёзе — а где он пропадал всё остальное время, я не знал.

Это произошло как-то разом, в один день — и брат говорил мне, что Ша Ди поступил ужасно и что теперь с ним нельзя общаться.

И всё — никаких деталей.

Но я сразу всё понял. Я вспомнил «Хагакурэ», жестокость самураев, их решимость идти до конца — и всё понял. И я не стал допытываться — кодекс чести говорил мне, что надо довольствоваться тем, что имеешь, а придёт время — откроется и остальное.

И почти до конца октября я хранил молчание — и ни с кем не обсуждал Ша Ди. Я знал, что тут замешано что-то очень самурайское, и не хотел потерять лицо. Я ходил в школу, продолжал читать про Японию и записался в секцию айкидо, которая должна была открыться в январе.

Вечерами я с крыши сарая смотрел, как Ша Ди сидит на старой берёзе. Он сидел не шевелясь, глядя на закат — до тех пор, пока сумерки не окутывали березу и его фигурка не сливалась с ветвями.

Тогда он кошкой соскальзывал вниз, а за ним и я — не так ловко, по-черепашьи, — сползал во двор, цепляясь за бельевую веревку.

А потом японцы уехали. Ранним утром у старой берёзы затарахтела грузовая машина, водитель помог отцу семейства погрузить в кузов скудную мебель, рулоны ковров, картонные коробки — вся семья, включая сгорбленную японскую старуху, влезла в кабину, а Ша Ди прыгнул в кузов и остался сидеть там.

Об этом мне рассказал, придя из школы, брат — он в тот день выходил раньше и всё видел.

Тут уж я не вытерпел. Я нарушил своё молчание. Я больше не мог сохранять лицо. Я выслушал брата и дрожащим голосом воскликнул:

— Что же случилось?

Брат долго смотрел на меня — молча. Потом он оглянулся и шепнул:

— Во двор.

И он вышел.

Я вернул на полку путеводитель по острову Хонсю и побежал за ним.

Брат ждал меня под яблоней, с той стороны теплицы, в самом укромном уголке двора.

Стоял серый неприветливый день. Холодный ветер ворошил пожухлую листву, трепал полиэтиленовую кожу теплицы.

Брат снова оглянулся по сторонам и зашептал:

— Это всё из-за его отца. Его обнаружили, и оставаться здесь означало бы подвергать опасности всех.

На слове «всех» он сделал ударение.

Я всё понял. Я, наверное, сразу догадался — и теперь понял, что сразу догадался. Конечно. Жизнь такого человека не может быть обычной жизнью — это вечные странствия с мечом наперевес. Опасности, риск, предательство.

Я всё понял.

Я посмотрел на брата так, что он понял — я всё понял. Не надо ничего говорить, добрый брат, я всё понял.

Я положил руку ему на плечо. Он кивнул.

Как хорошо иметь брата!

И я восстановил своё молчание. Я облёкся в молчание, как в доспехи. Молчание было моими доспехами, а зоркость была моим мечом. В ту неделю я несколько раз видел странных, подозрительных людей, расхаживающих по нашим улицам.

Я всё понимал. Я не спускал с них глаз, следил за каждым их движением, всегда был начеку — и всё понимал.

На побережье моего сознания возвышался тёмным утёсом вопрос — что же сделал Ша Ди тогда? Переезд — я понимал. Что это был за «ужасный поступок», после которого никто не решался подойти к нему? Этого я не понимал. Но я хранил молчание — и волны моего сознания истёрли в песок тревожащий меня утёс.

Моя память поглотила его, как морская пучина поглощает обломки разбитого судна.

С января я пошел в секцию айкидо — и нас учили, как безболезненно падать. Я прочёл все книги о Японии, которые достал отец, и чувствовал себя так, как чувствует себя мост, соединяющий два берега.

Лишь один раз любопытство взяло верх — и я совершил безрассудный поступок.

Дом Ша Ди почти сразу заняла какая-то молодая пара — они постоянно куда-то уезжали и не возвращались по два-три дня. И однажды, в конце января, я не справился с собой и, увидев, что машины перед домом нет и что свет в окнах не горит, я перелез через забор. И оказался во дворе Ша Ди.

Тут всё было занесено снегом. На низеньком грушевом дереве висела изящная кормушка для птиц — я сразу понял, что она осталась от японцев. Я стал красться по двору, проваливаясь по колено.

Вот веранда. На ней японцы пили чай.

Вот накрытая гигантским сугробом клумба. Здесь росли какие-то удивительные цветы.

Ветер подхватывал их лепестки и нёс на веранду.

Впервые я видел старую берёзу с такого ракурса — она возвышалась над домом, над двором, над миром — как маяк.

И вдруг меня пронзила мысль — что если лучник остался? Ведь осталась же кормушка!

И я двинулся к широкому тёмному окну.

В этот момент что-то скрипнуло, и на веранде оказалась девушка в длинном вязаном свитере.

Она была очень красива. Черные волосы падали на плечи, лицо было задумчиво. Длинными белыми пальцами она перебирала какую-то книжицу.

Увидев меня, она остолбенела. Глаза ее распахнулись.

— Ты что здесь делаешь?

Я метнулся к забору и в один миг перемахнул через него.

Я побежал в другую сторону — не к дому — чтобы запутать след. И кажется, мне это удалось. После я не раз встречал её на улице — она даже не смотрела на меня. Вероятно, она не запомнила мое лицо.

Тогда же, пропетляв по району зигзагами, я ввалился домой и долго сидел в комнате деда — смотрел на грустную японку.

Дед читал свою книгу — и всё порывался читать вслух — мне — но со второй страницы начинал сбиваться, путать слова и клевать носом.

Айкидо я бросил — несколько раз меня безболезненно, но обидно уронили на соревнованиях, и я ушёл.

И Япония забылась. Без новых книг моё увлечение стало бледнеть, истончаться — и, наконец, через какой-нибудь год рассеялось, как облачко тумана. Я перестал хранить молчание, держать лицо — и стал обычным болтливым мальчишкой.

«Японский» период моей жизни теперь казался сном — витиеватым, непонятным, фантастическим сном.

И тогда из пучины моей памяти восстал мрачный утёс: меня снова стал мучить вопрос, который прежде был замурован в самурайскую тайну.

Что же все-таки сделал Ша Ди?

Доспехи были сброшены — и я осадил брата. Он долго отнекивался, отшучивался, делал страшное лицо, озирался, но потом сдался и всё рассказал.

Он посмотрел мне в глаза и всё рассказал.

Оказалось, что Ша Ди не был японцем.

И отец На Ди не был японцем.

И мать Ша Ди, и бабушка — японками не были.

Это была обыкновенная казахская семья, из тех, что во множестве переезжали с места на место по всей территории нашей страны. И переезды их, конечно, не были связаны ни с кланами, ни с мечами, ни с предательством. Никаких сёгунов, вассалов и провинций. Милая казахская семья, которая переехала к нам, а потом переехала от нас.

Вскрылось это как-то нелепо — отец Ша Ди пришел домой раньше обычного и вдруг — против обыкновения — сел за стол с друзьями сына. И против обыкновения разговорился — и заговорил вдруг про какой-то Казахстан, какую-то степь, какие-то стада.

И оказалось, что имя Ша Ди — вовсе не Ша Ди, а Шади, и означает оно «весельчак», или «шутник», или что-то вроде того.

Так развеялась легенда. Разом упорхнула, точно птица, захлопав крыльями.

А я даже не расстроился.

Я даже рассмеялся.

И до сих пор, вспоминая всё это, смеюсь.

Напомню, я стал обычным мальчишкой, а мальчишки очень любят хорошенько посмеяться.

А спустя ещё какое-то время я обнаружил на месте растаявшей тайны новую, осязаемую, доселе незамеченную. Она мерцала и переливалась в лучах осеннего солнца. Тайна заключалась в том, что брат почему-то так долго скрывал от меня суть «ужасного поступка» и даже оберегал от неё, поддерживая во мне веру во все эти японские штуки.

Я не спрашивал его о причинах такого поведения. Я всё понял. Как только я взял в руки эту — настоящую — тайну, как только прокатил её по ладони, я понял.

Я понял, что он всего-навсего не хотел меня разочаровывать. Вот так. Так просто и так сложно.

В одной из книг о японских стихах было сказано: «так просто и так сложно»; мне понравилась эта формула, и я ее запомнил.

Как хорошо иметь брата!

Юбилей

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

ЛАУРЕАТ

Рейсовый автобус, как обычно, безнадёжно застрял в пути между пунктами А и Б. Водитель колдовал над заглохшим двигателем, употребляя сначала самые распространённые, потом изысканные магические выражения. В конце концов, он отчаялся, присел на обочину

Об авторе

Лариса Леонидовна Семенищенкова родилась 8 ноября 1949 года в посёлке Дубровка Брянской области.

Окончила Орловский государственный педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Сорок лет работала в системе народного образования. Начинала профессиональную деятельность учителем в сельской школе на Орловщине, затем была преподавателем-филологом в Орловском пединституте, Брянском государственном университете им. И. Г. Петровского. Кандидат филологических наук. Автор многочисленных научных работ по литературному краеведению.

С 2005 года — член Союза писателей России.

Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки.

Автор цикла пьес о русских писателях Ф. М. Достоевском, И. С. Тургеневе, А. А. Григорьеве, Н. С. Лескове и наших земляках — А. К. Толстом и Ф. И. Тютчеве. Как писателя-драматурга Л. Л. Семенищенкову интересуют проблемы творческой интеллигенции. Нашей землячке, великой пианистке Т. П. Николаевой посвящена пьеса «Музыка».

В жанре сказа создан цикл произведений об Анюте-Узорнице, покровительнице мастериц-рукодельниц. Писательница внесла свой вклад в популяризацию брянского сказа.

Награждена медалью «В память 200-летия Ф. И Тютчева». Лауреат премии имени А. К. Толстого «Серебряная лира» (2010).

Живёт в Брянске.

дороги и закурил… Что поделаешь — российская глубинка, где все дороги похожи: по какой бы ни ехал, готовься к выходу в самом неподходящем для этого месте.

Нам, по крайней мере, повезло с погодой, и мы, то есть горе-пассажиры, загорали на траве в ожидании чудесного исхода, стараясь извлечь хоть какую-нибудь пользу из нашего вынужденного общения. Я ехал в пункт Б по журналистским делам, мой собеседник — куда-то дальше этого пункта. Мы уже, как говорится, притёрлись и пофилософствовали о превратностях нашего климата, о рыбалке и сенокосной страде, обсудили прошедшие и предстоящие культурные мероприятия, политическую обстановку в стране и за рубежом, поиронизировали по поводу последнего футбольного матча нашей сборной… Именно когда водитель закурил, общие темы нашей беседы, кажется, были исчерпаны. Июльское солнце стояло в зените, земля дышала теплом, от леска тянуло запахом сухой хвои… А впрочем, что может быть замечательнее: журналист и художник в свободном пространстве между лесом и полем в лучшую пору нашего года, отстранённые на неопределённое время от решения насущных проблем. Истинно так: бог посылает такие встречи нам в дар.

Моя профессиональная память жадно фиксировала откровения случайного попутчика. Художники, известно, — больше молчуны, но у нас, журналистов, свои секреты общения, я-то сумею разговорить любого. А интересные истории… У каждого человека их немало, если, конечно, поворошить память… Мой попутчик оказался на редкость словоохотливый, а его история, по-моему, — просто находка для писателя. Судите сами.

* * *

Художник я самый обыкновенный, Лауреат — это прозвище такое, полученное мной ещё в студенческие годы. Как-то на престижном конкурсе объявили победителя, и, как бывает нередко с распространёнными фамилиями и именами, всё совпало! Даже отчество. Пока знакомые разбирались, что к чему, ко мне и приклеилось. Одна хохма с этим титулом! На каком-нибудь фуршете обязательно кто-нибудь из своих приколется: «Слово лауреату!» И пошло-поехало… А компания у нас весёлая. Кроме меня — Айвазовский. Этот в училище всё

свободное время свой деревенский пруд писал, который, пока мы выучились, скорее всего, совсем высох. Третий у нас — Потапыч. Он, видимо, родился с этим псевдонимом и так к нему привык, что как-то свою работу и подписал «Потапыч». Я к чему: все мы без особых претензий, вниманием элиты не избалованы, а обстоятельства связывают. Мы же всегда на подхвате: Айвазовский, Потапыч и Лауреат, то есть я. Срочно поехать куда-то, составить массовку… Всякие дела бывают. Вот уже лет двадцать в нашем составе незаметно, так сказать, осуществляем свою миссию. Если по правде, лично я ничего против не имею. Сначала не хочется с места сдвинуться, и возраст уже о себе напоминает. А снялся — новые места, встречи, разговоры… Глядишь — идею привёз. Короче. Приезжаю как-то в отдалённый район в качестве председателя комиссии по поиску юных дарований. Посмотрели выставку школьников, доброжелательно оценили. Всё, как положено. Потом, по традиции, обед в местном ресторанчике. По такому случаю обязательно букет полевых цветов на белоснежной скатерти и улыбчивая официантка в новеньком фартуке и колпаке, укреплённом на голове блестящей заколкой. Что говорить, всё же приятно чувствовать себя в центре внимания. Вообще, скажу так: хочешь вспомнить, что ты что-то значишь для человечества, поезжай в провинцию. При этом по мере удаления от центра областной цивилизации ощущение собственной значительности возрастает в геометрической прогрессии. Здесь твои качества оценят на зависть любому настоящему лауреату. Но я не о том. Усадили меня, значит, как важного гостя на почётное место, осматриваюсь, чтобы сориентироваться. Прямо передо мной на стене — картина. Что-то задержало моё внимание, я всмотрелся. Верите ли — буквально прирос к стулу. В ажурной рамке, изготовленной, видимо, на совесть местным умельцем, красовался пейзаж моего собственного производства. Я узнал бы его из тысячи, потому что ещё на первом курсе училища, когда не сомневаешься в своей гениальности, преподаватель демонстрировал мою работу другим студентам по теме «Как нельзя писать». Тогда я, конечно, здорово обиделся, потому и забросил, не стал переделывать. Сейчас смотрел на свой шедевр глазами профессионала и ужасался. Огрехи вылезали из каждого санти-

метра. Безграмотная композиция; солнечный диск, как фантастический Меркурий на горизонте незнакомой планеты… Кажется, мои уши стали цвета этого Меркурия, когда я вспомнил, что говорилось тогда про тени. От одной берёзы тень ложилась вправо, от другой — здорово закосила, а у третьей её вообще почему-то не было. На ёлке, на самой верхушке, восседала сорока, которая шокировала орлиными размерами. Да… Лично я теперь такие работы оцениваю безжалостно. Преподаватель, оказывается, был снисходительнейшим из добрейших. О многом ещё он тогда умолчал. Мне сделали скидку на то, что это был первый самостоятельный опыт…

Мои мысли прыгали в ритме пульса, а беседа за столом между тем входила в традиционную фазу развития. Уже произнесли первые тосты за искусство, за таланты в России, за встречу, дружбу и так далее. Меня, слава богу, особенно не беспокоили. Много говорили представители местной интеллигенции. А я всё думал. Как это случилось? Почему — здесь? Розыгрыш? Нет, не похоже. Ясно, что никому нет дела до этого пейзажа. Все увлечены и даже сгруппировались: учителя спорят о чём-то возвышенном, администраторы громко договариваются о вечерней рыбалке. Я старался изо всех сил себя не выдать. Что-то говорил, даже смеялся, но память мучительно воспроизводила картину, казалось бы, навсегда забытого мною прошлого…

Тогда мы ещё только поступили в училище. Свободная жизнь, общага, великие планы. В живописи — кумиры, на ужин — что-нибудь в зависимости от состояния общего бюджета. Первые пленэры и полуночные, как теперь говорят, тусовки. И занятия, занятия, занятия… Я, Потапыч и Айвазовский жили в одной комнате и сразу подружились. Несмотря на разницу характеров, привычек, уровня базовых знаний и воспитания, нас объединяло страстное желание стать великими художниками. В этом мы, конечно, друг другу не признавались, но оно угадывалось в том, как прилежно усваивали мы уроки педагогов, никогда не пропускали занятий, с каким энтузиазмом выполняли задания и обсуждали шедевры, созданные не нами… Конечно, мы были мечтателями. Потапыч мечтал когда-нибудь побывать у Северного полюса. Ещё бы! Ему нравилось рассматривать книжку, стоявшую у нас

на полке, с изображением белых медведей. Мы подшучивали над ним, говоря, что для его будущих грандиозных полотен достаточно одной, белой, краски. Айвазовский мечтал побывать у моря, которого никогда ещё не видел. Я же любил поле, лес, небо и русскую деревню, в которой вырос. Странно, что именно пейзажи нашей среднерусской полосы у меня и не получались. Не давался свет, не хватало мягкости, ошибался в композиции… Но я старался.

К концу первого курса, который мы завершали вполне успешно, наши мечты вдруг объединились в идее совершить путешествие в Третьяковку. Чего проще? Однако, к сожалению, размер студенческой стипендии не предусматривал путешествия, даже такие. Айвазовский умудрялся посылать вспоможение матери; Потапыч всегда нуждался в новых красках или кисточках — его художественный дар требовал постоянных расходов; я (чего таить греха?) почему-то всё время хотел есть, хотя из нас троих был самый маленький и худой. Пирожки, булочки, кефир, лишняя котлета в столовой катастрофически сокращали мои финансовые возможности.

Мы стали усиленно думать, на чём сэкономить и как накопить на поездку. Вспомнили, что старшекурсники подрабатывают какими-то заказами, то есть продажей своих работ. Также мы знали, что возле городского рынка есть место, где художники выставляют картины на продажу. В нас вселилась какая-то дерзость. Что если попробовать?

Сначала мы отправились на рынок, чтобы изучить обстановку, присмотреться повнимательней, кто и что продаёт. То, что мы увидели, нас вдохновило.

Продаваемые картины были разные, на все вкусы. Много пейзажей. Мы уже более-менее разбирались, как отличить подделку от настоящей живописи. Почти всё при внимательном рассматривании казалось нам сомнительным. Наши произведения значительно уступали по яркости, броскости, но, как нам казалось, они не были особенно хуже. Покупатели подходили, у некоторых картин задерживались, разговаривали с художниками и отходили, но кто-нибудь покупал. Мы задержались возле «Усатого» — изображения кошачьей морды с флуоресцентными глазами, в шляпе и наушниках. Надо же! Отметили

про себя: сделано «под копирку». И тут какой-то упакованный папаша сходу купил эту пошлость своему капризному отпрыску. А подошедшей экзальтированной дамочке понравилась кобра с чётко выписанной чешуёй; змеюка как будто намеревалась выскочить из рамы. Для уравновешивания зрительских эмоций художник привязал её за шею на цепь. Очевидно, он вообще был мастер эпатировать с успехом. Дамочка хоть и поторговалась, но уступила. Мы поняли — попробовать можно. И, не откладывая в долгий ящик, на следующий же день отправились на рынок.

У Айвазовского и Потапыча были в запасе неплохие, на наш взгляд, пейзажи, написанные на пленэрах. Даже преподаватели их хвалили. У меня, как назло, ничего привлекательного. Завалялась одна эта броская мазня с сорокой и тремя берёзами. Всё остальное было не в тему. «Бери, — говорят, сороку, — хоть за компанию постоишь». Они взяли по паре работ, я — свой шедевр, стоим на рынке. Нам сразу повезло — не пришли художники. По-видимому, был не их день. Или не то время. Значит, не будет лишних свидетелей вполне возможного нашего позора. Но тут же и не повезло — ни с того ни с сего стал накрапывать дождь. Стоим, раздумываем, как поступить.

И тут Потапыч толкнул меня в бок. Возле моей картинки вертелась тщедушная старушка с огромной для её размеров поклажей: сумка, узел, ещё что-то… Ясно, что издалека: для города такой вид — чистая экзотика. Ведёт себя интересно: то подойдёт ближе, то издали посмотрит. По нашим тогдашним соображениям, такие искусством интересоваться не должны, а покупать — тем более. Но старушка не уходила. Стала поглядывать на нас то робко, то решительно… В общем, выразительно. Я подошёл. Спросил, помню, с не очень скрытой иронией: «Вас что-то интересует?» Продемонстрировал уже усвоенный городской этикет. Иронию она, конечно, не поняла, как будто даже обрадовалась вопросу, как-то засуетилась, сумку и узел поставила возле себя и сказала: «Я спросить хотела… Кто хозяин тут будет?» Отвечаю: «Художник — я. А что?»

— Не сорокинский ли ты, сынок?

— Какой? — я даже слово сразу не разобрал.

— Ну, из Сорок то есть? Я сразу приметила, потому что сильно похоже. Родом я из этих мест.

Пока я соображал, что ответить, она продолжала:

— Как раз напротив этих вот берёзок моя хата и стояла, с другой стороны. Дубок подле крыльца… А на этом месте всё точно так: три берёзки, посередине — ёлочка. Ишь, как подросла. Дальше уже осинник пошёл… Так у тебя есть кто там или как? Родня то есть?

Я дерзко отреагировал:

— Ага. Прадед жил. И хотел ещё добавить «в осиннике», но не сказал. Не объяснять же ей, что рисуют не только с натуры. Старушка просияла:

— Неужто прадед? Вот как жизнь свела. Как звали-то его, может, знать буду.

Поворот в разговоре мне не нравился. И я сказал с интонацией, означающей, что беседовать у меня нет никакого желания:

— Забыл.

— Как это забыл? — и сама же объяснила. — Что ж я спрашиваю, откуда тебе знать-то. Ты ж его и не видал, ещё, может, не родился даже… А давно ли был там?

— Где?

— В Сороках наших?

Я нашёлся:

— Был давно и теперь не скоро буду — некогда.

— Учишься, наверно? — сказала она уважительно и, не дождавшись ответа, опять переключилась на пейзаж. — А я знаю, где сорока эта живёт. Как-то в грибах была, да ушла далеко. Гляжу — а над головою гнездо, и сорочата пищат уже. Никому не сказала, а то ребятишки враз разорили бы. Она вздохнула:

— Сорока часто на эту ёлку садилась. На мою хату поглядывала. Даром что птица, а доброе дело тоже понимает…

Друзья на всё это глядели с недоумением. Спас дождь, который усилился. Я открыл свою сумку, взял картину. Яснее некуда: разговор был окончен. Старушка призадумалась и робко спросила:

— Сколько ж за неё… просишь?

— Картину? — Я стал быстро соображать, что ответить.

И сказал, что пришло в голову, почти в шутку:

— Сколько не жалко.

Какое-то смятение отразилось на лице старушки. Она порылась в сумке, что-то нащупала, достала свёрнутые купюры. У меня спазмом сжало дыхание. Неужели купит? Видимо, я не выглядел уверенно, потому что моя покупательница (а в этом можно было уже не сомневаться) смотрела как будто участливо:

— Так я возьму или как? — и, спешно расправив купюры, протянула мне деньги. Теперь было видно, что в купюрах мелкота, но сумма уже не имела значения — старушка была реальным покупателем. Помню, разные чувства во мне боролись.

— Бери, бери, сынок, — старушка как будто поняла мою растерянность. — Тут мне жалеть нечего. Всё, что надо, уже купила, это вот осталось. Если б было, больше б отдала. У нас в Сороках каждая берёзка, считай, на вес золота.

Во мне победило желание заполучить деньги. Я их взял как-то неловко, а старушка бережно стёрла капли дождя с приобретённого шедевра. Подошёл Потапыч:

— Подождите, мамаша, мы вам завернём, всё, как положено, — и стал хлопотать с упаковкой…

Глядя покупательнице вслед, мы все переживали какое-то потрясение, причём каждый своё. Было как будто радостно и в то же время не очень. Придя в общежитие, сразу положили деньги в приготовленную заранее копилку. Это было началом нашего будущего путешествия в большой мир.

Старушку я хорошо запомнил, но больше мы не продавали своих картин. Почему-то это занятие не пришлось нам по душе. Кстати, и копилка не потребовалась. В сессию мы очень даже прилично сдали экзамены, выполнили всё, что от нас требовалось по программе, и в конце семестра нас наградили поездкой в Третьяковку. Впечатления, которые мы там получили, привели к пониманию: чтобы стать великими художниками, нам надо ещё много потрудиться…

Мы трудились. Чтобы попасть в большой мир, нужно было постоянно решать какие-то проблемы. Мы решали. Может быть, в этом

нашем упорстве сказывалась привычка к труду, приобретённая в деревенском детстве. Все учились дальше, но уже в разных вузах. Жизнь нас разбрасывала. Потапычу удалось побывать у северных широт, Айвазовский написал серию морских пейзажей. Я совершил поездку на Дальний Восток. В конце концов, мы опять вернулись к своим берегам, подтвердив справедливость пословицы: где родился, там и сгодился… И кто бы мог подумать, что история со старушкой будет иметь продолжение, явно нежелательное для меня в теперешнем статусе профессионального художника…

Я решил осторожно поговорить с официанткой: вдруг что-то знает. И не ошибся. Женщина оказалась разговорчивой, к тому же замечательной рассказчицей и почти в лицах передала мне продолжение давнего инцидента:

— Дело было так. Давно уже, но помню хорошо. Сын у меня тогда только что родился, надо было кое-чего прикупить в городе. А кому ехать? Я — с дитём, муж — на работе без выходных, сенокосы пошли. Снарядили свекровь. Она сама выказалась: «Деньги большие, вам, молодым, не доверю. Поеду сама». Вернулась к сроку, всё, что надо было, привезла и в придачу — картину эту. Мы, правду сказать, подивились: каждую копейку в узелки вязала, а тут — на тебе, не видали добра. Но оказалось, что не простая картина. Можно сказать, совсем особенная. «Иду, — говорит, — по базару, народу — страсть! И все что-нибудь покупают. А мне уже к автобусу время, я особенно по сторонам не гляжу. Примечаю только, что много в городе художников, считай, по всем местам картины их висят. Люди, видать, к этому привыкли, бегают по своим делам. Тут ещё дождик как будто брызнул. Ну, я тоже поторапливаюсь. Гляжу — впереди так, у стены, где у этих художников, видно, собрание бывает, большое скопление народу, что и пройти нельзя. Поинтересуюсь, думаю, что к чему. Подобралась поближе. Глядят все на картину, на эту вот самую. Что-то переговаривают… Тут я наши Сороки и признала. Берёзки, ёлочка, солнце точно так глядит из-за кустов в ясный день… Как не признать. А эти, покупатели то есть, торгуются, как бы подешевле купить, значит. Один предлагает поменьше, другой — побольше… А художник, молоденький такой, ни на что не соглаша-

ется. Не нравятся, видимо, ему покупатели, уж больно шустрые. Плохому человеку, известно, и продать жалко. И тут одна женщина, богато так наряжена, предлагает больше всех. Разом все и затихли. Думают, значит. Тут я не удержалась и громко мальцу этому, художнику, говорю: «Не продавай, сынок, ни за что. Наши Сороки не этой цены стоят». Как с языка сорвалось, сама не пойму. Деньги-то художнику этому, понятно, что надо: худющий, одна душа, что есть, бледный. Учится, видно недоедает. Точно такие мы сами в голодные годы были… Ну, опять зашумели: «С чего это ты, бабка, указываешь!» Я отвечаю: «Потому что это мои места родные. Я тут век прожила, всё знаю. Тут каждая берёзка, считай, на вес золота. Так-то». Притихли опять. Что ж на то скажешь? А мальчонка этот, художник, верите, нет ли, так и приник ко мне: «Мамаша, правда ли, что Вы из Сорок будете? Там раньше прадед мой жил!» Я, мол, его, конечно, плохо помню, но в Сороках бываю часто и рисую! Слово за слово, что да как… Рассказала ему про места грибные наши, ещё кое-что вспомнила… Какие люди после войны к нам возвращались, как строились… А эти, покупатели которые, послушали и уже вежливо просить стали: продай да продай. Тогда снял он картину со стены и всем отвечает: «Эта картина не продаётся». «Почему это?» — зашумели. «Потому, — отвечает, — что хочу этой женщине подарить её бесплатно». И мне при всех подаёт… »

Так она нам и рассказала. Не знаю, правда ли всё это, свекровь моя была мастерица на сказки. Всегда что-нибудь придумывала… Мы с мужем пересчитывать деньги не стали, а зачем? Мы же знали, что на плохое дело она не потратит. И так свекровь дорожила этим подарком, что попросила, чтоб перед кроватью, возле святого угла, картину повесили. И когда болела, всё на неё глядела. Что ж… Сильно не хотела она уезжать из своих Сорок. А что было делать? Когда мы её в район увозили, считай, она и была последний житель. Что ж мы не дети, что ли?

Рассказчица как будто задумалась и вдруг спохватилась:

— А что, разве картина не хороша? Мы, конечно, не понимаем…

И, будто извиняясь, добавила:

— Я только сегодня её и принесла сюда. Директор сказал, что украсить надо, художники важные будут. Я и подумала… А, может,

вы знаете художника этого? Очень жалела свекровь, что фамилию не узнала. Говорила, что он назвался, да она не расслышала, а переспросить не успела. Теперь уже не молоденький наверно. Свекровь-то давно померла.

Не понимая моего молчания, опять спросила:

— Лучше снять?

Что-то я ей отвечал тогда, но главного, конечно, сказать не смог. А что бы вы сказали? Можно было тогда придумать сто причин, чтобы забрать свою студенческую мазню, но я понимал, что теперь этого сделать никак не могу. Удивительным образом пейзаж стал чьей-то семейной реликвией, памятью о матери.

Когда я подошёл к столу, общение шло уже на повышенно-возвышенных тонах. Кто-то из комиссии произносил с назиданием: «Образовывать людей надо. Вкус воспитывать с детства, чтобы каждый отличал… » На моё творение никто не обратил внимания, и, к моему счастью, здесь не присутствовали Потапыч и Айвазовский. Они были тоже в командировках. Вот бы удивились! Между тем, призвав к всеобщему вниманию, представитель администрации объявил о завершении культурного мероприятия и предоставил слово председателю комиссии, то есть мне…

Моего рассказчика прервал призыв водителя. Можно было путешествовать дальше. Всё-таки наша техника — самая непритязательная в мире. Она ремонтируется без посторонней помощи крепким ударом кулака или лёгким постукиванием — по обстоятельствам…

Под шум колес особенно приятно размышлять о жизни. Мы сидели порознь и молчали каждый о своём. Теперь уже я не подозревал, что до завершения рассказанной мне истории ещё очень далеко и что я сам буду и свидетелем, и участником заключительного события.

* * *

Еду из командировки. Ну и дороги! Последние два года почти безвыездно живу в нашей губернской столице с впечатлением, что жизнь существенно изменилась. Не везде, оказывается! Уже катаюсь на импортных колёсах, а в моих родных местах — что пять, что десять, что

двадцать лет назад. На пути к родному городу опять застряли между пунктами по причине полной размытости трассы дождями. Пока вытаскивали мою иномарку из грязи по колено, перебрали вслух и мысленно всех известных нам святых и грешников, особенно зарубежных — изготовителей этих самых колёс. Опоздал, конечно. Надо было посмотреть конкурсную выставку областного масштаба на тему «Российская деревня» и поприсутствовать на предварительном обсуждении, которое к моменту моего прибытия давно завершилось. В этой комиссии я и участвовать не хотел. Во-первых, поездка некстати, пришлось прервать некоторые издательские дела; во-вторых, непременно обидится кто-нибудь из земляков, и именно из хороших знакомых. Все же хотят в лауреаты. Каждому не объяснишь, что погоду заказываю не я, вот — сам у неё в полной зависимости! Однако теперь уже ничего изменить нельзя, завтра подведение итогов, и надо хоть мнение своё на этот случай иметь, мало ли что. А потом, я всегда стараюсь добросовестно исполнять профессиональные обязанности и за многие годы работы в журналистике привык решать вопросы на ходу. Выучка, как говорится, такая. Наскоро перекусив, переодевшись, без всякого, конечно, энтузиазма опять потопал по грязной улице. Благо, дождь приутих…

Ну и что? Выставка как выставка. Убедительное дополнение к известным представлениям о нашей глубинке. Вот она, родимая дорога! Картина так и называется: «Переправа». Художник не указан (выставка конкурсная), но я по стилю догадываюсь. Сколько раз бывал у него в мастерской. Отличная, между прочим, работа. Почти темно. То ли вечер, то ли, наоборот, близко к утру. Деревенская женщина ведёт под уздцы запряжённую в телегу лошадь через узкий и, видно, шаткий мост. Река тёмная, высоко подошла под берега — весеннее половодье. И грязь. Настоящая, наша, деревенская грязь. Если кто и выберется из этого месива, то только русская женщина. И лошадь вытащит… Мне нравится эта работа. Всё очень убедительно…

Дальше пошли картины разрушения нашей провинции. От правды не отвернёшься. Названия не говорящие, а кричащие: «Забытая весна» … Неухоженный лес, следы бурелома, а среди старых веток

пробиваются молодые стебельки… «Последние». Изображены старики на фоне покосившихся брёвен старого жилья… «Не прилетели». То есть не прилетели птицы. Пустое гнездо аистов… «Ненастные дни». Аллегория. Намёк на неустройство и разруху. Женщина под дождем гонит к дому корову. Опять — женщина. В сапогах по грязи. Опять грязь… И ещё, и ещё. Мягко сказать, совсем не весело. И, к сожалению, не очень ново. Не хватает оригинальных решений, что ли. Столичные художники пишут уже не так…

А, вот что-то повеселее. Летнее утро. Тропинка к лесу. Разнотравье… Конечно, тоже не ново. На какой выставке такое не увидишь? Однако на фоне всеобщей беспросветности… Хорош именно свет. Есть приятная мягкость, еле уловимые полутона… Силуэт старой женщины с лукошком… На верхушке ёлки сорока, обозревающая мир со своей вершины… Как называется? Читаю: «Сороки». Взяла досада. Ну, провинциалы! Что за «Сороки»?! Кто не знает, что название картины — это уже шаг к премии! Так и представился ущемлённый провинциал с красным загаром на лице. «Сороки»! Наверняка, ещё и надеется…

Но что-то меня держало возле этой картины, и я смотрел. О чём-то напоминало. Вообще-то, я сам из деревни. Оттуда и начал обозревать мир. Признаться, давненько не наведывался в родные места. А ведь всё так и было в детстве: утро, лёгкий туман, роса на траве и восход солнца, подобный чуду… Воспоминание притягивало к картине, но мои личные переживания не аргумент. В комиссии — знатоки. Однако в живописи и я немножко поднаторел, не зря общаюсь с художниками. Здесь отличная композиция, грамотная перспектива… Сделано профессионально. Особенно эта мягкость привлекательна. То ли свет, то ли лёгкая дымка… Зря я так сходу обидел автора. Если он и из глубинки, то, по крайней мере, без претензий. Претензия всегда бьёт в глаз, а здесь — другое. Тут своя, ненавязчивая, идущая из души интонация… Я поймал себя на том, что впадаю в сентиментальность, не подобаемую человеку моего статуса, поэтому искал, к чему придраться. Вот! А мысль? Мысль — где? Да и как-то очень уж сказочно. Хотя, конечно, такие уголки ещё есть. Это в наших дерев-

нях, ещё живых и даже уже заброшенных. Окажешься там случайно, а уезжаешь как будто другим человеком. Становишься добрее, чище, и в городе воспринимаешь какое-то время всё по-другому… Пока опять не затянет суета. Я ведь сам всё это переживал не раз, даже писал в начале моей журналистской карьеры. Да… И я мысленно уже как будто высказывался на завтрашнем обсуждении: «А разве не важно, чтобы наша память возвращала нас вот к таким, гармоничным, моментам бытия? Разрушение — да, но художник — это по большому счёту — целитель душ. Напомнить людям об идеале — не это ли обращение к нашей совести?..»

Подошла дежурная. «Вам тоже понравилась? Представляете, кто приходит, все останавливаются возле этой картины. И все спрашивают, что за Сороки, где находятся?»

Я спросил:

— А где они находятся?

— Говорят, была такая деревня, совсем маленькая, давно… А сейчас то ли отселили, то ли вымерли все. Точно не знаю. Завтра художники приедут, спросим. Красивое место, только б и жить. Да человек — не птица, что, где захочет, там и вьёт гнездо…

«Конечно, не птица, — подумал я. — Но, подобно птице, наша память свободно пересекает границы времени и пространства». Моя мысль вспорхнула этой самой птицей, и я отчётливо вспомнил ту давнюю остановку в пути между лесом и полем в лучшую пору нашего года, рассказ моего случайного попутчика и всё понял. Он побывал в этих самых Сороках! И я знаю, почему, даже когда. Знаю, может быть, только я один. И мне также известно, что где-то в провинциальном городке, в каком-то доме, бережно хранится смешной набросок (назовём это так) вот этой прекрасной картины с названием «Сороки». Я думаю о том, почему нередко случайные, казалось бы, события жизни оказываются поворотными в нашей судьбе… Конечно, это картина лауреата.

Дебют

Кира МАРЧЕНКОВА

ТОПОЛИНЫЙ СНЕГ

* * *

Девочка смотрит в небо —
Белые облака
С юга на север тянутся караваном.
Девочка смотрит в небо.
Рядом бежит река.
Девочке хорошо и немного странно.

В небе царит свобода,
Воздух душист и прян —
Август в зените. Лето идёт на убыль.
Девочка смотрит в оба.
Девочка — это я
В небо смотрю, зачем-то кусая губы.

Об авторе

Марченкова Кира Юрьевна родилась 2 августа 1986 года, в городе Сельцо Брянской области, где и живёт в настоящее время. Окончила Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского по специальности «биолог»; на сегодняшний день заведует детской библиотекой.

Публиковалась на интернет-ресурсах. Лауреат конкурса «Хрустальный родник» (2019), лауреат международного конкурса-фестиваля поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (2019). Член Международного союза писателей и мастеров искусств.

* * *

Я не умею делать шаг назад
И обживать по новой пепелища.
Я не из тех, кто путь короткий ищет,
И не из тех, кто жмёт на тормоза.

Но лишь сюда я возвращаюсь вновь,
Как в колыбель, где тихо и спокойно,
Где тот с геранью красной подоконник,
Где всё ещё живёт моя любовь.

Я в этот край бегу от всех невзгод.
В мечтах ли, наяву ли — без разбора —
В тот дом за покосившимся забором,
Где на крыльце мурлычет рыжий кот,

Где рано выпал тополиный снег,
Где двор под сенью кружевных акаций.
Сюда я возвращаюсь в каждом сне,
Хоть я и не умею возвращаться.

* * *

Из города уходят облака —
Нестираные клочья белой ваты,
Неглаженые комья паутины,
Отвесив нам последнее «пока».
А мы с тобой ни в чём не виноваты,
Забравшись в эту майскую путину...
А нам с тобою просто повезло
Дышать в саду прохладою сирени,
Скрываться за дремучими лесами.
И вроде бы простое ремесло —
В тугое небо лёгких воспарений
Без спросу мы осваиваем сами...

* * *

Всё это не о тебе, но для
Тебя, мой далёкий друг.
Здесь небо всюду — куда ни глянь —
Лишь небо одно вокруг.

Здесь ветер носится, теребя
Не простыни — паруса.
Весь этот город — он для тебя
А вот для кого ты сам?

Позволь же выпить живой воды —
Небесной и дождевой
За то, чтоб не заросли следы,
За то, чтобы был живой

И этот город, и ты, о ком
Я снова пишу и для
Кого тот замерший в горле ком
Земли и сама земля.

* * *

Ничего необычного — просто живу.
Просто жду, что ещё мне сегодня приснится.
Я иду по траве, я ложусь на траву,
Я смотрю в облака, как в знакомые лица,

А они то плывут далеко в синеве,
То цепляются пухом за маковки сосен...
Ничего необычного — лёжа в траве
Вместе с ними встречать неизбежную осень.

* * *

И тёплый дождь, и облака, и сны,
Как на подбор, один чудней другого.
И кажется, что не было весны —
Сплошной июнь… Дороже дорогого

Такие дни, когда не ждёшь беды,
Когда идёшь — и сердце расцветает,
И небо в тонкой лужице воды
Сверкает, отражается, и тает...

* * *

Вести учёт утраченных иллюзий,
Вести учёт нечаянных потерь...
Пришла зима и приоткрыла шлюзы,
И кто поймет, что станется теперь

Со всеми нами: то ли запорошит,
Или возьмёт и всех заворожит…
Январский день суровой нитью шит,
И, что бы ни случилось, будет прожит.

Забыть про всё и заново начать,
Как будто ничего и не бывало.
Вести подсчёт чего — удач, провалов?
Забиться в угол иль рубить сплеча?

А может, просто выйти на простор,
Когда зима свой белый пух уронит,
Рассматривать снежинку на ладони,
Вести неторопливый разговор

Со снегом, с небосводом, с январём,
С проросшим не ко времени побегом.
И, наконец, понять: мы не умрём.
Мы станем снегом. Белым-белым снегом.

* * *

Туман погустел, значит дело к утру,
К рассвету сентябрьскому, влажному...
Писать о себе — не напрасный ли труд
Когда не дописано важное?
Но руки дрожат, и осина дрожит,
Листва позолотою стелется...
И снова и снова рифмуется жизнь,
В которую больше не верится.

* * *

Не помнить встреч ненужных,
Фраз неискренних,
Отправить всех завистников к чертям.
Готовить ужин,
Как всегда —
По-быстрому,
В кастрюле иероглифы чертя.

Как будто надломили да и бросили,
Теперь уж ворожи — не ворожи…
А впрочем,
Так всегда бывает осенью —
Ещё не умер, но уже не жив.

А в сентябре туман под утро пенится,
Ложится на продрогшие кусты.
И непременно что-нибудь изменится,
Вот только бы дождаться.
Не остыть.

* * *

Зачем моей душе такое тело?
Вера Павлова

Зачем ей тело, раз она — душа,
Замешанная на густом елее?
Неужто не умеет — не болея,
Неужто не умеет — не дыша...

И, в зыбком состоянии покоя
Чужие мысли нагло вороша —
Зачем ей тело, раз она — душа?
Тем более такое...

* * *

Встречаешь новый день, как в первый раз.
«Открыть окно, включить на кухне газ...» —
Как мантру, шепчешь, тихо оживая.
А за окном такие виражи,
А на стекле такие витражи —
Февраль ещё не то навышивает.
И пьёшь горячий чай, закрыв глаза,
И видишь — небо, майская гроза,
Прохлада распустившейся сирени.
Но это всё мечты, а за окном
Кружит и вьюжит. Только тёплый дом
И мокрый нос, уткнувшийся в колени,
Напомнят, что всё это наяву...

Спасибо, что я всё ещё живу.

* * *

Пишу тебе письмо издалека,
На твой язык перевожу построчно,
Как странно я люблю тебя — заочно,
Как хороши весною облака...

Пишу тебе письмо из этих стен —
Немые многоточья сыплю горстью.
Я лишь в письме твоей побуду гостьей
И лишь ответа попрошу взамен.

Пишу тебе... Пишу, сжимая рот,
Как странно я люблю тебя — чужого,
Растерянно зачёркиваю снова
Печального сюжета поворот.

Пишу в последний... Предпоследний раз
О том, как я устала и остыла.
Пишу о том из вражеского тыла,
Как ты мне снишься — в профиль и анфас.

Умела бы я только рисовать,
Портретами увешала бы стены,
Но, снова не найдя тебе замены,
Исписываю новую тетрадь...

* * *

Облачно и тихо — как во сне,
Как в тяжёлой коме января.
Видишь, я мечтаю о весне,
Видишь, фонари уже горят.

Облачно и тихо — как в бреду,
Снег и вата — всё в одной горсти.
И весне по тающему льду
К нам ещё ползти — не доползти...

* * *

Всё встанет на свои места,
И чем не шутит чёрт!..
Вода у Чёрного моста
Течёт, течёт, течёт...

Склонилась ива над мостом
До самых до перил.
Я долго помнила о том,
Что ты мне говорил.

От ветра гнётся и дрожит
На берегу осот.
Вода бежит, бежит, бежит,
Печаль мою несёт.

Скрипит на каждый новый шаг
Прогнившая доска.
Неужто всё и будет так?
Тоска, тоска, тоска...

Я Чёрный мост, как будто храм
Ночами стерегу.
А как тебе живётся там,
На дальнем берегу?..

Вода у Чёрного моста
Податлива, как ртуть.
Всё встанет на свои места.
Когда-нибудь.

Дебют

Анна ***ВОРОНИНА***

РАССКАЗЫ ПРО ПАШКУ И МАРИНКУ

Кладоискатели

Паша сидел на лавочке под старой яблоней и листал книгу. Блестящую, с чёрно-синей обложкой. На тёмном фоне изображён грозный корабль. Чёрный флаг развевается на ветру. Вот-вот начнётся шторм. Ярко-красными буквами выделено название — «Пираты».

Об авторе

Анна Васильевна Воронина родилась 11 октября 1986 года в селе Бобрик Погарского района Брянской области.

Пишет стихи и прозу. Публиковалась в региональных и городских изданиях, литературных альманахах «Белые паруса» (2017-2018), «Парус» (2014-2016), «У чистого брода» (2018), «Не отрекайся от мечты» (2018). Лауреат Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник — 2019» (г. Орёл) в номинациях «Литературное творчество для детей: стихи» (диплом 3 степени) и «Литературное творчество для детей: проза» (диплом 2 степени), лауреат литературно-художественного конкурса «Листья дуба — 2019» (3 степень), финалист международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (2018, 2019).

Участник литературного объединения «Парус» города Сельцо, руководитель детской творческой студии «Мастерская словесности» при детской библиотеке города Сельцо.

Авторские сайты: https://anna-voronina.ru, https://planeta-fantaziya.ru.

Летом дети гостили у бабушки и дедушки, родители приезжали каждые выходные и привозили что-то особенное. В этот раз Пашка получил эту книгу.

Мальчик просил взрослых читать и слушал, затаив дыхание. Когда же все были заняты, он пересматривал картинки.

— Паш, давай в дочки-матери, — в который раз позвала играть брата Маринка.

Девочке тоже привезли подарок — куклу-пупса. С розовым чепчиком, сменой одежды и даже собственной бутылочкой и погремушкой. Маринка назвала «свою доченьку» Дашей.

— Паш, пожа-а-а-луйста, — протянула девочка, — а я тебе потом почитаю.

Марине скоро в школу, и она уже умеет читать.

— Давай в дочки-матери на пиратском корабле! — предложил Паша.

— Ты что! — возмутилась Маринка. — Морские приключения опасны для таких малышей, как Даша.

— А клад Даше можно искать? Это совсем не опасно, — Пашка задумался. — Может, чуть-чуть опасно, но точно не так, как на корабле. У меня и карта есть!

Мальчик раскрыл книгу и показал сестре. Красный крестик сразу приковывал взгляд. Пунктирной линией к нему тянулась такая же красная дорожка. Она проходила рядом с кривым деревом, огибала гору, потом шла через мост мимо длиннющей змеи. Почти у самого крестика изображён улыбающийся пират.

— И что там за клад? — спросила Марина, рассматривая всю карту.

— Что-то очень ценное! Настоящие сокровища!

— Даша ещё мала для таких путешествий, — девочка ещё раз посмотрела на карту, — но она может пока поспать в своей кроватке. Поможешь мне её уложить?

Положив куклу на лавочку, Марина объявила, что «доченька» спит, и поэтому можно отправляться на поиски клада.

Дети начали подробно изучать карту.

— Это что за молния? — Марина показала на значок в форме зигзага.

— Буква «Эн». Она означает север. Мне дедушка рассказал, что нужно карту положить так, чтобы север на карте указывал на наш север.

— А как нам узнать, где наш север?

— Север — это там, где холодно.

— Тогда север в подвале?

— Точно! — Паша развернул книгу так, чтобы буква была поближе к подвалу, и продолжил, — Мы здесь, в самом начале пути. Нужно найти это дерево.

— Пашка, онопохоже на нашу яблоню! Ветки такие же кривые и закрученные.

Мальчик поднял карту, чтобы сравнить. Дерево и впрямь оказалось очень похожим на то, что в книжке. Столько же веток, наклон, а самое интересное — это рисунок на коре в форме крестика.

— Марина, ты — настоящий пират! — восторженно проговорил Пашка.

Дети встали под деревом и осмотрели двор. Теперь нужно было отыскать гору, но ничего похожего они не находили.

— Может, это и не гора вовсе? — спросила Маринка.

— На сапог похоже, но откуда на пиратской карте сапоги? — удивился мальчик.

— На пиратской — не знаю, но у нас сапоги есть — дедушкины, он их сушить поставил — вот там. Теперь нужно найти мост.

— Легкотня! — махнул рукой Пашка и показал на лавочку. — Вот наш мост.

— Но это же Дашина кроватка! — возмутилась Маринка.

— А давай и кроватка, и мост — по очереди. Сейчас это будет мост, а Даши как будто здесь нет, — предложил выход мальчик, запрыгнул на лавочку и аккуратно прошел по ней. — Я уже на другой стороне обрыва!

Марина проверила, как там «доченька», и шагнула на «мост».

— Паш, а ущелье глубокое?

— Конечно!

— И крокодилы там водятся?

— Ага!

— Паша, я боюсь, — пропищала девочка.

— Марин, это же понарошку.

— Я и боюсь понарошку.

— Понял, — тихо сказал Пашка и громко добавил: — Я спасу тебя!

Он забрался на лавочку и протянул сестре руку:

— Держись!

— Стараюсь! — протянула Маринка и схватилась за брата.

Вдвоем они пересекли глубокое ущелье, полное крокодилов.

— Смотри! Змея! — Пашка прижал палец к губам. — Т-с-с, она спит. Может, она нас не заметит.

Дед Женя вышел во двор и увидел внуков, крадущихся вдоль садового шланга.

— Чем занимаемся? — поинтересовался он.

— В пиратов играем, сокровища ищем.

— Тогда защищайтесь! Я — свирепый капитан Крюк! — дедушка взмахнул воображаемым мечом. — Не ждите пощады!

Мальчик не растерялся и принял бой. Маринка же снова рассматривала карту.

— Я знаю, где клад!

Паша с дедушкой прекратили сражение и быстро заключили перемирие. Правда, пришлось пообещать капитану Крюку часть найденного клада.

Марина провела пальчиком по карте:

— Мы прошли дерево, гору-сапог, мост, змею и встретили пирата. Мы на месте, клад здесь — в песочнице.

— В пустыне, — шёпотом подсказал Пашка.

— Ой, да, в пустыне, — исправилась девочка.

Схватив лопатки, дети стали копать. Они выкопали несколько круглых плоских камушков.

— Это же настоящие пиратские монеты! — обрадовался Пашка.

— Ого! — Марина подняла маленький блестящий предмет. — Это же серёжка!

— Ай да находка! Бабушка её долго искала, нигде найти не могла. Вы настоящие кладоискатели! — похвалил дедушка.

Таинственные следы

Зима в этом году выдалась бесснежной. Хмурое небо без конца смотрело на серые поля, черные деревья и пустые крыши. Но однажды снег всё-таки пошёл. И все вокруг укрыло белым невесомым покрывалом.

Пашка забежал в дом.

— Марин, пойдем во двор, там такие странные следы… — позвал он сестру.

— И что же в них странного? — отвлеклась Марина.

Она была старше брата на целый год и поэтому не верила во всякие странности и таинственности.

— Совсем непонятно, чьи они… Будто на лыжах кто-то катался, — сбивчиво пояснил мальчик, — точнее, на одной… И следов человеческих нет. И нечеловеческих тоже.

— Это кот соседский, он постоянно к нам захаживает, — без особого интереса ответила девочка и продолжила заниматься своим делом.

–Ага, как же, кот на лыжах! — засмеялся Пашка. — Не знаешь, так молчи!

Марине стало обидно:

— Пойдем, посмотрим на твои следы. Я сразу скажу, чьи они.

Ребята вышли во двор.

Девочка внимательно рассмотрела след:

— Похоже на змею.

— Папа сказал, что у нас не водятся такие большие, да и змеи зимой спят.

— А, может, одна не спит?

— Ага, тебя ждет, — буркнул брат.

Павлик осмотрел снег возле калитки и произнёс, прямо как настоящий сыщик:

— Снег не тронут, нарушитель попал во двор другим путем.

— А тут уже след есть, — показала Марина на место у крыльца дома.

— Так, посмотрим-посмотрим, куда он ведет.

Юные следопыты прошли вдоль дома, внимательно вглядываясь себе под ноги.

— Смотри, след по стене идет.

Дети остановились. Снега под самым домом было мало, но видно, как след шел то по земле, то по снегу у самого дома.

— Все это очень-очень странно, — прошептала девочка и схватила брата за руку.

Они осмотрелись и медленно отправились дальше.

— Словно метлой кто-то мел, — показала Марина на снег у забора. — Может, это Баба-яга?

— Ее не существует! А вот тут можно было пробраться во двор, — Паша присел на корточки и рассмотрел углубление в снегу под забором. А затем разрыл руками проход, который вел на улицу.

— Но тут же было все засыпано! — негодовала сестра. — Этот кто-то потом что — зарыл проход?

— Все может быть, — с важным видом заключил брат.

Ребята все ходили и ходили по следам, рассматривали, трогали снег, даже нюхали, но объяснение не находилось.

Мама позвала ужинать. Во время еды Паша и Марина перебирали все новые и новые варианты:

— Это ласка, — предполагал мальчик.

— Нет, белка, — возражала сестра.

— Это дракон летел и хвостом чертил по земле, — Паша провел вилкой по тарелке с картошкой — остался след, — вот так.

— Драконов не существует.

— А кто тогда?

— Мы это непременно узнаем!

После ужина брат с сестрой решили подкараулить незваного гостя:

— Будем по очереди смотреть в окно и непременно узнаем, кто это был.

Ребята расположились у окна, но все было спокойно: ни драконы, ни ласки, ни белки не появлялись. Паша и Марина так и заснули, сидя в кресле у окна и держась за руки.

На следующий день снег растаял, исчезли и следы. Дети расстроились, но наблюдать не перестали. Правда, всё реже вспоминали, а потом совсем забыли о происшествии.

Когда через неделю с неба посыпался крупный снежок и сразу появились сугробы, ребята вышли во двор. Марина сидела на санках, которые тянул Паша. Мальчик упирался — не так просто было везти сестру. На кочке санки наклонились, и Марина осталась сидеть на снегу. А Паша уже убегал, таща за собой санки.

Вдруг девочка окликнула брата:

— Смотри, те самые следы!

Паша посмотрел на след от санок:

— Он широкий.

— Нет! Здесь! — Марина показывала на снег в стороне.

— Ой! Вернулся!

— Паш, идем домой. Мне так страшно!

Они направились в обратную строну. Уже на крыльце Марина вспомнила:

— А санки? Мама заругает, что бросили.

— Сейчас я заберу, — Паша геройски хлопнул себя по груди.

Сестра наблюдала из-за угла. Вдруг мальчик замер, как вкопанный. Тут прямо перед ним пробежала самая обыкновенная собака. Она ступала аккуратно, видно, не хотела лишний раз опускать лапу в снег. На шее висела цепь, которая тянулась за ней, оставляя борозду и стирая следы лап.

— Марина, выходи, не трусь. Я поймал нашего дракона, — засмеялся брат.

— Бунтарь, Бунтарь! — позвал Паша. — Иди сюда!

Пес посмотрел на мальчика, весело завилял хвостом, подбежал и уткнулся мордой в руку.

— Привет, Бунтарь! Ты опять из дома сбежал, — погладила девочка собаку. — Ну, разбойник, и напугал же ты нас!

Лужа Море

Уже несколько дней шёл дождь. Но если взрослые огорчались, то детей это ничуть не расстраивало, и они с радостью, отправлялись на прогулку.

Маринка с Пашкой вышли на крылечко в новеньких резиновых сапогах. У девочки сапожки красные в белый горошек, на каждом бантик — настоящие девчачьи. Но главное достоинство — они были высокими, до самого колена, в таких и море перейдешь запросто. В руке Маринка держала зонтик — тоже красный, в горошек, что очень-очень нравилось девочке.

Пашкины сапожки — темно-синие, пониже, чем у сестры, но зато они быстрее, ведь на них машинки — гоночные!

От непогоды ребят защищали плотные курточки и шапочки.

Павел выглянул из-под темно-синего зонта и посмотрел на небо — дождь заканчивался.

— Айда по лужам! — выкрикнул брат.

— Мы маме обещали в воду не соваться, — важно шагая за братом и придерживая зонт, напомнила Маринка.

— Смотри! — мальчик подпрыгнул, вода расплескалась в разные стороны, попала на сестру.

— Я маме расскажу, — пригрозила девочка.

— Ты просто трусишка!

— Ах, так! — Марина сделала шаг в воду. — Я покорительница лужи… Лужи Кошки…

— Почему Кошки?

— Ты посмотри: она по форме на кошку похожа.

Пашке стало завидно, что у сестры лужа с названием, а у него нет.

— А у меня лужа Вертолет, — заявил он.

— Почему Вертолет?

— Потому что я так назвал.

— А у меня Жираф, — Марина стала в другую лужу, воды в ней было уже больше.

— А у меня Диван…

— Шкаф…

— Крокодил…

Брат с сестрой перебегали от одной лужи к другой, придумывали названия. Брызги летели во все стороны. Дети разыгрались и совсем забыли про обещание маме.

— Вот это лужа! — крикнул Паша.

— Лужа Море, — восторженно подхватила сестра. — Пойдем!

— Может, не надо? Я видел, как тут экскаватор копал.

— Струсил?

Марина сделала аккуратный шажок. Лужа Море оказалась совсем не глубокой. Еще шажок… Кажется, безопасно. Пашка присоединился к сестре. Совсем расхрабрившись, дети спокойно расхаживали взад-вперед.

— Большая, но неглубокая. Совсем не море…

Девочка сделала еще шаг, нога ушла вниз, Маринка поскользнулась, и ее потянуло в глубину. Одежда быстро намокла и мешала выбраться.

— Марина, Марина! — Пашка в испуге смотрел, как сестра погружается в коварную лужу. Он не знал, как помочь, и заплакал.

Девочка сделала рывок и потянула руку к Паше. И лишь со второго раза брат смог ее вытащить.

Оба промокли. На девочке не осталось ни одной сухой ниточки. Лужа Море забрала себе красные сапожки в горошек. Два зонта тоже остались лежать в воде.

Пошел дождь. От холода трясло так, что Марина и Паша не могли сказать ни слова. Хватало сил только бежать. Паша всхлипывал и строго следил, чтобы сестра не отстала.

Удивительно, но мама даже не стала ругать их, только всплеснула руками:

— Горечки вы мои! Быстрее…

Она помогла раздеться, искупала в горячей ванне, сильно-сильно растерла полотенцем,а после завернула Пашу и Марину в самый теплый плед, который доставали только зимой, и напоила чаем с медом.

Брат с сестрой прижимались друг к другу.

— Я больше никогда не буду ходить по лужам… — пообещала Марина.

— И всегда буду слушать маму, — добавил Паша.

Где растут камни

Дедушка выкатил из гаража тачку. Обошёл вокруг её, проверил колёса. Застелил вниз тряпицу, на неё положил небольшой свёрток.

Пашка и Маринка оставили игру и с интересом наблюдали за приготовлениями.

— Деда Женя, ты куда? — спросил мальчик.

— Бабушка попросила привезти камней — цветник украсить. Она их разложит между растениями, красиво будет.

— Можно и мне с тобой?

Паша схватил тачку за ручку и с нажимом подтолкнул, она немного проехала вперёд и застряла.

— Помогать буду, — заверил мальчик.

— И я! — присоединилась Маринка.

Вдвоём справиться оказалось проще, тачка тронулась с места и легко покатилась.

— Конечно, можно! С такими помощниками я враз справлюсь.

Они вышли за калитку.

— Деда, а что это? — Марина показала на свёрток.

— Хлебушек — гостинец для лесных жителей.

— Для зайчика и лисички?

— Для птичек, а что останется –муравьишки разберут, — пояснил дедушка.

У реки передохнули. В прозрачной воде, ловко извиваясь черными спинками, плавали маленькие рыбки.

Паша бросил травинку, но крошки совсем не испугались, а, наоборот, подплыли ближе и стали дёргать в разные стороны. Травинку унесло течением, а рыбёшки вернулись к мостику.

Дедушка перенес тачку на другой берег, и путешественники отправились дальше.

— Деда, а далеко идти?

— Уже нет. До леса доберемся, и мы на месте.

— Камни там? — поинтересовалась Марина.

— Почти. Рядом с лесом поле, на нём они и растут.

— Как цветы? — девочка даже остановилась от удивления.

— Это так говорят, что камни растут, — улыбнулся дедушка Женя. — На самом деле они лежат глубоко в земле, а потом поднимаются наверх.

— А почему поднимаются?

— Я знаю! — закричал Пашка. — Их кроты и мыши выбрасывают из норок, чтобы не мешали.

Дедушка засмеялся и потрепал внука по макушке.

— И грызуны свою лепту вносят. Но основную работу делает вода и человек. Как мороз ударит, вода в земле замерзает и давит на этот камень снизу. Вроде бы куда воде с камнем совладать? Ан нет — даже валуны выталкивает! А потом люди в работу включаются: пашут, сажают, землю рыхлят, урожай собирают, а вместе с урожаем и камни прорастают.

На опушке леса дед Женя развернул сверток и достал краюшку хлеба. Разломил ее на три части.

Одну положил на небольшой мшистый пень:

— Кушайте, лесные жители.

Пашка и Маринка взяли свои кусочки и оставили рядом. Тут же показался муравей, дотронулся и убежал прочь.

— Дедушка, ему не понравился хлеб?

— Не переживай, внученька, это муравей-разведчик, он сейчас своих братишек позовет. Все заберут, ни крошки не оставят.

Они прошлись вдоль леса.

— Вот мы и на месте, — остановился дедушка.

Пашка сразу отправился на поиски. Он очень хотел найти самый большой камень.

Маринка осмотрела поле — такое огромное. То тут, то там пробивается трава. Правда, таких островков ещё совсем мало. Красиво! Но где искать камни — непонятно.

— Первый урожай, — дедушка поднял с земли светло-серый камень. Вся его поверхность усыпана множеством маленьких темных пятнышек — это небольшие дырочки.

Марина провела рукой:

— Какой гладкий! И теплый!

Дедушка аккуратно передал его девочке. Камень с трудом уместился в ладони.

— Тяжелый… Можно я себе оставлю?

— Конечно, внученька!

Дети активно включились в поиски. Тачка быстро заполнялась.

— Нашёл! — Паша с гордостью указал на камень с хороший арбуз.

Вскоре они отправились в обратный путь. Пашкин камень занимал почетное место в центре тачки.

Возле дома их уже ждала бабушка. Пашка тут же начал хвалиться:

— Бабушка, смотри, какой большой камень я нашел!

— А мой самый красивый! — Марина раскрыла ладошки и показала свою находку.

— Какие же вы молодцы, мои хорошие! — обняла бабушка внуков. — У нас будет самый красивый цветник.

Наталья
БОРИСОВА

Дебют

СПАСИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Семьдесят семь сантиметров

Семьдесят семь сантиметров счастья!
Доброе утро. Хмуришься сонно.
Снова в колготки? Это ты мастер.
На, поиграйся пока с телефоном.

Семьдесят семь сантиметров страха.
Что же не едут?! Градусник — сорок!
Полпузырька валерьянки махом.
Мой беззащитный, как же ты дорог.

Об авторе

Наталья Петровна Борисова родилась в 1984 году в Кировской области, всю сознательную жизнь провела в Брянске.

Окончила Брянскую государственную инженерно-техническую академию. Публиковалась в альманахе «Венецианская мозаика» (Брянск), сборниках «Первая любовь» (Самара), «Берега Дружбы» (Ростовская область).

Лауреат конкурса-фестиваля поэзии и поэтических переводов «Берега Дружбы» (Неклиновский район Ростовской области).

Семьдесят семь сантиметров будней.
Чёрт, пригорело. Снова в колготки?
Чувство — мешки разгружала как будто.
Чаю бы выпить... лучше бы водки.

Скрипнула дверь. «Вы еще не уснули?»
«Тихо, разбудишь», — смотрю с укоризной.
Вздох, и доверчиво в грудь мне уткнулись
Семьдесят семь сантиметров жизни.

* * *

Постороннее в сердце просится
Вдоль по стеночке, робкой поступью,
Зазеваешься — заколосится,
Прорастёт в душе буйной порослью.

Ну, куда тебя, горемычное,
Не печаль меня, обойди кругом,
Отыскать бы мне место личному,
Не резиновый мой сердечный дом.

Но опять впущу постороннее,
Буду плакать вслух о чужой беде,
И опять своё провороню я —
Утечёт навек по речной воде.

* * *

Мы с тобой встречались мимолётно,
Как ромашку, обрывая час,
И монументальные полотна
Написал художник не про нас.

Не про нас снимали сериалы,
Не для нас старался Мендельсон,
Мне тебя всё время было мало,
Но мелькал за окнами перрон,

Я привычно возвращалась к быту,
Чтоб спасаться в письмах от тоски.
Но теперь и это позабыто,
Как ромашки белой лепестки.

* * *

Проводи меня до двери
И привычно подай пальто,
И не надо, не говори:
Всё, что скажешь сейчас, — не то.

Я уже поняла сама
По губам и движеньям рук,
Что в наш город пришла зима,
Та, в которой ты — просто друг.

В новогодней бредя толпе,
Я увижу вас невзначай...
Только очень прошу: не пей
С ней из наших стаканов чай.

Новому году

Здравствуй, мой новый очередной.
Ты, как всегда, спонтанно.
Ну, заходи, посиди со мной,

Хочешь, построим планы?
Встретить товарища на коне.
Что там ещё по списку?
Сесть на диету и, наконец,
Сесть изучать английский.

Или посмотрим давай кино,
Старое, из Гайдая,
Станет метель завывать в окно,
Я заварю нам чая,

Будем, обнявшись, сидеть вдвоём
В центре многоэтажек.
Слушай, а может, давай споем
Или станцуем даже?

Что ж, заждались там другие, поди.
Тихо закрою двери.
Ты через год, если что, приходи.
Ждать я умею, веришь?

Дебют

Мария
ЕРМИШКИНА

ОТРЫВКИ ИЗ НАЙДЕННОГО ДНЕВНИКА

* * *

Смех. Едкий. Омерзительный, безумный смех резко пронзил мёртвую тишину, что густым туманом вот уже на протяжении нескольких дней обволакивала собой небольшое пространство пыльной, мрачной, хоть и окрашенной в яркий, разъедающий жёлтый цвет комнаты.

Хохот. Огненный. Разрушительный. Испепеляющий последние остатки голоса бывшей основной части его личности — части, заложенной в нём ещё с далёкого детства, обрывки воспоминаний из которого периодически прокручивались в его сознании некими видениями, наносящими ослепляющие удары, раз за разом, медленно, почти незаметно для него же стирающими его прежнее существо.

Цели, мечты, семья и друг, назойливо пытающийся вытянуть его из клетки, в которой он медленно гниёт в тоске и бессилии, отчаянно стараясь не превратиться в безвольного, неосознанного раба своей же теории. Всё это оставалось где-то там, в дальних уголках его разума, прежде чем вновь не обрушиться на него, вместе с полным осознанием

Об авторе

Мария Алексеевна Ермишкина родилась в Брянске 9 апреля 2002 года. Учится в 11 классе МАОУ «Гимназия № 1» Брянска.

своего положения и состояния. Боль, побуждающая забиться в приступе дикого смеха, разрывающего болезненно бледное, холодное тело изнутри. Страх, который прежде, казалось, навсегда растворился в этой умертвляющей апатии, теперь отозвался дрожью в тонких запястьях, через которые просвечивались яркие, синие дорожки вен.

Он впервые за долгое время чувствовал себя живым.

«Я ведь не старушонку убил, я себя убил».

* * *

Шаг. Один шаг отделял его от окончательного и полного погружения в океан бесчувствия. Движение и эта нелепая маска жизни наконец покинут его бренное, измученное тело. Маска. Всё это время он думал, что терзавшие его разум бесконтрольные всплески чувств — это проявление некой человечности. Жизни, состоящей из подобной, вполне естественной, оглушающей, чувственной реакции на всё. Боже, как же он заблуждался. Дурак, не осознававший, что это лишь роль, которую он в порыве примерил на себя, так и не сумев вовремя сорвать со своего сознания этот маскарадный, бессмысленный костюм. Наигранная импульсивность. Наигранные эмоции. Наигранная жизнь. Лишь мрак. Тёмный, манящий мрак был истинным воплощением его сущности. Мрак и лёгкая усмешка, что в эту же секунду озарила его бледное, исхудалое лицо.

Это всё, что он имел. Это всё, что у него осталось.

Впервые за долгое время его мысли представляли собой некую систему, сосредоточившись лишь на одном действии.

Впервые он так вдумчиво относился к действительности.

Шаг. Один лишь шаг. Всего лишь шаг.

* * *

Миг — и его настигает прикосновение болезненно бледной, властной над всеми, помимо собственного разума, ладони. Мерзкое. Холодное. Но до дрожи желанное. Мгновение. И его тело по инерции падает

на землю. Шаг. Ещё один. И вот уже виновник сего действа, окинув его мимолётным, презрительным, брезгливым взглядом, скрывается за поворотом. Петя один. Петя уже давно привык к тягучему умертвляющему одиночеству. Боль. Боль от этой до омерзения прекрасной эйфории заполняет до краёв его сознание. Оно потянуло в этом безумном союзе различных ощущений. Стыд. Стыд от осознания его жалкого положения просвечивается в кристальных, чуть покрасневших глазах и лёгкой усмешке, обращённой исключительно к самому себе.

Попался.

Все эмоции смешались в тугой комок, застрявший где-то между рёбрами, не давая набрать даже малейший, спасительный глоток свежего воздуха, который, вероятно, мог бы согнать устарелые, прогнившие, но прочно укрепившие власть над большинством его действий чувства. Но нет. Нет.

Движение — и вот капельки крови покатились уже по белоснежному рукаву рубашки, окрашивая его в свой порочный, яркий цвет.

Движение. И вот он, шатаясь и скрипя зубами, поднимается с дороги.

Впервые он не мог манипулировать сознанием другого человека, дёргая за импровизированные ниточки, состоящие из его желаний и сокровенных потребностей.

Впервые он пришёл к полному, оглушающему, сковывающему смирению.

Впервые за долгое время он готов был быть ведомым.

* * *

Чувства. Липкое, омерзительно-одурманивающее болото, медленно, а от того ещё более болезненно разрывающее его прежнюю личность.

Чувства поглощают. Чувства убивают. Чувства опустошают разум, в котором он довольно долго сохранял свою систему. Даже мимолётная эмоция, будь то спокойствие, раздражение или просто гнетущая скука были просчитаны вплоть до различных вариантов борьбы с ними.

Он не знал, что человек может попасть в клетку, состоящую из абсолютно противоречивых, несовместимых ощущений.

Он не знал, что они бывают в таком избытке.

Он не знал... Ничего не знал...

Ощущение полной пустоты охватило его сознание, устанавливая там некий порядок хаоса.

Новый. Неизведанный. Неизучаемый порядок.

Размышления отозвались дрожью, волной, прокатывавшейся по его телу, будоража кровь.

Эйфория страха. Эйфория собственной двуличности.

Ранее он пресекал молодых поэтов и прозаиков за излишнее увлечение самосознанием, твёрдо полагая, что подобное занятие ни к чему, помимо лёгкой апатии и, как следствие, к безделью не приводит.

Сейчас же он старательно погружается в свое существо, из последних сил пытаясь спасти свою давнюю роль убеждённого нигилиста, верного абсолютно каждому из своих принципов.

Старается из раза в раз, словно полюбившуюся молитву, еле слышно шепча себе под нос единственную фразу: «Любовь – непростительная дурь, белиберда, химическая реакция».

Старается не вслушиваться в мягкую, завлекающую речь, периодически проскальзывающую в его голове и твердящую о том, что его попытки бесполезны и бессмысленны. Как и вся суть его бывшего видения мира.

Он не знал. Ничего не знал.

* * *

Месть. Невыносимая, ослепляющая, подчиняющая себя всё его существо жажда. Жажда почувствовать мелкие красные капли, стекающие по его ладоням, оглушая, заполняя его разум совокупностью новых, доселе неизведанных ощущений. Побуждающая его стоять в доме, на ярком, омерзительно ярком и фальшивом, как и разум всех гостей, старательно державших на своем сознании маску интеллигенции, благородство и обширность знаний об окружающем мире, человека, в один миг стёршего его личность, оставив вместо неё лишь

бесформенный комок страданий, вскоре образовавших бледную тень его прежней сущности. Одержимую. Тёмную, мрачную, безликую.

Непознаваемую тень.

Он забрал всё. Украл с помощью нескольких умело, будто заранее подобранных резких фраз.

Веру. В людей, в себя, в привязанность и идолов.

«...а вдруг и в этот раз Всаднику понадобится воскресший? Вот поэтому я привёз сюда господина Гоголя».

Надежду. Маленький лучик, что не переставая сиял в его сознании им же и сотворённым фонариком, ранее побуждавший творить и чувствовать, порой вопреки низкому сердитому, угнетающего голосу, порождённому его разумом.

«Ну, тогда боюсь, что с Вашим возлюбленным молодым писателем может произойти что-нибудь очень нехорошее. Он может утонуть или сгореть... Тут уж, знаете, как мне больше понравится».

Мораль.

«Юности свойственно безрассудство».

Рамки, ограничивающие ранее разум, заменились тихой яростью, всё более пробивавшую свои росточки через купол саморазрушения. Гниения в тоске и апатии.

Ненависть. Он заражён ей. Он верит ей.

Теперь он вправе решать, как ему понравится.

* * *

Желание. Болезненное, яростное, несокрушимое желание собственного дикого, правильного наслаждения, составлявшего основную, единственную часть его личности, периодически смешиваясь с ненавистью к определённому кругу людей, на миг будто растворилось. Исчезло. Испарилось из его сознания, заменяясь малознакомым, неизученным в более зрелом возрасте, хоть и остававшимся неизменным в своей сущности ощущением.

Тоска. Тонкая, но длинная нить будто связала его воспоминания, заставляя пересматривать некие определённые отрывки, более похожие на

выдернутые куски из полноценной картины происходящего ранее, постоянно вызывавшие лишь чувство злобы, в общественном её понимании.

Но не сейчас. Не сейчас.

Слёзы. Долгое время он боролся с ними, ломая себя, дабы просто не показаться слабым, чувственным уродом в глазах своего определённого окружения, позже вообще перестав испытывать что-то, помимо жажды садизма и яркой неприязни.

Но сейчас. Сейчас он не мог побороть этот внезапный порыв бессилия.

Он плакал беззвучно, сидя с открытыми мертвыми глазами, и медленно, а оттого ещё более болезненно тонул в собственном прошлом.

Всё не так. Не так как раньше.

* * *

Он был ярок. Безмерно, всеобъемлюще ярок. Его малая и с виду незаметная энергия при должных, им же испытываемых отблесках ощущений могла сжечь до угля, рассыпающегося от каждого мимолётного прикосновения его ладони, становясь лишь чёрной пылью в его свете, каждого, кто хоть на миг попадёт в его безудержное, нещадное пламя.

Он был лёгок. Нежно, успокаивающе лёгок. Белый, чистый, невинный цветок, что раскрывается от лёгкой улыбки или незаметного касания. Голодный до чувств и ими же творящий, даря своими произведениями надежду. Бесстрашно вытягивающий ими из густого, тёмного мерзкого болота мрака многих, кто уже успел потонуть в этой страдальческой меланхолии.

Он был тёмен. Безжалостно. Ужасающе тёмен. Он способен был одним своим взглядом, выражающим исключительно презрение нанести умертвляющий. Сокрушительный. Болезненно-гнетущий. Непоправимый удар любому, кто опустится до разочарования в его сознании.

Он был тосклив. Он был печален. Он был радостен, порой даже до дикого визга, разносящегося по его уютному дому.

Он был хаотичен.

Он жил. Жил, не стесняясь собственных эмоций.

* * *

Самостоятельность. Качество, составляющее основу её личности, несущее за собой и другие, более строгие рамки, чётко ограничивающие её мировоззрение. Точность. Резкость и полная, осознанная уверенность в собственных действиях.

Она верна себе. Она верна своей сущности.

Лишь в некоторых моментах эмоции берут вверх над проверенным годами самоконтролем, составляющим её разум.

Когда окружающая действительность волной прорывает плотину её личности, ставя под сомнения возможности её устоявшегося сознания.

Чувства. Чувства, закрывающие дыру, через которую она может лицезреть собственную слабость. Они ослепляют. Они отвлекают от убивающего осознания болезненного бессилия.

И она принимает их. Принимает подобную помощь. Она не может разрушить сотворённый своей же рукой образ о себе.

* * *

Океан. Бушующий, бездонный, бескрайний, не затихающий ни на секунду океан различных, заражающих своей тихой энергией любого, кто хоть на миг осмелится шагнуть в него, ощущений, смешанных с невероятным, оглушительным, разрушающим и творящим зовом к новому искусству и эстетике.

Вот, что я увидел в его глазах.

Проза

Людмила АШЕКО

Была милой

— Людмила!

Он любил моё полное имя. Когда был не очень доволен (редко), называл Людой, когда иронизировал, говорил Люся. А слово «Людмила» смаковал, перекатывал, как конфетку во рту, ласкал всякими

Об авторе

Людмила Станиславовна Ашеко родилась 1 марта 1945 года в Свердловской области, живёт в Брянске. Автор шести поэтических книг, трёх книг и двухтомника прозы, книги для детей, соавтор четырёх коллективных сборников стихов, прозы, драматургии. Печаталась в периодической печати, в том числе: в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Экономическая и философская газета» (Москва), в журналах «Днипро» (Чернигов), «Немига» (Минск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Наш современник», «Российский колокол», «На славянском поле» (Гомель, Республика Беларусь), в альманахах Брянска.

Член Союза писателей России, Международного союза писателей и мастеров искусств, Союза писателей Союзного государства.

Лауреат Всероссийской премии имени Ф. И. Тютчева «Русский путь» (2007), литературных премий: имени А. К. Толстого «Серебряная лира» (2017), Н. А. Мельникова (2019). Н. И. Рыленкова (2004), Лауреат Всероссийских литературных конкурсов имени В. И. Белова «Всё впереди» (2008), имени В. М. Шукшина «Светлые души» (2012), Всероссийского литературно-публицистического конкурса «Спасибо тебе, солдат!» (2006), «Славянская лира» (Полоцк, Республика Беларусь, 2014), имени К. М. Симонова (Могилёв, Республика Беларусь, 2019).

Руководила секцией прозы Брянского областного литературного объединения 10 лет. Награждена Грамотой Союза писателей России, Благодарственным письмом Министерства культуры, медалями в честь 200-летия Тютчева, 100-летия Шолохова, «75-летия со дня освобождения Брянской области» и другими.

уменьшительными, нет, скорее удлинёнными формами: Людмилушка, Людмилочка, Людмилка... Теперь некому меня так называть, и моё полное имя стало для меня более жёстким, официальным. Теперь уже редко слышу его и без отчества — время пришло. А так... обыденное «Люда»: сестрица Людочка, тётя Люда, соседка...

Приехала в гости к дочери на пару месяцев. Зима в разгаре. Снегом завален полюбившийся мне городок, мороз трещит по ночам, да и днём не даёт соскучиться. Вдруг резко меняется погода: солнце, туман, капели, неожиданно — холодный ветер, крупчатая метель... Снова мороз, снегопад... Я каждый день гуляю — зиму люблю, даже наслаждаюсь её перепадами! Но зима, как и всё на свете, кончается. Завтра первый день весны, и тут меня застал мой день рождения. Мало мы, пережившие сроки пенсии, радуемся новому дню рождения. Чему радоваться? Но я, если не радуюсь, всё-таки благодарю Бога, судьбу за то, что вот прожила ещё год, многое увидела, узнала, кое-что сделала... А иные... «Иных уж нет...», как сказал поэт в своём, совсем для меня теперь юном, возрасте! Сижу тут, за океаном, и думаю: «Да... дети как-то поздравят, подруга любимая (она здесь тоже в гостях у своей дочки), позвонит, даже непременно подарок вручит, она такая... А Родина будет молчать: звонить сюда дорого, интернета у меня нет (дочка его в смартфоне с собой носит), я тоже не стану никого беспокоить своими намёками... Грустновато. Да ну его! Подумаешь, важность какая! Пройдёт этот день, мелькнёт, будет ещё шажок к моему отъезду, слитый из грусти и некоторого нетерпения заняться привычными делами на родине. Сгусток чувств из горько-сладкого, нет, скорее, горько-солёного... Я солёное люблю, и без горького скучно... Жизнь, она вся такая.

Уснуть почему-то никак не удавалось: воспоминания наплывали из далёкого детства, потом школьные события, кружки, студии Дворца пионеров, первые публикации, юность, молодость... Крутится кино, вьётся лента событий, и везде люди, люди... Иных уж нет. И всплакнулось, и самые дорогие лица засветились во тьме комнаты...

Утром встаём рано: детям надо заниматься привычными делами: учёбой, работой. Я тоже работаю. Слава Богу, есть компьютер, кто-то посылает эту жажду писать. Не скучно. Много гуляю по городку, встре-

чаю своих русскоязычных знакомых, которые любят поболтать во время прогулки на воздухе... А сегодня первой меня поздравила дочь, так прекрасны полные любви глаза, горячие поцелуи трогают до слёз.

— Мама, не вздумай плакать! Вот такой подарок для тебя!

Она достаёт небольшой предмет — на картонном стенде с золотым теснением букв — тонкая золотая цепочка с кулоном-сердечком.

— Какая нежная вещь! — восклицаю, — спасибо, дорогая!

— Это к твоим серёжкам-сердечкам для комплекта.

Снова поцелуи, а в глазах всё-таки слёзы: а не в последний ли раз? Она убегает на работу, а я — к зеркалу! Кулон на мне, она его застегнула сама. Нравится мне, нравится! Знает ребёнок мой вкус! Тут внучка входит в мою комнату с красиво упакованным горшочком. Там в сиренево-фиолетовой обёртке — гиацинт. Это любимый цветок! Когда мы с мужем отправились в свадебное путешествие в Одессу, где прошли его студенческие годы, там в декабре на всех углах продавались эти душистые, хрупкие, гранёные цветы, он покупал их для меня, разные: белые, розовые, фиолетовые! Сегодняшний цветок был сиреневым — моего любимого цвета. Аромат опережал его появление. Внучка (слава Богу, знает русский), поздравила меня, ещё подарила мой любимый молочный шоколад в виде конфеток. Снова слёзы в моих глазах. Ну, как не растрогаться?

Звонок от дочери: «Мама, я договорилась с Маргаритой (это моя подруга из Минска), в пять идём в ресторан, собирайся, с нами будут и молодые». Это внучка с её, как тут говорят, бойфрендом. Ого, целая компания!

Надо принарядиться, надеваю украшения: новый кулон и ожерелье из натуральных камней, подаренное Ритой. Не много ли? Но хочется, чтобы мои приятельницы порадовались со мной — угодили моему вкусу. Подруга вручила мне свой подарок по поводу приезда, а готовит ещё что-то. Сегодня день утром был облачный, тусклый, но за слоистыми облаками томился солнечный свет. А после обеда выглянуло пусть неяркое, но ласковое солнце. Загадала на погоду: какой день, такой и год. Хорошо бы так! Молодые приедут сами, а мы подъезжаем к дому Ритиной дочки Кати. Я полюбила этих людей, всегда им — рада.

Ну конечно, Рита садится в машину с большим, красочным пакетом! Я сразу догадалась, что там сковородка. Мы как-то гуляли по супермаркету, я остановилась возле отдела посуды, засмотрелась на этот вожделенный предмет: всё, как в мечте — антипригарная, небольшая, с красивой ненагреваемой ручкой!

— Сковородку хочешь? Я тебе подарю. Хоть подсмотрела, чего тебе надо.

Она тут же её купила и спрятала: дарить заранее — плохая примета.

Но в пакете ещё что-то, довольно объёмное. Любопытно! Надо потерпеть. Мы фотографируемся в красивом уголке двора. Большое ресторанное окно, как витрина, демонстрирует красоты богатого стола, на этом фоне чугунные витые скамейки, искусственные пальмы в горшках... Дочь нас оставила попозировать, пошла внутрь ресторана, занять столик. Он оказался в уютном месте, отгороженном стеллажом с коллекционной посудой, круглый, в отличие от остальных, и на шесть персон. Подошла и молодая парочка — внучка с другом. Заказ принял молодой очень курчавый, как в пышной шапке, чернокожий красавец. Улыбка, возможно профессиональная, в ожидании чаевых, но такая тёплая! Суп или салат — общее блюдо по выбору, не требуют доплаты к основному заказу. Сначала дочь заказала вино и закуску: обжаренные кусочки кальмара с двумя разными соусами, палочки белого хлеба (хлеб тоже вне заказа — ешь, сколько хочешь или не бери вовсе), а потом... Ресторан итальянский (особенно «похож» на итальянца наш официант!), поэтому мы все заказываем пасту (макаронные изделия) с разными сортами мяса или рыбы. Салат принесён в огромной фаянсовой миске, к нему два соуса... Вот уж вкусно! По бокалу вина — нам, молодым — газировка. Тосты все от души, я растрогана снова, но в этом и смысл застолья. Главное, искренно говорят, и, верится, без сомнения. Свои — вот самая важная суть общения!

Ах, какой момент! Рита достаёт из пакета сковородку, а за ней большую пластмассовую коробку, открывает её... Моя подруга — мастерица: изготавливает из бус и камней ожерелья. Здесь целая коллекция! Набор комплектов с серьгами и браслетами. И куда мне столько?

— Надо тебе короля в мужья, чтобы выводил в свет в разных нарядах с украшениями! — шутят мои гостьи.

— Какой король?! — Смешно мне. Я не в королевах жила, была Музой, но мой дорогой художник... Вздыхаю тяжко: иных уж нет...

Звучит музыка, тихая, деликатная, не мешает поговорить. И говорим, вспоминаем, планируем что-то на будущее. Ох, судьба! Не обмани!

Ну, всё. Пообщались, поужинали, сделали фотографии в зале. Обслуживающий нас красавчик принёс коробки, и мы сложили в них всё, что оставалось на столе. Здесь это не стыдно, так принято. И вдруг, когда уже стали подниматься для ухода из зала, идёт целая команда молодёжи в форменной одежде — официанты, большинство — девушки, из всего зала, впереди наш кудрявый юноша с тарелкой, а на ней небольшой, но аппетитный кусочек торта (кейка — по-ихнему) с маленькой горящей свечкой — гостинец за счёт заведения. Дочь что-то шепнула в ответ на вопрос официанта, и вся эта группа, и мои гости хором поют «Хэппи бёрзд дей ту ю» трижды, а в конце — «дарлинг Мила, хэппи бёрзд дэй ту ю!» Моё имя американцам запомнить нелегко — для них оно экзотическое. Но известная актриса Мила Йовович (по происхождению русская) приучила их к такой форме сокращения — Мила. Я смотрела на поющих, глаза их светились доброжелательностью, это не выглядело дежурным ритуалом. А впрочем... если это и профессионализм — всё равно дело хорошее! Конечно, поющие американцы не могли знать, что Мила созвучно слову милая, А мне было радостно, празднично, приятно!.. Не забыть этот вечер: я была Милой!

Два человека

Из детства помнятся отдельные события, почему-то застрявшие в памяти и всплывающие неожиданно яркими, живыми картинами.

Двор нашего «институтского» дома был местом общения жильцов друг с другом и пришельцев по делам или без дела, просто повидаться с кем-то из девяти казённых квартир. Разве забудешь дом детства? Он встаёт перед глазами сразу, словно нажата невидимая

кнопка памяти: весь излазанный, исследованный до трещинок в досках, родной до желания прижаться к тёплой шершавой стене, обитой посеревшей от времени вагонкой с облупившейся, изначально зелёной, краской. Дом, когда-то бывший купеческой лавкой на первом этаже и квартирой семьи купца на втором, несколько перестроенный году этак в пятидесятом прошлого века: снесена крутейшая, с небольшим наклоном вперёд, словно стоящая старым воякой, лестница на второй этаж, надстроена над крытым крыльцом веранда, перекрыты стенами бывшие подсобки на первом, хозяйственном этаже, сделан ремонт, превративший их в квартиры. Конечно, проведён всюду водопровод, а потом и газ! Но туалет стоял деревянным позорищем в конце двора, притулившись к помойке с дощатой откидной крышкой, и вместе с ней изливал ароматы хлорки и... Да, ничего! Город приходил в себя после войны, радость жизни, мира в стране реяла над всеми неудобствами быта. К тому же двор наш был устлан пышным курчавым ковром из муравы, на которой летом загорали жильцы, подстелив одеяльца. Росло несколько деревьев, невзрачных американских клёнов, один из которых сгибался дугой над скамейкой у забора. Всё это казалось таким красивым, уютным, своим!

Институтским наш дом назывался не зря: в его квартирах жили семьи работников лесохозяйственного института всяких рангов: профессора, доценты, завхоз, дворничиха, две уборщицы, сторож... И, несмотря на малое время, прошедшее после окончания войны, двор был полон детей, белоголовых, подвижных, загорелых...

Мои первые соседи были мне близки, как родня по родителям. С дядями, тётями, двоюродными братьями и сёстрами я знакомилась в поездках в гости: то на Украину к бабушке — папиной маме, то в Белоруссию — к родителям мамы. Было такое чувство, что все люди, даже незнакомые, всё равно не чужие. Я любила разглядывать всякого нового человека, слушать голос и вникать в разговоры. Сколько же разных встреч и знакомств было в жизни! Но два человека запомнились мне навсегда, несмотря на то, что меня с ними как бы ничего не связывало в моём четырёх-пятилетнем возрасте. А вот помню...

Бабушка Варвара Захаровна (Вара Захара) приходила в наш двор раз пять за период с конца июня по октябрь. Она всегда была одета в длинное тёмное платье, нет, не чёрное, а какое-то серо-синее, такой же неопределённого цвета тёмный платочек, повязанный плотно на маленькой, похожей на птичью, голове. Она присаживалась на лавку под большим клёном и сидела в ожидании, что кто-то выйдет. Никогда никак не давала о себе знать, просто сидела и ждала. Вот кто-то выглянул в окно — это дядя Афоня с первого этажа — институтский сторож, муж уборщицы Пани. Слышу его звонкий тенор: «Вона, бабка пришла. На лавке сидить». Паня стучит палкой в наш потолок на кухне: «Зина! Бабка пришла!» Моя мама негромко поправляет с укоризной: «Паня, Паня! Не бабка, а бабушка. Ты же знаешь, её Варварой Захаровной зовут». Это уже Паня слышит — стоит в конце лестницы, по которой спускается мама. Паня посмеивается:

— На кой мне она сдалась! Это ты её привечаешь, ты привадила. Мне её сено не надобно, его и Маруська не ест!

Маруська — Панина коза — сыта отходами всякой зелени от соседей: капустными листьями, морковкой, очистками. Все несут корм и складывают в старую «выварку» — бак для кипячения белья с дыркой в днище, поставленный Паней в общем коридоре. Соседи ценят и уважают Маруську — козьим молоком лечат кашель, желудочные боли, да, впрочем, всё что ни попадя, а жена доцента Шацкого — кокетка немыслимая — мажет своё веснушчатое лицо козьей простоквашей.

Мама моя из простой семьи: её отец, мой любимый дедушка Николай Иванович, крестьянин, по ходу жизни (Минск, разрастаясь, поглотил окраинные хутора) начал на городской окраине находить всякую приработку, стал разнорабочим. Он умел, казалось, всё и по строительству дорог, и по ремонту зданий, и, главное, по огородничеству и садоводству. Бабушка обрабатывала огромный огород и рожала одного за другим ребёнка четырнадцать раз! И моя мама, последышек, окончила до войны всего восемь классов, в эвакуации вышла замуж за моего папу, студента лесохозяйственного института. Потом папа работал там преподавателем, писал диссертацию... Я сама слышала, как наша соседка, жена профессора почвоведа говорила другой соседке:

— Зина, хотя из простых, а какая воспитанная! Лучше всех профессорских жён умеет себя вести и разговаривает интеллигентно. Вкус у неё хороший — сама одета, как куколка, и девочка тоже — такая молодая мама, а рукодельница.

И вот моя прекрасная мама выходит во двор, вежливо здоровается с бабушкой Варей (так детям велено звать старушку), присаживается рядом на скамейку. Тут и начинается для меня самое интересное: разговор.

— Здравствуйте, Зиночка, хорошая моя! Как поживаете? Здоровы ли?

— Всё слава Богу, Варвара Захаровна. Вы-то как?

— Ох, я что... скриплю понемногу. Вы же знаете, все мои думки о Верочке. Такая она у меня чудная девочка! Не нарадуюсь на неё, сиротку беззащитную! За что мне Бог такое счастье послал? Я кто? Я — назём, глина подножная. Ничего в жизни такого не сделала, чтоб такую внученьку иметь. Умница она, отличница в школе, по дому всё умеет — помощница моя славная. Ради неё живу, все свои болячки терплю.

— Варвара Захаровна, извините, а сколько вам лет? Я всё стесняюсь спросить...

— Что ж стесняться-то? Мои года все на мне написаны — шестьдесят два мне.

Я, услышав это, даже испугалась: разве столько можно жить? Маме двадцать пять, папе двадцать девять, так они какие взрослые! И соседям — никому столько нет. Даже самому старому завхозу Клюквину и то сорок. «Это хорошо, — думаю — значит, моим маме с папой ещё долго можно прожить! Неужели мама будет такой старушкой?» — заныло в душе.

— Так вы, Варвара Захаровна, совсем ещё не старая! Моей мамочке шестьдесят три, папе шестьдесят пять. Они такие труженики: огород в двадцать соток обрабатывают вдвоём!

— Вот людям счастье! Свой огород! Свой дом. Было бы у меня хоть три соточки, я бы не разгибалась с утра до вечера. Всё отобрали. Хатка моя такая завалюшка! Пол провален, крыша течёт, печка дымит. Каждый год зимы боимся: дрова — самое главное, самое дорогое. С весны

до зимы копейки на них собираю. — Она наклоняется к маминому уху, шепчет, но я всё слышу. — Я, Зиночка, всякую палку ворую, домой несу, вот грех какой!

— Это не грех — палка-то валяется, никому не нужна. Я всё думаю, как страшно, что ваша Верочка так внезапно осиротела! Понятно, отец пришёл с войны израненный, всего год прожил. Но невестка ваша! Какое горе: в лесу на снаряде подорвалась!

— Ой, горе, Зиночка, горе горькое! Думала — не переживу. Ребёнку-то всего десять лет — ро́стить и ро́стить! А вот пяток годков и прожили кое-как. Она всё понимает, умница! В лес за земляникой со мной поедет, ягодки в рот не положит, всё на продажу, всё на хлебушек и дрова... Потом черника, малинка, а прежде щавель, дикий чесночок, цветики находит прекрасные, липовый цвет, всякие травки знает... Грибы — это вообще богатство наше! Опять же веники для бани, для домашних полов — так лето нас и кормит. У меня ведь пенсия колхозная, потом я всё в няньках была, по людям кочевала... Вся пенсия десять рублей. Проживи сама, а тут ребёнок. Её пособие только на хлеб годится. Спасибо, люди помогают: покупают наши сборы лесные. Одна у меня мечта: выучить Верочку, дать ей специальность для жизни. Вот собираю её в техникум, она замечательно математику знает, на бухгалтера пойдёт поступать. Хотя бы приняли!

— Примут, Варвара Захаровна! Как сироту не принять? Отличницу?

— Так и я надеюсь. Да сирот-то после войны сколько!..

— Я с мужем поговорю, у него много знакомых преподавателей, он словечко замолвит за Верочку. Напишите на бумажке её фамилию, дату рождения, сколько классов она окончила, её сиротское положение.

— Спасибо вам, Зиночка дорогая! Бог вас мне послал! Помогите сироте, и вас Бог не оставит! А я вам гостинцы свои принесла, вот, эта травка горлышко лечит, эта...

Дальше шла наука травоведения, я не запоминала её, а разглядывала бабушку и всё вокруг. Старушка была хрупкая, сутулая, руки у неё были тонкие в запястьях, но с крупными кистями, перемотанными синими жилами, ногти крупные, плоские, с тёмным бордю-

ром. Некрасивые руки, но такие ловкие, так быстро находящие нужные растения в дерматиновой чёрной облупленной сумке. В результате мама приносила домой неизменные два веника: берёзовый для папы, ходить в парилку, и, похожий на пышный букет, половой веник, который надо было запарить в тазу, чтоб не осыпались семена с веток. Пахучие травки укладывались в картонные коробки из-под лекарств, ягоды из газетных кульков пересыпались в эмалированную миску. А Варвара Захаровна, отведав маминого супа, получив кусок хлеба, булку, пару конфеток для Верочки, снимала с головы платок, показав, что у неё тёмные, гладкие волосы, делавшие её совсем не старой, заворачивала и завязывала в уголок платка полученные деньги за товар, кланялась стенам, маме и уходила, как ускользала в неведомый мне свой мир.

Я выходила во двор, смотрела на наш большой клён, на лавку, покинутую бабушкой Варей и всегда думала об одном и том же: «Как это быть сиротой? Как можно жить без мамы и папы? Это же страшно!..» По веткам клёна прыгали птицы — воробьи, иногда галки, иногда какие-то ещё незнакомые, а осенью — мои любимые синички, которым я выносила кусочки сала на ниточках, и папа их развешивал, как ёлочные игрушки. Правда, сала много не выдавалось — ценный продукт.

Потом Варвара Захаровна вдруг перестала приходить. Вот уже клёны во дворе сбросили листья, холодный ветер пригнал тучи, зарядили долгие осенние дожди. Вот и зима пошла: прилегла на выцветшую мураву первым снегом, отлежалась, да как взъярится, как закружится метелью! Сугробы во дворе в два моих роста вдоль тропинки в туалет — дворник тётя Ксеня тропку прокопала в ширину деревянной лопаты. Мама часто вздыхала, вспоминала бабушку Варю, беспокоилась о ней. Записка с данными о внучке Верочке лежала на папином столе под толстым зеленоватым стеклом, ждала лета — поры вступительных экзаменов. А в конце весны во двор девочка пришла. Большая девочка, скорее, девушка. Такая хрупкая, тоненькая, с вьющимися по сторонам лица тёмными волосами, заплетёнными в две толстые косы. Красивая девушка с большими, тёплыми, карими глазами.

Она присела на скамейку под клёном точь-в-точь на бабушкино место и стала ждать. Я гуляла во дворе, бросила своих кукол и побежала к маме, а мама уже спускалась по лестнице, взволнованная, с испугом в глазах. Я, конечно, вернулась и, прислонившись спиной к дереву, приготовилась слушать.

— Здравствуйте, девушка. Вы не Верочка ли? — голос у мамы немного дрожит.

— Да, здравствуйте, я — Вера. Я поняла, вы — Зинаида...

— Николаевна, — подсказала мама. — Ну, что? Где Варвара Захаровна?

— Она... бабушка... — тут слёзы хлынули из карих глаз, дыхание прервалось, словно она водой захлебнулась. Я никогда ни у кого за всю свою последующую жизнь таких слёз не видела!

Мама тоже заплакала, ну, и я тихонько заскулила. Мне вдруг стало всё понятно, хотя, что я тогда знала о смерти?

Мама утешала Верочку, убеждала продолжать учёбу, уверила, что папа поговорит о девочке со знакомыми преподавателями техникума. Так всё и было, я узнавала об этом из разговоров родителей, соседей... В начале осени Верочка пришла с большим букетом астр, у них под окнами росли кустики, принесла сушёных грибов, горячо благодарила маму и папу, рассказала об экзаменах и о том, что переселяется в общежитие, где (о, радость!) есть газ на общей кухне, душ и туалет на этаже! Советовалась насчёт дома-развалюхи, и папа советовал сохранять все документы, в надежде на снос. Больше она не приходила.

Я встретила её в троллейбусе, только появившемся в нашем городе, лет через пятнадцать. Она пополнела, но я сразу узнала её тёплые карие глаза, особенный, внимательный и добрый взгляд.

— Здравствуйте, вы Вера!

— Да, — удивления она не скрывала. И правда, разве можно узнать в двадцатилетней девушке пятилетнего ребёнка, которого и видела всего один раз?

Я напомнила ей о нашем дворе, своих родителях, о себе. Она обрадовалась, но сказала, что выходит на следующей остановке, успела

только передать приветы и немного о себе: работает в бухгалтерии завода полупроводников, дом снесли, получила двухкомнатную квартиру в этом районе, замужем, двое деток — мальчики. И всё.

Мама была очень рада весточке. Сказала: «Какая была замечательная бабушка у Веры! Такую чудесную девочку вырастила! Не зря человек прожил!» Я тогда впервые подумала о бабушке Варваре не просто как о знакомой старушке, а как о человеке. Человеке вообще — с целью в жизни, с силой характера, с умением трудиться, выживать в тяжелейших условиях и принести жизни пользу своими усилиями.

Ещё один человек запомнился навсегда, так и стоит перед глазами.

Папа работал в институте, вёл группу дипломников. Слышала его разговор с мамой.

— Ты понимаешь, Зиночка, городские студенты умные, знающие ребята, но они теоретики. На практике еле справляются с заданиями. А ещё... в группе сплошные девчата, только два парня: осетин, уедет на родину, а второй... Ох, вот за кого душа болит! Он сын лесничего, жил всё время в лесу, в школу ходил за четыре километра не каждый день: снег навалит, дожди раскиселят дорогу — не пройти бывало... Не учёба, а мучение. Но он старательный такой, Ваня Медведев — фамилия и та лесная. В институт я его втащил, понимал, что из него как раз и получится лесничий. Учился, сама знаешь, еле тянул. Зато на практике — первый, лучший! В лесу, как дома, все растения знает, ориентируется смело, точно. А вот диплом... Тут мы с ним засели! Я не только написал, а ещё и выучить заставил, всякие вопросы проштудировали. Переживаю за него, как за сына.

Я даже заревновала: какой ещё Ваня папе, как сын? Потом увидела его — приходил к нам с папкой, толстой, как книжка, сидели за столом до ночи... Ваня этот был худенький, маленький, курносый, с рыжинками по всему лицу. Совсем некрасивый, только глаза голубые, блестящие, яркие.

Вот пришёл папа, усталый, голодный... Поужинал, а всё молчит. Мама не вытерпела: «Ну, что там с дипломниками?» В этот день была защита. Папа вдруг засмеялся, заливисто, молодо:

— Защитились! Все мои защитились. И Ваня!

— Ой, хорошо! И Ваня! — мама тоже смеётся и в ладоши захлопала.

— Теперь распределение предстоит. Я хлопочу, чтобы Иван на место отца заступил. Теперь молодые кадры подоспели после войны, тех, кто без образования, сдвигают с ответственных должностей. Отец Вани вынужден уйти, будет сторожем на участке. А участок хороший, всё-таки не такая уж глухомань, и досмотрен лесничим честно.

Потом я прознала, что всё получилось, как надо, и мне отчего-то стало так радостно, как будто это у моего брата всё так удачно сложилось!

Я зимой переболела коклюшем. Сильно болела, опасно. Доктор Людмила Львовна не проходила мимо нашего дома, когда шла по вызовам на дом. Всегда заходила без приглашения, мыла руки и осматривала меня, прослушивала — была угроза осложнения на лёгкие. Каждый день мама вывешивала к рукомойнику чистое, накрахмаленное полотенце. Помню не только все эти события, но и сотрясающие всё моё хлипкое детское тельце приступы изматывающего кашля, помню свои ноги в валенках, топочущие по вязанному мамой из старых чулок кругу, помню цвет полосок на нём...

Уже лето перешло через вершинку свою, покатилось с горки. Мама вышла к соседке, а в дверь постучали. Вот было время! Ничего никто не боялся. Я по-взрослому, солидно так спрашиваю:

— Кто там?

— А... Станислав Петрович тут живут?

— Да. Только мама скоро придёт, я не могу открыть.

Дверь, по велению мамы я закрыла на большой железный крючок, который, дёрни, как следует, вырвался бы из доски.

— Я тута подожду, — послышалось из-за двери.

Через десяток минут слышу за дверью, как здоровается гость с мамой. У мамы голос звонкий, девичий, у гостя нежный тенорок, кажется он молодой, совсем мальчишка. Дверь мне мама приказала открыть, и вошёл с нею маленький, худенький старичок с желтоватой бородой по грудь, с лысиной, обрамлённой рыжим венчиком волос,

с загорелым, румяным лицом, которое озарялось голубыми-преголубыми глазами. Одет старик был странно, я видела такого на картинке в русских сказках: серые в мелкую полоску грубые портки, заправленные в обмотки, обут он в лапти! Его длинный пиджак был похож на женскую кофту, в вырезе которой виднелась хлопковая желтовато-серая рубаха. В правой руке гость держал средней величины плетёную корзинку, в левой — букет каких-то невзрачных листьев. Он заметно хромал.

— Проходите, пожалуйста, садитесь. — Мама придвинула ему табурет. — Попить вам налить? У меня есть квас.

— Ох, спасибо, добрая хозяюшка! Кваску бы я испил.

Он пил жадно, кадык на его тощей шее двигался вверх-вниз. Отдышавшись, передав маме кружку, покивал головой, мол, спасибо. Потом откашлялся немного. Видно было, что он робеет, весь какой-то окаменелый.

— Я, этого, буду отец Вани Медведева, Ивана, то есть. Он учится у вашего... э, Станислава Петровича. Так ли?

— Да, всё правильно. Я знаю вашего Ваню, хороший студент, — мама так мило улыбается, что дедушка на глазах оттаивает, — не стесняйтесь. Как ваше имя, отчество?

— Егор Макеевич мы, — смутился он, потёр грубые свои руки. — Я, этого, благодарить приехал вашего... э, Станислава Петровича. Тут вот в кошёлке наше всё свойское: масло коровье, молоко, медку баночка, сухие грибки, рыбка сушёная, сам ловил... Земляничное варенье, шиповник... А это — травы целебные, — протянул он маме сухой букетик.

Мама смотрела в корзинку, глаза её как-то забегали, замигали:

— Погодите, Егор Макеевич! Ничего не выкладывайте! Я травку возьму, а это всё нет. Не могу.

— Да чего ж это? Своё же всё, лесное! Дитёнку вашему полезное. Ваня говорил, сильно болела дочечка, ей и надо...

— Нет-нет, нельзя. За такую корзиночку мужу могут быть большие неприятности. Это же, — мама, широко раскрыв глаза, прошелестела трагическим шёпотом, — это взятка!

— Да что вы! Взятка — деньги! Тут же гостинцы для ребёнка! Мне и корзинку забирать не надо, ещё наплету. Оставлю тут и пойду себе. Кто что видал?

— Нет-нет! Никак не могу взять. Извините, я понимаю, это от доброй души, но не могу. Нет.

Такой твёрдости я у мамы раньше не видела. Тогда, не понимая, я почувствовала, что нравственный человек не станет поступаться моральными принципами ни за что! Гость наш допил квас, отказавшись от добавки, тяжело вздохнул.

— Вот, дожил я до сорока лет, а самого дорогого человека и поблагодарить не могу! И кто я есть? Мелочь человеческая.

Мама ойкнула, не сдержалась:

— Вам сорок лет? Всего?

— А что, старо выгляжу? Сыну двадцать два, он у меня первенец. Ещё два парня растут. Работаю, как вол упряжный! Надо детей в жизнь выводить, если сам не вышел. Эх, хозяюшка! Если бы не война!.. Однако живой вернулся, хоть и хромой.

Он помолчал, поднялся и поклонился маме в пояс, и вдруг руку ей поцеловал. Мама покраснела, смутилась, а Егор Макеевич и мне, поклонившись, сказал: «Спасибо, до свиданьица», тихо выскальзывая за дверь.

Мама почему-то заплакала, присела рядом со мной на табуретку, меня она посадила на колени, прижала мою голову к груди. Я замерла, а потом, почему-то шёпотом, спросила:

— Мамочка, почему ты плачешь? Дедушка же не плохой?

— Конечно! Конечно, не плохой! Наоборот, очень хороший. Я потому и плачу, что не всякий хороший человек может жить, как заслужил. Видишь, доча, как отец для своих детей старается, как любит их и помогает в жизни!

Вечером папа пришёл какой-то хмурый, неразговорчивый. Он не подкинул меня к потолку, как всегда, ел не так бодро и весело, часто вздыхал. Я, делая вид, что занята своими игрушками в уголке, держала ушки на макушке, слушала их с мамой разговор.

— Ты подумай, Зинуля, в институт пришёл отец Вани Медведева! Искал меня, на директора наткнулся и спрашивает, мол, как меня

найти. Тот, ты же знаешь Моисеева, допытывается, а зачем я ему? Он и говорит, что я лучший преподаватель, что бесплатно готовил с его сыном диплом, ночами не спал, так, мол, как бы меня отблагодарить. Григорий Михайлович корзинку его обследовал и сказал: «Здесь вам с вашими подарками нельзя светиться, идите к нему домой, отдайте гостинцы супруге». Дед ушёл. Потом меня директор вызывает к себе.

— Ну, Петрович, хорошую ты жену воспитал! Тут к тебе Медведева отец со взяткой приходил, я его домой к тебе направил, так твоя Зинаида не взяла его подношение. Что глаза вылупил? Дед сюда снова вернулся с кошёлкой, мне предлагал, чтобы вместе с тобой поделиться! Ну, народ! Не сильно напугал нас Иосиф Виссарионович, если так! А ты... если бы жена взяла корзинку, было бы тебе не мало!

Мама снова вспыхнула, как при госте, закрыла лицо рукой. А папа убрал её руку и нежно так целовал её лицо, гладил волосы, плечи... Потом встал, улыбнулся, повеселел сразу. Потянулся, словно сбросил с плеч груз рюкзака, с которым ездил на практику в лес.

— Спасибо тебе, моя родная! А скажи, какой у нас народ замечательный! Люди такие добрые, светлые, труженики... Настоящие победители! Молодёжь прекрасная! А где это моя доча любимая! Ты что там притихла? А ну, давай полетаем!

Я подлетала к потолку, повизгивая от восторга, и радовалась, что мои мама и папа тоже замечательный народ.

Два человека из этого замечательного простого народа, мало мне знакомые, прикоснувшиеся к моему детству на мгновения, запомнились мне почему-то ярко и чувственно на всю жизнь.

Дебют

Наталья КАНДАУРОВА

НЕДОТРОГА-ПТИЦА

* * *

Под песни Стёша молотила рожь
И наливала воду у колодца.
Ей скажут: «Чай не девка — всё поёшь», —
Она рукой махнёт и улыбнется.

Об авторе

Наталья Викторовна Кандаурова родилась 19 февраля 1986 года в п. Тросна Жуковского района. В настоящее время живёт в Жуковке. Библиотекарь читального зала Жуковской центральной библиотеки. Дипломант открытого поэтического фестиваля «Великий праздник молодости чудной» (2015), финалист Всероссийского литературного конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева «Родине поклонитесь»; победитель областного творческого конкурса «Я пишу» в номинации «Поэзия» (2018), победитель Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы-2018», лауреат 1 степени Международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба» в подноминации «Мой Стародуб», лауреат 2 степени Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в номинации «Литературное творчество для детей: стихи». Стихотворения публиковались в альманахах «Литературный Брянск» (2010), «На крыльях Пегаса» (Тула, 2018), журнале «Юность», сборниках «Родине поклонитесь», «Герои Великой Победы-2018», литературных сборниках Жуковского литобъединения «Стожары». Автор книги «В двух минутах от рая».

Лишь только раз накрыла тишина
Пронизанные солнцем занавески.
«Эх, Стёша, и до нас дошла война», —
Сказал ей почтальон, вручив повестки.

А мужа проводив и сыновей,
Достала гладью вышитую скатерть,
Запела: «Соловей мой, соловей» —
Пляшите, бабы! Завтра будем плакать».

А после, в уголок убрав ухват
И отхлебнувши квасу из кадушки,
Строчила — что ни слово — крепкий мат —
Ядрёные расейские частушки.

Старухи же крестились: «Чёрт ей брат.
Хоть не людей, так Бога б побоялась».
Она же, отмахнувшись наугад,
Смеялась, пуще прежнего смеялась.

Взревёт, бывало, вражий самолёт,
И бабы, как снопы, валились в слякоть.
А Стёша отряхнется и поёт:
«Вставайте, бабы! Завтра будем плакать».

А коли тошно так — хоть волком вой,
Когда случалось — таяла надёжа,
То скажет кто-то: «Степанида, спой», —
И все поддержат: «Спой нам песню, Стёша!»

Идет победный первый эшелон!
Забыв былые ссоры и обиды,
В обнимку всей деревней на перрон:
«Ой, бабоньки, а где же Степанида?»

Она ж на потускневшие глаза
Надвинула платочек вдовий тонкий:
В сорок втором легли за образа
Четыре пожелтевших похоронки.

Солёной влагой слёзы пролились
И часто-часто стали наземь капать.
Май расцветал, и бушевала жизнь.
Пришла Победа. Можно было плакать.

* * *

Позови меня в даль туманную,
Выси отчие неоглядные.
Полечу вперёд над обманами,
Полуправдами и неправдами.

Вслед за соколом сизой горлицей,
Распластавшейся в небе крыльями,
Над просторами за околицей,
Где вражда растёт в изобилии.

Где над речкою месяц клонится,
Опускается в рожь колючую.
Где терпения чаша полнится,
Слёзы горькие всё горючее.

Над землёй своей, с потом вспаханной,
Над Отчизною, кровью политой,
Сизой горлицей, малой птахою
Зачерпну крылом неба толику.

Расплескаю синь над Россиею,
Буераками с косогорами.

Солнце красное в реку синюю —
Отразится пусть над просторами.

«Богу — богово, чёрту — адово»,
Без раздумия над вопросами.
А убогому много надо ли?
Хлеба крошицу, каплю росную.

Нам покланяться — ниже гордости,
А дающему — дастся с троицей.
Не ума, не сил — дай нам совести.
Всё наладится, всё устроится.

Бессонница

В путь Луна по созвездиям тронется…
Тихим шорохом прожитых лет
Постучится в окошко бессонница
И останется встретить рассвет.

Над пролитой кофейною гущею
Сизый дым поплывёт к потолку
Вымерять, сколь ещё мне отпущено
То ли греть, то ли тлеть на веку.

На экране из скомканной простыни
Вязких образов стылая муть.
То ль на пристани, то ли на росстани
Приведёт меня жизненный путь.

Будет память устало ворочаться
И скрипеть обреченно кровать.
То ли хроники, то ли пророчества
Просит белый листок записать.

Лунный диск к горизонту наклонится,
Там его доклюют петухи.
И прихватит с собою бессонница
То ли исповедь, то ли стихи.

* * *

Небо на руках своих баюкаю,
Укрывая звёздным одеялом.
Мне сегодня над февральской вьюгою
«Ave!» ангелов поют хоралы.

Ленты радуг заплетаю в волосы,
Солнцем согреваюсь в ночь метельную,
Напеваю с ветром на два голоса
У кроватки детской колыбельную.

Пред великим таинством рождения
Вдруг замру, как на пороге храма.
В жизни нить вплетая продолжение,
Я — не просто женщина, я — Мама.

Синяя птица

Я сижу на крыше,
Ножками болтая.
Ты — чуть-чуть повыше —
На воротах рая.

Чудо в синих перьях —
Недотрога-птица.
В снах и суеверьях
Выпало гнездиться.

Где ты так сумела
В сини изваляться,
Чтоб мне оголтело
За пером гоняться?

Я б им выводила
Главные сюжеты
В отблесках светила
Каплями рассвета.

Я бы им писала
Лучшие картины,
Обводя лекала
Росной паутиной.

Горизонт в зарницах,
И искать нелепо
Голубую птицу
В чистой сини неба.

В снах и суеверьях
Заблудиться просто.
Чудо в синих перьях
Подметает звёзды.

* * *

Яблочная грусть
В брошенных садах.
Имя твое пусть
Стынет на губах.

Пляшет по листам
Грушевый рассвет.
А твоим устам
Веры больше нет.

Золото ночей
Манит как магнит.
Свет твоих очей
Для других горит.

Позабытый сад.
Яблочная грусть.
Кто же виноват?
Имя твоё… Пусть…

Чёрно-белая грусть

1.

Чёрные стрелки по белому полю
Тик-так.
Сердце отчаянно птицей на волю,
Не в такт.

Белые ветры по черному снегу
Ловить,
Меридианы срывая с разбега,
Как нить.

Белою чайкой над чёрной волною
В рассвет.
Пеной морскою оставить в прибое
Свой след.

Чёрной фигурой на белую клетку —
Гамбит.
В белом конверте чёрная метка
Обид.

Черная роза в белой перчатке.
Печаль.
Наш эпизод начался с опечатки.
Как жаль.

2.

В чёрно-белом прошлое —
Быль-тоска киношная.
Глупым мимам
Улыбаться, корчиться,
Удивляться, морщиться.
Снова мимо.

Проще стены синие
Разукрасить инеем,
Тьмой и светом.
Укрываясь масками,
Упиваться сказками.
Ждать рассвета.

Перекроить платьица,
На витрины пялиться

Данью моде.
Киносборы полнятся,
Кинозалы ломятся.
Мы уходим.

Негатив — к сожжению.
Тает в отражении
Лик печали.
В чёрно-белом прошлое
В душу мне непрошено.
— Здравствуй, Чарли.

3.

Надоевшая грусть
Чёрно-белых мелодий.
Каждый такт наизусть,
Словно лезвие, входит.

Чёрно-белый пейзаж
С поволокою грусти.
Пряно-терпкий купаж —
Он тебя не отпустит.

Колдовские глаза
Чёрно-белой картины.
Лишь скупая слеза
По щеке Арлекина.

Проза

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Если вас приручили

На птичий переполох за соседским забором я отреагировала так, будто это мои собственные куры и утки носились по двору и орали, как резаные. Причиной такой поспешной реакции была грядка с морковкой, вернее, её длительная прополка. Два часа вожусь, а конца и края нет — сорняков столько, что, кажется, месяц назад я не морковь сеяла, а именно их. И выглядят, надо сказать, они достойно — тёмно-зелёные, сытые, коренастые, не то, что тонюсенькие ниточки-росточки будущих корнеплодов, беспомощно развалившиеся в разные стороны, прямо как волосы на лысеющей голове.

Птичий ор и гомон — это уважительная причина, чтобы оставить надоевшую работу, поэтому уже через секунду я, балансируя у забора

Об авторе

Кожевникова Надежда Борисовна родилась 27 ноября 1957 года в деревне Дубровка Новозыбковского района Брянской области.

Окончила Клинцовское медицинское училище. Работала медицинской сестрой в детском отделении Новозыбковской больницы и в детской поликлинике, имеет звание «Ветеран труда».

Произведения печатались в местных изданиях — в газетах «Брянский рабочий», «Маяк», «НВ-Вести», «Зыбка», в альманахе «Зыбь», журнале «Десна», а также — в интернет-изданиях. Лауреат премии имени Н. И. Рыленкова.

Автор стихотворных сборников «Пролески» (2010), «Окно, распахнутое в сад» (2016).

Живёт в Новозыбкове.

на опрокинутой пустой бочке, пыталась заглянуть на соседский двор. Какие мадридские тайны заставили соседа соорудить вокруг своего дома такой высоченный забор, не знаю, но, приподнявшись на цыпочки, я всё же смогла увидеть, что во дворе кур и уток гоняет собака.

Соседские собаки — это боль моей души в течение нескольких последних лет. Почему? Да потому, что человеку, привыкшему каждое утро и вечер слушать академическое соловьиное пение, трудно полюбить вульгарный собачий лай. Вот в этом вишеннике, где я, пытаясь заглянуть за забор, испытываю на выносливость свой вестибулярный аппарат, раньше жили соловьи. Они вили гнёзда, выводили птенцов и пели, пели... К сожалению, нежные оратории не вынесли конкуренции с тяжёлым собачьим «роком», и соловьи поменяли место жительства.

Люди не так мобильны, как птицы, поэтому соловьи улетели, а я осталась. Собаки тоже остались. Я надеялась, что со временем они привыкнут к моим перемещениям за забором, смирятся с жизнью в тесных вольерах и будут лаять дозировано, вполсилы, например, перед едой утором и вечером. Тогда я ещё не знала, что у собак охотничьей породы нет в жизни другой радости, кроме как поохотится, поэтому хотя бы изредка им надо организовывать это мероприятие. Ну, ежели не охоту, то хотя бы ежедневную резвую пробежку им вынь да положь. Но их даже на прогулку в ритме «нога за ногу» выводить не удосуживались: сосед частенько прибаливал, да и возраст уже не позволял ему бегать по лесам, по долам.

О болезнях хозяина собаки ничего не знали, поэтому продолжали требовать своё. Я пыталась войти в их собачье положение и смириться с бесконечным лаем, но получалось это не всегда. Иногда мне хотелось самой накормить их, или выгулять, или убить, только бы они замолчали.

А моё молчание в данный момент не помогло мне удержаться на бочке, и я свалилась. Упала удачно. А как иначе — земелька мягонькая, своими руками возделанная. Встала, отряхнулась, сбегала в сарай за лестницей, мимоходом сыпанула в карман мелкого гравия с дорожки и заняла исходную позицию над забором.

Передо мной открылась невесёлая, а, если смотреть с куриной точки зрения, даже трагическая картина. Несколько уток неподвижно

лежали возле дома, у гаража две курочки, помогая себе крыльями, безуспешно пытались подняться, а ещё три забились в заросли малины у забора, и только молоденький петушок из последних сил спасался бегством от обезумевшей от восторга собаки.

Быстрая и непредсказуемая, как пуля со смещенным центром тяжести, она носилась по двору туда-сюда и, судя по счастливо улыбающейся морде, проживала лучшие моменты своей жизни.

— Ну-ка, пошла в вольер! Брысь! Брысь! — заорала я и стала бросать в неё некрупные камешки. Меткость у меня ещё та, но, когда один из них всё-таки попал собаке в бок, она на миг остановилась и удивлённо посмотрела на меня. «Ты что, с ума сошла? Ты хочешь всё испортить?» — было написано у неё на лбу. Ещё секунду собачьи глаза выражали искреннее недоумение, а потом она потеряла ко мне интерес, и погоня продолжилась. Я поняла, что, пока не перекусит лапки всем обитателям птичьего двора, не остановится. Что же делать? Я не могла спокойно полоть грядки и слушать предсмертные крики кур. А в том, что птиц ждёт печальная участь, можно было не сомневаться: кормил сосед своих питомцев отменно и, скорее всего, хотел вырастить из них не легковесных, мускулистых бегунов на длинные дистанции, а достойных, упитанных борцов сумо. То, что усилия Ильича уже сейчас дают положительный результат, просматривалось и в широких птичьих грудках, и округлых очертаниях их увесистых окороков. С одной стороны это хорошо, а с другой — плохо, потому что в таком виде они проигрывали собаке в скорости. Выводы напрашивались неутешительные: надо было срочно что-то делать. А что тут сделаешь? Стучать соседям в окна не имело смысла: машины во дворе нет — значит, Ильич уехал куда-то. Загнать собаку в вольер тоже не в моих силах — боюсь я её, да и перелезть через забор проблема: он шиферный, высокий и хрупкий. Выбрав у себя во дворе самый длинный орешниковый прут, я влезла снова на лестницу и, пытаясь создать курам зону спасения, недоступную для собаки, стала размахивать им. Получалось не очень хорошо, потому что удерживать толстый конец прута в руках и одновременно мотать тонким в соседнем дворе — было нелегко.

— Ты положи его на забор, — посоветовал Василич.

Я и не заметила, когда он появился за сетчатой перегородкой в своём малиннике. Дом Василича стоял на углу нашей улицы, поэтому он одновременно был и моим соседом, и соседом моего соседа Григория Ильича.

— Сейчас Ильич подъедет, я ему уже позвонил, — добавил он.

Я последовала его совету. Мне стало легче управлять длинной орешиной, но ситуация от этого ничуть не улучшилась. Похоже, птицы в стрессовой ситуации растеряли последние крохи мозгов, а собака решила, что наконец-то я поняла всю прелесть охоты и тоже собираюсь принять в ней участие. Повернувшись ко мне, она припала на передние лапы, несколько раз радостно взлаяла: «Давай, мол, гони их в мою сторону!» — и понеслась за очередной жертвой.

Роль добычи в этот раз досталась самому маленькому петушку, и казалось, что судьба его предрешена, однако он решил бороться до последнего. Как угорелый, носился он по двору, неожиданно резко меняя направление и срезая углы прямо перед носом у собаки. Отвага и резвость, а также необременённость лишним весом помогали ему некоторое время увёртываться от собачьих зубов, но я понимала, что долго так продолжаться не может. И вот, когда собака уже схватила выбившегося из сил петушка за хвост, он, не раздумывая, как ящерица, пожертвовал им, то есть рванулся изо всех сил и вспрыгнул на мой прут, лежащий одним концом на земле. Я, тоже не раздумывая, резко нажала на толстый конец прута. Сработал эффект рычага, и петушок взмыл высоко в воздух. « Вот так помогла! Сейчас прямо в пасть собаке опустится», — подумала я. Собака тоже так подумала. Высоко подпрыгнув, она хищно клацнула зубами. И только петушок думал иначе. Перекувырнувшись через голову, он в воздухе подкорректировал своё падение и опустился прямо на середину прута. Продолжая балансировать растопыренными крыльями и невзирая на моё испуганное «ой!», он вспрыгнул мне на плечо и перелетел к нам во двор. Я опешила. Собака, вероятно, тоже.

— Ишь, ты! Эквилибрист, — засмеялся Василич.

Я тоже засмеялась, как оказалось, не к месту, потому что за соседской калиткой послышался отборный двухэтажный мат, и с увесистой пал-

кой в руках во двор вбежал Григорий Ильич. Судя по особой витиеватости его ненормативной лексики, ему было совсем не до веселья.

— Ах ты, скотина безмозглая! — закричал он, пытаясь врезать собаке по хребту. Бывший любимец, смекнув, что ситуация поменялась кардинально, что роль дичи теперь отведена ему, поджал хвост и со всех лопаток понёсся к вольеру. Вслед полетела палка.

— Спасибо, Василич, что позвонил. Мы к сестре на день рождения ездили, — нарядно одетый Григорий Ильич посреди разорённого двора выглядел неуместно. Он попытался отряхнуть с наглаженных брюк пух и куриные перья, но они липли обратно.

— Вот скотина, почти всех потрепал, — огорчённо сказал он, подсчитывая потери.

— Один петушок к нам перелетел, — я попыталась хоть как-то утешить его.

— Позже приду, поймаем. Сейчас надо переодеться, — он посмотрел на свои новые туфли и пошел в дом.

Позже так позже. Тем более что петушка нигде не было видно. Может, умер в кустах от стресса. «Говорят, птицы очень плохо переносят стресс», — подумала я и отправилась допалывать морковь.

Оказалось, что я недооценила возможностей нервной системы кур, потому что к вечеру петушок выбрался из зарослей заброшенного участка моих соседей слева и, как ни в чём не бывало, направился к нашей мусорной куче.

Вскоре подошёл Ильич, и мы с ним попытались отловить беглеца. Но не тут-то было — не зря его так долго не могла поймать собака.

— Настоящий энерджайзер. Прямо как в рекламе! — сказал запыхавшийся сосед. Он обеими руками опирался на черенок лопаты, при этом ногами основательно утрамбовывал мою цветочную грядку.

Я поняла, что ещё чуть-чуть и с трудом добытая мною сортовая астильба «Сестра Тереза» погибнет.

— Пускай тут у тебя пока побегает, сын подъедет — поймает, — добавил он.

Я согласилась, не раздумывая. Мне было ясно, что если мы продолжим наше сафари по огороду, то мне придётся попрощаться и с «Се-

строй Терезой», и с «Элизабет Блум», и со многими другими дорогими моему сердцу и кошельку цветами.

Вечером, за ужином, рассказала всё произошедшее мужу.

— А почему эквилибрист? — поинтересовался он. — Судя по твоему рассказу, петух скорее канатоходец.

— Это Василич его так назвал, и потом, если бы ты видел этот кувырок в воздухе… — я засмеялась.

— Смотри, чтобы этот эквилибрист твои грядки вдоль и поперёк не перекопал, будешь потом горевать, — муж своим замечанием поубавил мне веселья, и я отправилась посмотреть, чем занимается в огороде виновник моих будущих горестей.

На сад-огород уже опустились ночные сумерки. Они принесли с собой прохладу и покой. Затихли деревья, замерли цветы. Вечером я хорошенько всё полила, и теперь в саду пахло влажной землёй и свежей зеленью. Осторожно передвигаясь по узким дорожкам, я прошла вглубь. Поздние нарциссы робко выглядывали из-под яблонь. Они заканчивали своё цветение и благоухали уже не в полную силу, навязчиво и резко, а, как слегка выветрившиеся духи, издавали аромат мягкий и нежный. Матово светились в темноте и слегка покачивались под собственной тяжестью бокалы ранних белых тюльпанов, и таким же белым бокалом, только большим и неподвижным, показался мне сидевший на сливе петух. Я рассмеялась: надо же — устроился, приютился, тюльпанчик новоявленный.

Я вспомнила, что гряды с молодыми, неокрепшими ростками моркови, свёклы, салата и прочего нежного овоща у меня всегда до середины лета прикрыты ветками прошлогодней малины. И хотя укрытие это было не от птиц, а от Шурочкиных женихов, вряд ли петуху понравится копаться в колючих ветках. Значит, тотальное разорение моему огороду вроде бы не грозит — решила я и успокоилась.

Стоило мне подумать о Шурочке, как она тут же появилась. Чернобелая пушистая кошка выписывала передо мной круги и восьмёрки, урчала и бодала головой мои ноги. Она поселилась здесь давно, когда на участке был только сарай, а нашего дома ещё и в помине не было, поэтому считала себя полновластной хозяйкой этой территории и не-

сколько раз за летний период принимала на огороде своих поклонников. Вот они-то, поклонники, и устраивали на взбитых моим тяжким трудом грядках междоусобные бои и рыцарские турниры. Кошачья шерсть и подшёрсток летели в разные стороны, а вместе с ними летели и посеянные мною уже проклюнувшиеся семена, и мои надежды на урожай. Бились коты так яростно, что иногда я даже боялась вмешиваться в их разборки, ну если только прихватив с собой длинный дрын.

Что делать в такой ситуации? Кошка не виновата — природа требует своё. Не гнать же её со двора, учитывая, что она, как и всё живое, имеет право на любовь, да и муж мой к ней очень привязан. Он считает, что пользы от неё для огорода всё равно больше, чем вреда. В некоторых аспектах я не могу с ним не согласиться: именно кошка частенько приносит и выкладывает около крыльца на всеобщее обозрение пойманных ею в огороде мышей. Смотри, мол, хозяин на дело лап и зубов моих, цени.

Хозяин ценил и кормил кошку исправно, поэтому пойманных мышей она никогда не ела. И правильно делала, так как соседи, у которых было подсобное хозяйство в виде кур и свиней, частенько травили мышей ядом.

Я подумала, что петушку у нас в огороде уж точно нечем отравиться будет, ему-то и есть особо там нечего. Оказалось, было бы желание — еда найдётся.

Петух жил у нас уже второй месяц. Каждое утро он тщательно инспектировал мусорную кучу и помойку. В помойку попадали все пищевые отходы, а в мусорной куче — копни чуть глубже — и упитанные дождевые черви, и упругие, откалиброванные личинки майского жука встречались так часто, что всеядные туземцы точно позавидовали бы такой петушиной диете. Потом он отправлялся с инспекцией на невозделанный соседский участок: бабочки, жучки — всё шло в ход. Вернувшись домой и запив трапезу водой из чана, он устраивался где-нибудь неподалёку и терпеливо ждал, пока я перестану, пытаясь объять необъятное, хаотично носиться по огороду и займусь наконец-то какой-нибудь одной грядкой. Тогда он выходил из своего убежища и медленно приближался ко мне. Высоко приподнимая бле-

стящие, как хорошо начищенная медная пряжка солдатского ремня, ноги, он с осторожным достоинством вышагивал по борозде. Его голова, как у военного летчика, обозревающего окрестности в поисках вражеского самолёта, вращалась на триста шестьдесят градусов. Глаза смотрели зорко и подозрительно.

— Ко? Ко-ко-ко? Как дела? Как здоровье? — спрашивал он меня. — Как Путин? Как Обама? У кого рейтинг выше? — интересовался он, и я должна была ответить. Хоть что-нибудь. Просто подать голос. Тогда петух понимал, что я — это я, успокаивался и уже совсем безбоязненно подходил поближе. У меня для него всегда было заготовлено лакомство — кусок булки или варёная картошка. Получив желаемое, петух с булкой в клюве деликатно удалялся в сторонку, а тяжёлую картофелину расклёвывал тут же, так сказать, не отходя от кассы. Иногда он пытался клянчить ещё, но два раза «кыш!» повторять ему было не надо. Он отлично разбирался в интонациях моего голоса.

Когда становилось жарко, петух забивался под сложенные штабелем доски или взлетал на вишню и оттуда следил за мной. Он знал, что после окончания работы я специально для него переверну одну доску из тех, что лежат на центральных дорожках, и тогда, забыв всякую осторожность, бежал ко мне. Там, под доской, его ждало угощение — жуки, червяки и мокрицы. Ждало, правда, недолго.

— Эх, Петя, если бы ты с таким же удовольствием уминал ещё и слизней, цены б тебе не было, — говорила я ему.

Позже выяснилось, что ему и без поедания слизней цены нет. Я вдруг заметила, что Шурочкины женихи перестали появляться на моих грядах. Шум кошачьих разборок частенько слышался в зарослях неухоженного соседского огорода, но на открытом пространстве коты не появлялись. Оказалось, что гоняет их с моих грядок петух.

Однажды рано утром я собственными глазами видела, как, вздыбив перья и развернув на всю ширину крылья, он бросился на чужого кота, вскочил ему на спину и даже проехал на нём чуть-чуть.

Я зауважала петуха. Выделила ему под еду индивидуальную посуду и пищевые отходы больше не выбрасывала в мусорную кучу. Нашла в гараже старую крупу, которую всё забывала отдать соседским курам,

и стала сыпать её на дощечку возле вкопанного в землю чана с водой. Пшено и манка пришлись очень кстати. Петух был непривередлив, ел всё подряд. Гуманитарную помощь в виде крупы он приветствовал степенным и довольным кокотанием: «Ко-о-о. Ко-ко-о-о… Давай, подсыпай, подсыпай».

Но однажды на этой почве случился неприятный инцидент. То ли Шурочка захотела пить, то ли, просто заинтересовавшись, что это там такое вкусное возле чана поедает петух, подошла поближе и Петя, никогда ранее не покушавшийся на нашу кошку, вдруг накинулся на неё, как орёл на добычу. Я не успела вмешаться вовремя, и орущая кошка с оседлавшим её петухом опрометью понеслась к крыльцу.

А на крыльце сидел мой муж. Он только что пришёл с работы, сидел себе спокойно, никого не трогал и прямо со сковородки доедал жареную картошку. Степень его возмущения поведением петуха была такой, что он вскочил, нецензурно выругался и изо всей силы запустил в него тем, что было в руках, — сковородкой.

Челябинским метеоритом, рассеивая картошку в разные стороны, просвистела сковородка над головой Пети и рухнула в смородиновый куст. Петух же со скоростью юлы развернулся на сто восемьдесят градусов и, сверкая золотыми чешуйчатыми ногами, бросился спасаться в огород.

— Ещё раз увижу, что гоняет кошку, убью, — предупредил муж петуха. Или меня? — Чего он его никак не забирает? — спросил он, имея в виду Ильича.

— Так он ему не даётся, — я, черпая одной рукой воду из бочки, пыталась ополоснуть добытую из куста сковороду.

— Тогда сама поймай и перебрось к ним через забор, — настаивал муж.

— Да он и мне не очень-то даётся. И не мешает он нам особо. Чужих котов с огорода гоняет. Куры плохо видят, в этот раз и его, вероятно, зрение подвело, вот он Шурочку с чужими и перепутал, — защищала я петуха.

Пресловутая Шурочка, выбравшись из смородины, ходила вокруг меня кругами и подбирала выпавшую из сковородки картошку. Ела она

грустно, без аппетита, всем своим видом показывая, какая она несчастная. Смотрите, говорили её смиренные глаза и опущенный хвост, как я, невинная жертва стечения обстоятельств, ем холодную картошку, хотя после такого стресса могли бы и мясца кусочек подкинуть. Муж не вынес этой душераздирающей картины и отправился в дом за угощением для своей любимицы, а я пошла на поиски петуха.

То, что петух совсем не белокрылый херувим, я не стала говорить мужу. Дело в том, что помидоры и огурцы я выращивала в тепличках, а кабачки росли на свободе, и вот эти самые кабачки очень полюбились петуху, он расклёвывал их совсем маленькими, можно сказать, в зачаточном состоянии. Я поняла, что при таком раскладе ни жареных «кэбов» с майонезом и чесноком, ни кабачковой икры на зиму у нас не будет. Что делать? И к петуху я уже привыкла, и свой зимний рацион менять как-то не хотелось. Пораскинув мозгами, я нашла выход: разрезала пластиковые бутылки коричневого цвета вдоль и обернула ими кабачковые зародыши. И петуха не соблазняют, и растут быстрее. А как дорастут до нужного размера — бутылку снимаю и кабачок срываю. Можно и не срывать, петуха интересовали только совсем юные экземпляры.

Ещё его интересовала земляника, правда, уничтожал он её не так тотально, как кабачки. Идёт по борозде рядом с грядкой, насмотрит себе подходящую ягодку — клюв! — и, как ни в чём не бывало, дальше пошёл. И вид у него такой невинный-невинный, совсем непричастный к поеданию ягод: я, мол, что? Я ничего, и не еда это вовсе, а необходимая для поддержания здоровья витаминно-минеральная добавка. Как можно отказать птице в жизненно важной добавке? Так что с незначительной потерей урожая земляники я смирилась.

А Ильич, похоже, смирился с потерей петуха. Только один раз спросил он меня, жив ли тот ещё. Летом мы с Ильичом видимся редко, потому что земли у него рядом с домом мало, и он завёл себе на окраине города дачу, где и пропадает днями и ночами. На вопрос о петухе я ответила, что жив, но рассказывать о том, что он значительно подрос, что его серёжки, бородка и гребень налились ярким румянцем и выглядит он совершеннолетним петухом-красавцем, я почему-то не

стала. Впрочем, он и сам об этом догадывался, потому что петух стал петь по утрам. Петь голосисто и звонко. Вот его-то пению совсем не мешал собачий лай. «Знаем мы этих пустобрёхов! Нас просто так, на "гав-гав" не возьмёшь», — говорил бравый вид петуха.

Перед пением он приосанивался, сосредоточенно прикрывал глаза, чуть-чуть растопыривал крылья и громко, четко, по слогам выводил: «Ку-ка-ре-ку-у!» И ещё раз повторял, и ещё, и ещё. Он выпевал свою вроде бы однообразную песню так радостно и самозабвенно, что утро просто не могло не наступить, не могло оно не откликнуться на чистый, бесхитростный призыв петушиной души. С соловьиным пением, конечно, не сравнить, но, как ни странно, моя душа тоже живо откликалась на петушиную радость. Я чувствовала, как лицо непроизвольно расплывается в улыбке, а гордость собственника так и распирает мою грудь, как будто бы это жизнеутверждающее пение не подарок матушки-природы всему петушиному сообществу, а моя личная заслуга.

Между тем, петух хорошо усвоил урок со сковородкой и больше никогда не приближался к дому, а, если муж выходил помочь мне в огородных делах, сразу же прятался под доски. Если же я работала одна, то следил за мной неотступно. Он не путался у моих ног без дела, не мозолил глаза, но стоило мне поднять голову, я сразу же видела расположившегося неподалеку петуха. А стоило опустить руку в карман и позвать его, он мчался за угощением со всех ног. К той поре он уже знал, что его зовут Петя.

Наступил конец сентября, и я решила отдать петуха одной моей знакомой, у которой без «хозяина» маялись десять «неприпученных», как она говорила, курочек. Она, конечно, мечтала завести цветного петуха, но я ей так расписала достоинства моего Пети, что она согласилась и на белого, и даже обещала дать мне за него два десятка отборных домашних яиц. Я ещё подумала, что отнесу их Ильичу, ведь петух-то изначально принадлежал ему. Но, как оказалось, у Ильича на петуха были свои планы.

Однажды рано утром я пошла в огород, собрать последние мелкие помидоры. Срываю, кладу в ведро и вдруг понимаю, что что-то не так, как всегда. Вроде бы чего-то не хватает. Осмотрелась: Пети нет. Я по-

звала его — нет. Вытащила из кармана булку, покрошила — нет. Встала на колени, заглянула под доски — нет. Пошла в конец огорода, к сливе, на которой он всегда ночевал, и только тут заметила в углу, у забора, разбросанные по траве белые перья. Кто-то гонял петуха ночью. Собаки? Хорёк? Я обыскала весь свой огород. Затем продолжила поиски на заросшем травой и вишнёвой молодью соседском участке, но так нигде и не нашла продолжения разыгравшейся ночью драмы. Я расстроилась, взяла ведро с помидорами и пошла домой.

Вечером, перед тем, как попить чаю и лечь спать, я вышла покормить Шурочку, тут-то меня и окликнул Ильич — его голову я с трудом рассмотрела в густом вишеннике над забором. Подошла поближе.

— Сын вчера приехал. Поймал-таки петуха, — радостно сообщил он мне. — Знаешь, неплохой петух вырос, мясистый и печень такая нежная. Еле-еле он его поймал. К забору прижал, а тот клюётся, крыльями лупит, когтями дерёт, тогда он его граблями, граблями … — сосед вдохновенно, с явным удовольствием живописал историю поимки петуха.

Я опустила голову. Мне не хотелось слышать подробности охоты на Петю.

— Хочешь, тебе полтушки отрублю? Уже готовой, ощипанной? — Отсутствие с моей стороны интереса к ловле петуха Ильич понял по-своему.

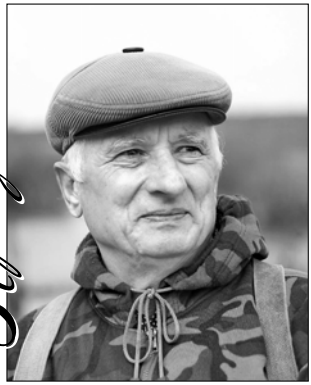
— Не надо, — отказалась я. Мне не нужен был петух Петя в виде ощипанной тушки. Он мне нужен был живой. Я не стала пить чай. Я пошла к себе, легла на кровать и заплакала.

«Мы в ответе за тех, кого приручили — всем известная цитата», — думала я утром, собираясь в огород. Вроде бы всё ясно и понятно: заботься, люби, не бросай того, кого приручил. Но это был не мой петух, это не я Петю приручила, это он меня к себе приручил. Что же делать, если не ты, а тебя приручили?

Что делать?

— Что делать? — Дальше жить, — ответила я сама себе и отправилась в огород привыкать к одиночеству.

Проза



Пётр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

Тропинка через пустырь

1

Вечером пал туман. Городок по пояс провалился в серое марево, подсвеченное розовыми всполохами вечерней зари. Размытые белые кубики домов, плывущие в дымчатых клубах тумана, вспыхивали алым светом и гасли.

Настя посмотрела в окно и бросилась к вешалке.

— Ой, засиделась я у тебя, Тинка. Темень на дворе, а я обещала матери вернуться засветло. Она, наверное, все глаза проглядела. Завтра дошьём твое платье.

— Не волнуйся, я тебя провожу, — ответила подруга и тоже стала одеваться.

Об авторе

Пётр Любестовский (Кузнецов Пётр Петрович) родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любестово. Окончил Калининский (Тверской) государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и МВД. Подполковник в отставке. Живёт в г. Сельцо. Руководитель Сельцовского литературного объединения «Парус».

Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Молодая гвардия», «Север», «Искатель», «Странник», «Пограничник», «Воин России», «Милиция», «Сельская новь». Автор многочисленных сборников прозы.

Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Они спустились вниз по лестнице, вышли из подъезда. Тина повернула направо, где огнями светилась улица, но Настя неожиданно остановила подругу.

— Подожди, я, пожалуй, рвану напрямую — через пустырь. Такого крюку давать — целых полчаса потеряешь. А тут всего несколько минут — и я дома.

— Стоит ли так рисковать? — предостерегла подруга.

— Страшновато, конечно, — призналась Настя, — но ещё больше я боюсь родительского гнева. Ты же знаешь, какие они у меня строгие.

Тина проводила подругу до первых кустов и посоветовала:

— Если что — кричи. Я пока постою здесь…

Тёмный, густо поросший кустарником пустырь был безлюден в эту пору. Через пустырь пролегала узенькая тропинка, ведущая из центра на окраину города. Но в вечернее и ночное время люди предпочитали обходить мрачное место стороной. О пустыре ходила дурная слава.

Настя трусцой побежала по тропинке, с трудом различаемой в вечернем тумане. По сторонам старалась не смотреть. Кое-где кустарник вплотную подступал к тропинке, закрывая её, и здесь сердце девушки пускалось в галоп. Вдали горел тусклый фонарь, и Настя всячески старалась держать ориентир на него. Оставался последний тёмный коридор. Настя про себя решила: «Преодолею его и подам сигнал Тинке — всё в порядке, беги… »

Мысль прервалась, закружилась земля и ушла из-под ног. Чья-то широкая ладонь обхватила лицо, перекрыла дыхание. Настя не успела произнести ни звука и провалилась в какую-то бездонную пропасть.

Очнулась она на земле, в тёмных кустах. На ней верхом сидел парень и тяжело дышал в лицо перегаром. Одной рукой насильник зажимал ей рот, другой держал руки. Настя боялась пошевелиться, прикрывала глаза. Ей показалось, что лицо парня до самого подбородка закрывала чёрная вязаная шапка.

Он исчез в темноте так же внезапно, как и появился из нее. Настя не успела рассмотреть ни его одежду, ни походку, ни облик. В темноте очертания незнакомца были расплывчаты — он походил на призрак. И девушке пришло в голову: «Уж не сон ли это?» Но порванные кол-

готки, поцарапанное грязное тело были явью, и, осознав это, Настя горько заплакала.

Обеспокоенная отсутствием дочери, мать встречала её у калитки. Насте стоило немалых усилий успокоиться и сделать вид, что ничего не произошло, чтобы родители ни о чём не догадались. Они были глубоко верующими и держали взрослую дочь в строгости. Настя не осмелилась рассказать им о том, что с ней приключилось. Её пугала сама мысль, что мать узнает о её потерянной невинности, о том, что её обесчестили.

Настя в одиночку переживала страшную трагедию. И это было для нее тяжелейшим испытанием. Несколько раз она порывалась рассказать матери, что с ней приключилось в тот туманный вечер, но всякий раз останавливала себя. Что толку? Насильника едва ли теперь найдут, а позора не оберешься, да и уважение родителей потеряешь. «Переживу, — думала девушка, — и забуду».

Но забыть ей тот злополучный вечер так и не удалось. Несколько месяцев спустя, когда душевная боль, казалось, немного приутихла, Настя почувствовала недомогание, а вслед за этим стал катастрофически расти живот. Мать заметила первой, и родители учинили допрос. Они называли дочку блудницей, прикидывающейся невинной овечкой. Хотели прогнать из дому за то, что опозорила весь их род, и теперь всей их жизни не хватит, чтобы замолить этот тяжкий грех. Настя вынуждена была открыться родителям, рассказать правду. Они почему-то сразу поверили ей и только упрекнули:

— Надо было сразу признаться во всём…

— А что изменилось бы? — сквозь слезы повторяла Настя. — Всё равно вы бы всё сохранили втайне и не разрешили бы сделать аборт.

Родители в ответ только вздыхали, а про себя повторяли: «Чем мы прогневили тебя, господи, что послал нам такое наказание?»

Сын, родившийся в срок, был настоящий бутуз — кругленький, крепкий, красивый. Глядя на него, Настя испытывала радость и в то же время не могла отделаться от мысли, что его отец — насильник. Но, как ни странно, думы о том, что Стасик — сын негодяя, вызывали у неё обостренное чувство жалости и заботы о сыне.

Трогательной любовью и вниманием окружили Стасика и родители Насти. Бабушка день-деньской возилась с внуком, передавая его в руки матери только в часы кормления. Видя, что сын находится под надёжной опекой, Настя решила выйти на работу в свой родной цех.

Подруги встретили Настю доброжелательно. Без конца расспрашивали о сыне, об обстановке дома. Впрочем, они были в курсе Настиной жизни, так как нередко навещали её дома. Приносили подарки и сладости малышу. Нет-нет да и прорывалось у наиболее любопытных из них желание узнать, кто же отец Стасика. Настя не обижалась на них, но от ответа уклонялась. Что она могла ответить подругам? Ей самой хотелось бы знать, кто он. Хотя лучше не знать — от негодяя можно ожидать что угодно. Ещё начнет угрожать, домогаться, искать встречи с ребёнком.

Настя не могла не заметить, что за время ее отсутствия в цехе обновились рабочие кадры, появилось много молодежи — и девушек, и ребят. Последние то и дело бросали в её сторону заинтересованные взгляды. Наиболее смелые из них подходили знакомиться, предлагали свою помощь, набивались в провожатые. Насте, ещё более похорошевшей после родов, внимание со стороны взрослых серьезных парней было приятно. Однако о свиданиях девушка не помышляла. Как кормящая мать, она уходила с работы раньше, оставляя поклонников с носом.

2

Одним из последних к Насте подошел парень, ранее державшийся в тени, и представился Артёмом. Настя давно обратила на него внимание, но расспрашивать подруг о нём не смела. Ей казалось, что парень ревностно наблюдает за ней, болезненно переживает, когда возле неё вьются ребята. И вот он отважился подойти сам. Она ждала этой минуты, и всё же он застал Настю врасплох — девушка растерялась и на предложение Артёма встретиться вечером ответила отказом. А потом пожалела об этом. И теперь всё думала о нем.

Неделю спустя Артём, работавший посменно, вновь вернулся в Настину смену и тотчас же подошел к ней с предложением встретиться после работы. На этот раз Настя согласилась. «Только ненадолго, — предупредила она, — я очень занята… »

Они шли по шоссе вокруг пустыря в направлении Настиного дома. Бледный, голубоватый свет ламп, повисших над улицей, падал на их лица, оттеняя их черты, меняя выражение глаз. Настя мельком взглянула на Артёма, и ей показалось, что они уже встречались когда-то… »

Артём рассказал, что днём работает, вечером учится. Живёт в общежитии. Настя же о себе помалкивала. Расставаясь, Артем взял с неё слово о встрече через два дня.

Но в назначенный день и час Настя в условленном месте не появилась. И вообще стала избегать Артёма. Он улучил момент и спросил: «В чём дело?»

— Нам не следует больше встречаться, — заявила она.

— Почему? — изумился Артем.

— У меня растет внебрачный сын, — опустила голову Настя.

— Я об этом знаю…

— Откуда? — удивленно спросила Настя.

— Мы ведь работаем в одном цехе…

Той же весной во время очередной встречи Артём сделал ей предложение. Настя пригласила друга домой. Артём понравился Настиным родителям, хотя они не скрывали, что предпочли бы дочери другую партию — парня из числа верующих.

Со Стасиком Артём подружился с первых минут. Симпатии их были взаимны. Стасик теперь всё настоятельнее спрашивал у матери: «Где мой папа Тёма?»

Накануне свадьбы Настя решила снять камень с души. Боясь, что Артём узнает правду от других, она решила рассказать ему, что Стасик плод не её легкомысленной жизни, а следствие постигшей её страшной беды. Настя опасалась, что эта горькая правда оттолкнет от нее Артёма. Но он отнесся к ее откровению с пониманием и сочувствием:

— Я люблю тебя, люблю Стасика, и для меня не играет никакой роли, как это случилось, кто его отец… Мы отныне одна семья…

Сердце, освободившееся от тяжёлого груза, взмыло вверх и сделало сальто. В эти минуты Настя почувствовала себя счастливой.

Она не приобщала Артёма к своей христианской вере. Но он сам незаметно потянулся за ней. Терпеливо выстаивал богослужения, исполнял обряды, вечерами читал богословскую литературу. Его духов-

ные подвижки радовали Настю, и она спросила мужа, почему он так легко сделал шаг к храму.

— Эту потребность я ощущаю в себе с тех пор, как узнал тебя. Мне дорого все, что связано с тобой, — ответил Артём.

Они вышли из церкви. На улице бушевал ярко окрашенный, звонко озвученный день — конец весны, начало лета. На душе было легко — всё обременительное осталось там, за стенами храма.

— Настенька, только не перебивай — выслушай меня, пожалуйста… Я хочу попросить у тебя прощения.

Настя насторожилась. Весь вид мужа говорил о том, что он очень взволнован.

— Я давно хотел тебе рассказать, но не решался… Это я набросился на тебя тогда на пустыре… Это я причинил тебе физические и душевные страдания… Я был сильно пьян и не понимал, что делал. Возвращался с гулянки через пустырь и увидел, что навстречу кто-то бежит, решил напугать… Спрятался в кустах. А когда увидел, что это девушка — молодая и красивая, словно бес в меня вселился…

Это был гром среди ясного дома. Настя не верила своим ушам. Она едва не потеряла сознание — смотрела на Артема и не знала, верить ему или нет. Неужели он способен так жестоко шутить?! Но он так подробно всё излагал, что сомневаться не приходилось.

— Я запомнил тебя и искал тебя всё это время. Узнав, что ты работаешь на заводе, я перевёлся на вечернее отделение института, пришёл в твой цех. Я очень боялся, что ты не вернёшься на прежнюю работу. А потом молил бога, чтобы ты не узнала меня. И господь был милостив ко мне — мы полюбили друг друга… В Стасике я узнал своего сына…

Да, Настя не раз ловила себя на мысли, что Артём и Стасик очень похожи: голубые глаза, русые волнистые волосы, упрямый подбородок, белёсые брови. Но она гнала от себя эту дикую мысль, — какая чушь только не лезет во влюблённую голову?! Однажды и мать обратила внимание на их сходство: «Отец с сыном — как две капли. Скажи, что не родные, — никто не поверит…»

Настя вспомнила, как познакомилась с Артёмом. Он свалился словно снег на голову. Тревога тогда долго не покидала её. Ей всё время

казалось, что здесь что-то не так, что так в жизни не бывает…. Такое горе — и вдруг счастье привалило. Рядом столько красивых девушек, а он как увидел её — ни на шаг…. Потом она решила, что Артём ей послан богом за её страдания и терпение. И успокоилась. И вот на тебе…

— Я ещё не знал тогда, что у нас есть сын. Я думал, что ты, испытав потрясение, долго болеешь. А когда узнал — полюбил его, не видя… Я хочу искупить свою вину… Я всю жизнь буду замаливать этот грех… Я детдомовский, круглый сирота. Может, это обстоятельство и сыграло со мной злую шутку, ведь я никогда не знал ласки… И никогда не пил столько. Теперь я знаю — мне пить нельзя…

Настя заплакала:

— Оставь меня… Я никогда не смогу тебя простить… Я всегда буду помнить о том, что ты насильник, что в тебе сидит зверь и он может когда-то вновь проявить себя… Мы с тобой разные люди, мы не можем быть вместе…

3

Артём лихорадочно искал выход из создавшегося положения. Отступать он не собирался, поскольку до безумия любил Настю и сына. Он знал, что вновь завоевать доверие Насти будет не просто, но надо сделать всё возможное, чтобы она простила его за тот страшный грех, в котором он раскаялся.

Артём больше не беспокоил Настю. Парень понимал, что ей надо время, чтобы всё хорошенько обдумать, чтобы её душевная боль приутихла, улеглась, заглохла. А ему надо было найти способ доказать ей, что всё произошло непреднамеренно, спонтанно и что находился он тогда в таком состоянии, которое он сам себе теперь объяснить не может. «Нужен какой-то неординарный шаг, чтобы доказать Насте, что я действительно глубоко раскаялся во всем, что действительно люблю её и сына. Но что для этого надо сделать, что предпринять, чтобы Настя поверила мне и простила бы мой тяжкий грех и тем самым помогла бы снять тяжёлый камень с моей больной души?»

Как это нередко бывает, ответ на мучивший его вопрос нашелся совершенно неожиданно.

Артём встретил друга детства детдомовца Женьку Неверова, и тот поведал ему, что после армии не смог найти себя в гражданской жизни. Изрядно помыкавшись, вынужден был вернуться в армейский строй, заключить контракт и отправиться в «горячую точку». Женька сообщил ему, что в настоящее время находится в отпуске и скоро вновь отправится на Кавказ. Артём рассказал другу о своих проблемах. И тот с ухмылкой заметил:

— Мне бы твои проблемы. Побывай в «горячей точке» и по-иному будешь смотреть на мир, по-иному будешь ценить то, что досталось так легко. И тогда в покаяние твоё поверят без слов, и в твою любовь…

Находясь под впечатлением беседы с другом, Артем решил не откладывать дело в долгий ящик и в тот же день отправился в городской военкомат, где высказал пожелание заключить контракт и отправиться в Чечню. На вопрос сотрудника военкомата, что подтолкнуло его на такой серьезный шаг — добровольно отправиться в «горячую точку», рискуя жизнью, — Артем ответил:

— Хочу заработать денег и купить квартиру для будущей семьи.

До небольшой волжской станции Артём и еще несколько добровольцев, его земляков, добирались поездом. По прибытии к месту назначения с ними заключили контракт на полгода, выдали обмундирование и небольшой аванс.

В район боевых действий контрактников доставили специальным бортом.

На Кавказе стояла весна. Долины утопали в цвету. В арыках неистово бились потоки жёлтой воды. Пробуждаясь, природа звала к мирному труду…

Загорелый, краснолицый, с седыми висками и густыми чёрными бровями, сросшимися на переносице, напоминающими крылья летящего ворона, комбат, судя по всему, в душе художник, построил контрактников и саркастически пошутил:

— Ну что, братва, носы повесили? Радуйтесь, что судьба подарила вам оплачиваемый отпуск в эти курортные места, где вы имеете возможность отдохнуть, полюбоваться красотой и величием гор, надышаться пьянящим горным воздухом, попить живительной влаги из арыков…

А горы действительно были великолепны! Вставало яркое солнце, озаряя хребты, и словно радуга зависала на горизонте: зелёное подножие, коричневые скалы, белые вершины.

В ожесточенном бою под Ведено батальон понёс большие потери. Многие земляки Артёма погибли, а он получил тяжёлое ранение и едва не попал в плен. Рискуя жизнью, ребята вытащили его, истекающего кровью, с поля боя.

В полевом госпитале Артёму сделали несколько операций. Как только парень пришел в себя, лечащий врач рассказал ему, что одна пуля прошила его грудь навылет, не задев жизненно важные органы, а осколок снаряда раздробил берцовую кость, однако ногу чудом удалось сохранить.

— Похоже, ты в рубашке родился, — покачал головой доктор. — На восстановление потребуется немало времени, но всё это уже мелочи, по сравнению с тем, что остался жив.

Больше месяца Артём провёл в военном госпитале на Кавказе. Затем его переправили в областной госпиталь по месту жительства. Домой он вернулся на костылях и в тот же день узнал, что за мужество и отвагу, проявленные в последнем бою, награждён медалью…

Друзья сообщили Насте, что Артём воевал в «горячей точке», был тяжело ранен, перенёс сложные операции и вернулся домой инвалидом.

В общежитие, где остановился Артём, Настя заглянула вместе с сыном. Увидев отца, Стасик с криком «Папа!» бросился ему на шею. Артём обнял сына и стал горячо целовать, пряча влажные глаза.

Настя подошла, обняла обоих, коснулась губами колючей щеки Артёма.

— Спасибо, что навестили меня, — сквозь слезы прошептал Артём. — Там, на этой страшной войне, я постоянно думал о вас. Иногда мне хотелось погибнуть, чтобы смертью искупить свою вину. А иногда молился, чтобы выжить и ещё хотя бы раз увидеть вас… Размышляя о том, что я тогда натворил, пришёл к выводу: может, это вовсе не случайно, что господь позволил мне вырваться из этого пекла, оставил меня в живых, когда с поля боя не вернулось много моих земляков. Быть может, это для того, чтобы я всю оставшуюся жизнь замаливал свой грех, добивался вашего прощения.

Евгения ШАПИРО

Мишура

Родители и брат пять лет назад переехали в город у моря. Папа сказал, что всю жизнь мечтал там жить, а мечты положено осуществлять, вот к пенсии и осуществил. Но моя пенсия была ещё слишком далеко, а море в мечтах только в отпуске плескалось рядом.

Об авторе

Евгения Янкелевна Шапиро родилась 17 июля 1955 года в литовском г. Клайпеда в семье военнослужащего. В 1977 году окончила Брянский институт транспортного машиностроения (ныне Брянский государственный технический университет). Работала инженером на Рижском заводе микроавтобусов, в 1982 году вернулась в Брянск. Трудилась в проектном институте ВКТИстройдормаш, программистом в службе занятости населения и протезно-ортопедическом предприятии. Автор книг «Сказки для звёздочек», «Западня для приключений», «Паутинки чувств», «Под единым небом», «Мои маленькие тайны». Участница Брянского областного литературного объединения.

Евгения Шапиро — лауреат конкурса «Сказки 21 века» (Изд. «Accent Graphics Communcations», Канада, Монреаль, 2015); серебряный лауреат Международного конкурса «Национальная литературная премия ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ — 2016»; дважды лауреат международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба» (Стародуб, 2018); дипломант международной акции «Солнечный храм», проводимой совместно Национально-литературной премией Золотое Перо Руси, МТО ДА и Музеем Солнца /Новосибирск/ (2011); дипломант литературных конкурсов Международного союза писателей (МСП) «Новый современник» («Разноцветный мир-2012», «Вся Королевская рать-2013»); дипломант конкурсов МТО ДА (2014, 2016, 2018); финалист VII международного конкурса «Новые сказки» (2017).

Отмечена благодарственным письмом Главы города Брянска за активное участие в литературной жизни Брянска и Брянской области в 2018 году.

Я родилась не в Москве, но с детства живу здесь и люблю город. Для карьеры сейчас тут больше возможностей, поэтому я осталась жить в московской квартире.

Сначала грустила без родных, особенно вечерами их не хватало. Приходила с работы, а никто не открывал дверь, в доме не слышалось родных голосов, я не знала, что у них произошло за день, а есть в одиночестве за столом было так грустно, даже аппетит пропадал. А потом обнаружила, что жить одной мне нравится: никто каждую минуту не поправлял и не указывал, что делать, не требовал отчёта о прошедшем дне и задержках вне дома.

Приближался Новый год. С давних пор мы праздновали его дома семьёй, поэтому теперь я запирала двери на замок и засыпала перед телевизором.

У меня была полная свобода, а я вечерами чаще сидела дома. Месяц, как это стало невыносимо: я вся превратилась в одно большое ухо, которое слушало телефон, ожидая, что он прервёт молчание и зазвонит. Вообще-то дома было два телефона — оба на связи и ни единого звонка.

Месяц назад Юрка меня бросил. Молча. Не сказав, за что. Просто по факту перестал звонить и приходить. Ни разу не позвонил вечером. Я тоже. Зачем лезть с любовью и что-то спрашивать, когда не нужна. Днём мы с ним пересекались по делам и делали вид, что у нас всё нормально. Для посторонних глаз так всё и выглядело. Месяц.

Началось всё с того, что я увидела, как он отъезжал на машине с Милкой. С того вечера телефон и замолчал. Теперь молчим оба. Даже пожаловаться некому — каждый скажет, что я дура, что можно самой позвонить, наконец, подойти и спросить: «Что за дела?»

Нет, я пыталась зайти к нему в конце рабочего дня. И не только в конце. Но он постоянно был с кем-то занят. И выходил с работы всегда не один. Не было шанса ни поговорить, ни просто спросить, почему он меня бросил?

А сегодня на предновогодней вечеринке он завёл так неподходящую ко времени дискуссию о добре и зле. Как будто и так непонятно, что зло сильнее, а побеждает добро. Или всё наоборот. Какая разница?

Я даже не вслушивалась в то, что он говорил: сегодня мне это было всё равно. Пока коллега не толкнула под локоть и до меня дошло, что это меня спросили:

— Ирин, а что ты думаешь? Он прав?

Чтобы не попасть впросак, ответила:

— Я ему не верю.

Потому что не верить можно во что угодно.

Дружный смех объяснил, что мои слова попали в «молоко». А он стал всех в чём-то убеждать. И меня тоже. Идиот. При чём здесь все его речи? Я его просто ненавидела. За что? Он меня бросил! Вполне достаточно, чтобы убить, не то, что ненавидеть.

Я ненавидела его вплоть до прихода домой. А только переступила порог, бросила в коридоре сумку, увидела стоящий на тумбочке телефон и замерла. Мобильный можно было выключить, а стационарный стоял намертво. Не провода же вырывать? Поэтому от него надо было бежать.

Прореветь ещё один вечер дома в тишине, а потом и Новый год — это уже слишком. Бросилась в интернет. Видимо, все предпочитали в эту ночь быть с семьёй, поэтому легко заказала место в отеле за городом. Перехватила что-то на кухне, вызвала такси и понеслась к свободе.

Добралась до места за полночь. Значит, уже тридцать первое. Отель, окружённый почётным караулом сосен в белых парадных шубах, светился ползучими, как лианы, огнями. Расчищенную площадку перед входом окружали сугробы снега. Обрадовалась: встречу Новый год в такой красоте.

Заказанный номер находился на втором этаже. В столь поздний час в вестибюле никто из постояльцев не прогуливался, видимо, все собирались с силами для предстоящей новогодней ночи. Вид у девушки за стойкой администратора был сонный, но ключи выдала быстро, одарив любопытным взглядом, пытающимся отгадать все мои тайны разом, ведь одинокая девушка просто так, без сердечных переживаний, ночью в отель не приедет.

В номере отключила мобильный и поняла, что впервые за месяц не прислушиваюсь и не жду звонка. Вот она — долгожданная свобода.

Приняла душ, сбросила халат, вынула из сумки своего приятеля, маленького белого кролика: с детства засыпала с ним. Залезла под одеяло. Повернулась на бок, привычно подсунула руку под подушку и вдруг наткнулась на что-то твёрдое. Вскрикнула, выскочила из-под одеяла, отбежала от кровати, включила свет.

При свете всё выглядело безобидно. Не стоять же в ночнушке всю ночь, надо посмотреть, что там. Осторожно приблизилась, приподняла подушку, охнула и тихо опустилась на кровать. Под подушкой лежала рыжая игрушечная лисичка. Провести ночь с ней в одной комнате? Нет, я не готова.

Взяла лисицу, открыла балконную дверь, босиком на носочках ступила на снег, размахнулась и выбросила игрушку в ночь. Всё. Её больше нет. Взглянула на висящую над отелем Луну и, как в детстве, попросила:

— Сбереги нас.

Луна осмотрела комнату, не нашла, кого надо ещё охранять и недоуменно застыла с вопросом на лике.

Не засыпалось. Прижала к себе кролика, тот согрел. В щель между неплотно задвинутыми шторами заглянула Луна. Как тогда.

* * *

Днём она с родителями гуляла в парке. Над ёлкой висела огромная Луна, а на зелёных чуть заснеженных ветках качались подарки в блестящих коробках, но их никто не раздавал. Толпа водила хоровод. Родители держали её за руки. Потом папа пошёл к Деду Морозу за подарком для неё, а мама отвлеклась на подбежавшего старшего брата, который гулял отдельно. Вокруг дети уже разворачивали подарки.

Неожиданно толпа оттеснила её от мамы и уронила в сугроб: она лежала спиной на снегу и болтала ногами в валенках, но не спешила выбраться: знала, родители придут и выручат. Но раньше их на помощь пришёл незнакомый дядя, протянул руку, поднял, отряхнул. Сказал, что для неё есть особый подарок, и вынул из кармана рыжую деревянную лисичку. Ирина взяла и стала разглядывать.

— Я сам сделал. Хочешь, и тебя научу? Пойдём в мастерскую, здесь недалеко.

Конечно, она захотела. Думала, что как только научится, сразу сама сделает всем подарки.

Дядя помог выбраться на дорогу, и они пошли рядом. Ирина забеспокоилась: далеко уже отошли и папа с мамой заволнуются. А дядя успокоил, что они быстро вернутся. Но они шли и шли. Ирина уже не хотела с ним идти, но не знала, как добраться назад, поэтому шла дальше. Улица была незнакомой, с двух сторон стояли заборы с потрескавшейся краской, сливающиеся в один длинный забор, спрятанный за снегом, за которым скрывались старенькие дома.

И вдруг на пустой улице появился дедушка с седой бородой, он шёл, опираясь на палочку. Поздоровался с дядей и спросил, что за девочка? А тот ответил, что она не с ним. Ирина крайне удивилась, а с кем же она? И обиделась, что от неё отказались — она же не просилась к нему в гости. А дедушка показался ей очень строгим. Он прошёл дальше, остановился и стал смотреть им вслед. Мастерская оказалась уже рядом. Дядя сказал:

— Подожди, — и ушёл через калитку, оставив её на улице.

Вскоре из калитки вышло двое дядей. Один знакомый, а второй, как медведь, совсем ей не понравился: огромный, небритый, хмурый, неприветливо смотрел исподлобья. Оба посмотрели в сторону уходящего дедушки, который постоянно оглядывался. Вот снова остановился вдали и смотрел на них. Ей снова сказали подождать. Она ждала. Стало совсем холодно, и она хотела обратно домой.

Снова вышел знакомый дядя и спросил:

— Ты здесь раньше была?

Ирина помотала головой.

— Смотри, за поворотом повернёшь направо, там автобус ходит, доедешь до дома.

Дядя смотрел недовольно, словно она мешала, и он не знал, как избавиться от неё. Ирина обиделась, неужели он не понимает, что одна в автобусе она ещё ни разу не ездила, а без денег её тут же высадят, могут даже не на остановке, и как она тогда доберётся? Пока будет идти, ночь наступит. Её может в сугроб замести. Всего этого она дяде не сказала, тот, видимо, сам догадался. Он вздохнул и отвёл её назад к родителям. Те обрадовались, папа говорил ему спасибо.

Ругать дочку не стали, и потом никогда не вспоминали об этом. Но смотреть на праздничные ёлки больше не ходили, праздновали дома. А Ирина с тех пор стала менее послушна: ей всё время хотелось делать наперекор — словно дух противоречия вселился. История забылась и стала казаться дурным сном.

Но лет двадцать спустя, наводя порядок в кладовке, она случайно нашла эту рыжую лисицу. Враз с головы до пальчиков ног обдало жаром. Перед глазами вспышка. Вдруг накатились воспоминания, с каждой минутой память подкидывала всё новые подробности. Озарение пронзило сознание, что это могло быть. Стало страшно до жути. Чудо, что жива.

Она не хотела держать эту лисицу дома даже в помойном ведре: собралась и вынесла в контейнер, решив, что когда игрушку отсюда увезут, кошмарный страх закончится.

Ночью давно повзрослевшая девочка увидела во сне дедушку с седой бородой и точно знала, это её ангел. Он был совсем стареньким. А везде их рисовали младенцами. Утром Ирина задумалась о сне. Ангелу, наверное, тяжело с ней пришлось, поэтому он так сильно постарел. С виду она спокойная, а за жизнь уже столько всего приключилось. И с лестницы железнодорожного моста по ступенькам скатывалась, когда каблук сломала, и с поезда на ходу прыгала, из открытой двери маршрутки на повороте выкатывалась, а ещё была на том теплоходе, что затонул у Новороссийска, только на рейс раньше, а штормило и тогда не по-детски. Как только ангел успевал от всего уберечь? Бедный. Спасибо ему. Надо поберечь его.

* * *

Утром в отеле Ирина проснулась поздно. Было прохладно: сквозило из неплотно прикрытой балконной двери. Спросонья не могла вспомнить, приходил во сне ангел или Дед Мороз? Одно точно — бородатый мужик. Засмеялась. Точно не Юрка. У того на голове красовалась симпатичная лысинка. Ирина считала, что природа очень подло поступила с некоторыми мужиками. Лысина. И никуда ведь не спрячешь. Живот можно прикрыть пиджаком, а лысина — прямо визитная карточка.

Мужики пыжатся, придумывают анекдоты, мол, лишнее место для поцелуев, гордость, мужественность. А куда им деваться?

Но тут жалость сменилась раздражением: она ведь рассказала Юрке, почему не любит в Новый год быть одна. А он? Не ждать же, когда у Юрки появится седая борода и он начнёт защищать её? Да захочет ли, раз не звонит? Порадовалась, что мобильный отключила, теперь она совсем ничего не ждёт.

— Смехота! С какой стати я буду бояться кого-то? Не дождутся.

Усмехнулась, когда воины перед битвой грозно кричали, это было не от смелости, а от страха. Вот и она последовала их примеру: прогнала криком страх, привела себя в боевой дух, и пошла жить дальше — такая установка.

Позавтракала в ресторане, на обратном пути в номер заглянула в зал, где собиралась провести новогоднюю ночь. Симпатичная блондинка поправляла украшения на ёлке под присмотром лысоватого мужчины.

Мужчина заметил Ирину и не упустил случая спросить у гостьи:

— Вам нравится наша ёлка?

— Мишуры не хватает, — Ирина хихикнула, подразумевая то ли ёлку, то ли его самого.

Она вернулась в номер, подошла к окну и вдруг увидела маленькую девочку. Та вертела в руках лисицу, которую она вчера выбросила. Рядом с ней стоял какой-то мужичок в тулупе. Ирина вышла на балкон, они были совсем рядом, и она даже услышала их разговор.

— Правда? Лисичка все желания исполнит? Как Дед Мороз?

— А тебе не терпится с ним встретиться? Аля, я тебя могу к нему проводить, — И они двинулись куда-то за угол отеля.

Ирина схватила с вешалки шубу, выскочила из номера и помчалась по ступеням вниз, выскочила из отеля, никого не застала, помчалась за угол, но увидела лишь огни отъезжающей машины.

* * *

Она уже поела, и сидеть за столом стало скучно, а родители всё время: «Аля не вертись, Аля не крутись, не болтай ногами», — как

будто сами сидят ровно. Отпустили в номер, но одной там делать было нечего. Аля вышла из отеля прогуляться, пока родители завтракали в ресторане.

Откуда-то выбежал забавный щенок с длинными ушами. Девочка хотела с ним поиграть, а он в руки не дался и убежал. Аля фыркнула, сколько можно за ним носиться? Отвернулась, подошла к сугробу и слепила снежок. Подумала, что мама не будет ругаться, потому что руки в варежках. А щенку надоело прятаться, когда никто не ищет, и он сам побежал за Алей. Та сделала вид, что испугалась, и помчалась от него, но с оглядкой, не слишком быстро, чтобы тот успел.

Тут щенок как прыгнул на Алю да залаял, она покачнулась и случайно уткнулась носом в высокий сугроб. Щенок, как победитель, вскочил на её спину и зарычал, а потом скатился на снег, задними лапами раскидал его и случайно обнажил игрушечную лисичку. Та слегка обледенела, но всё равно понятно, что рыжая.

— Ой, как здорово. Лисичка! — вскрикнула Аля.

Посмотреть, чему она удивилась, подошёл дядя, который, как показалось Але, работал вместе с её папой. Он спросил:

— Хочешь увидеть Деда Мороза раньше всех?

— Хочу.

Доехали на машине быстро. Дом был обычный, пятиэтажный. Аля удивилась, с чего дядя взял, что Дед Мороз здесь живёт? Оказалось, что это он за своей дочкой приехал, Алёнкой. Аля обрадовалась, когда увидела её — они вместе с ней на ёлках раньше уже были в отеле. А Деду Морозу дядя сам звонил. Когда они вышли из дома, то Дед Мороз их уже ждал. И на ёлку в отель они приехали вместе.

* * *

Я попыталась поговорить со служащими у стойки, что ребёнка увезли куда-то, но все надо мной посмеялись, сказали:

— Ирина, здесь были только свои, да и вот её родители из ресторана выходят.

Я пристала к ним, но те сказали, что уже третий раз встречают здесь Новый год, и никаких происшествий не было. Вместе обратились в

службу безопасности отеля и те ответили, что сейчас посмотрят записи с видеокамер и всё выяснят.

Согласилась, не моё это дело, но осталась сидеть в фойе, чтобы не пропустить, когда они появятся: до их прихода я жить спокойно больше не смогу.

Аля вернулась вместе ещё с одной девочкой постарше и Дедом Морозом. Кажется, я её напугала, но я была так счастлива, что с ней ничего не случилось, что принялась обнимать и целовать. Девочка с непониманием смотрела на меня. Особенно, когда я вдруг заплакала.

— Странные эти взрослые, — сказала она подружке.

И вдруг я увидела, что девочка держит в руках ненавистную лису.

— Зачем тебе лиса?

Девочка засмеялась.

— Вчера играла с папой: прятала лису, а он искал. Я схитрила и спрятала лису под подушкой, но в соседнем номере. Только забыла в каком. Мы потом вместе искали, но не нашли. А сегодня щенок лису в сугробе откопал. Хотите, подарю вам?

Я замахала руками, только лисы мне не хватало. Какая я глупая, своими страхами всех пугаю. А лиса... она не играет никакой роли: ни беды, ни счастья, как и все приметы. Как мишура на ёлке — первое, что заметно, но ничего не значит. Всё идёт, как идёт.

Праздничный ужин в ресторане был включён в стоимость путёвки и проходил по расписанию. За столиком со мной сидела семейная пара преклонного возраста — им внуки путёвки купили, и женщина средних лет. Наверное, ей, как и мне, захотелось не быть дома одной. Но я составила плохую компанию, потому что напилась.

Помню, мы пошли в зал танцевать. Ну, я... ещё держалась на ногах. Танцевала, только ёлка почему-то покачивалась, поэтому я её не трогала. На теплоходе тоже так было, с каждой новой волной все ездили из одной стороны в другую — смещались туда-сюда.

Но сразу двух Дедов Морозов рядом я пережить не смогла. Раньше никогда не двоились. А тут сразу два. Может, всё в двойном количестве? Хотя ёлка пока одна. О, как я забыла, у Дедов Морозов седые бороды — ангелы мои.

Мне что-то совсем подурнело. Последнее, что помню, одного Деда Мороза я ухватила за бороду и потащила на себя. Вот как у Хоттабыча. Ах, там же по волоску дёргали. Но я уж разом, чтобы на все желания хватило. А борода оторвалась, шапка слетела, а под ней лысина оказалась. А вторую лысину я не успела обнажить, в глазах потемнело...

* * *

Луна офонарела, когда через распахнутые шторы увидела, как странный, потому что лысый, Дед Мороз вошёл в комнату с перекинутой через плечо вчерашней знакомой. Осторожно свалил её на кровать. Снял туфли, платье трогать не стал. Посидел пару минут рядом и ушёл.

Но вскоре Луна увидела его сидящим в ресторане за столиком с бородатым Дедом Морозом. Они разговаривали. Точнее, забавно жестикулируя, говорил лысый Дед Мороз:

— С Ирой мы уже почти год. Хорошая она, только правильная. У неё всегда всё хорошо, точно никаких проблем в жизни никогда не было. А мужчине иногда хочется совершить подвиг, даже если совсем и не рыцарь. Но с ней спокойно, тепло — вкусно.

Привязываться начал. С одной стороны, вроде и пора уже семьёй обзаводиться. Вон и лысина уже появилась. Материальный вопрос решён. У Иры квартира есть, у меня тоже. И с работой-зарплатой нормально. Испугался. Это же — навсегда. Как довериться? А вдруг встречу ещё кого-то? И ей больно сделаю, и самому не шевельнуться в семейной паутине.

На месяц отодвинулся от неё. Чтобы подумать. Мы не ссорились, я просто от встреч сбегал. А тут Новый год. Вроде раз в году, а всегда неожиданно. На работе в последний вечер попытался с ней поговорить, как бы между прочим, словно ничего и не было. А она вдруг заявила, что не верит мне и быстро исчезла с вечеринки. Не по телефону же объясняться. Новый год с ней собирался встречать. Она говорила, что в её голове с детства какие-то страхи. Думаю, встретим, а дальше видно будет. А то получится, в единственный раз, когда нужен, куда-то пропаду.

Решил позвонить тридцать первого, чтобы у неё меньше времени осталось на выяснение отношений и капризы. Но с утра телефон был

недоступен. Я сначала разозлился, а на десятый раз забеспокоился, пошёл к ней домой. Ключ у меня был.

В квартире тихо и пусто. На столе ноутбук. Он у неё без пароля, я браузер запустил, все закладки и открылись. Тут и увидел — путёвка в отель с праздничным ужином и ёлкой. А говорила про страхи какие-то. Ошарашила. Решил приехать и сам всё увидеть. Вдруг с мужиком каким? Неужели за месяц переключилась? Так быстро? Посмотрел по карте — близко. Костюм Деда Мороза заранее приготовил, на такси и в отель.

А она вот в таком состоянии. Растрёпанная, песни поёт, всех перекрикивает, смехом заливается. Хотел уйти, чтобы не видеть, и тут в её глазах слёзы заметил. Решил унести, схватил в охапку, а она драться полезла, бороду оторвала. Да ты всё видел, она и тебя за бороду хватала. Дедов Морозов не любит, что ли? Рассказать на работе — не поверят. Похоже, я многого о ней ещё не знаю. С чего всё началось?

Сидевший напротив Дед Мороз с удивлением взирал на незадачливого коллегу, с которого сегодня содрали шапку с париком. Такого раньше в отеле не приключалось.

— Не знаю. Но спокойной и скучной, — усмехнулся, — я её не посчитал. Она весь отель сегодня перебаламутила. Девочку маленькую обнимала, плакала, потом смеяться стала. И это всё из-за тебя? Получается, ты её обидел. Ты уж за ней присмотри, чтобы она спьяну что ещё не наделала. Ай, девчонки. Что творят?

* * *

Утром Ирина проснулась и рукой попыталась нащупать кролика. Под руку не попался. Пришлось открыть глаза. Обнаружила, что лежит в кровати одетая. Рядом на кресле лежал костюм Деда Мороза. Это что, она вчера Дедом Морозом наряжалась? Она ничего не помнила. Но костюм показался непомерно огромным, не её размер, она бы утонула. Тогда что костюм здесь делает, кто принёс?

В голове шумело. С трудом повернулась на другой бок и уткнулась в сопящего Юрку, который спал, обнимая её кролика. Удивлённо обозначила вслух этот факт:

— Юуурка... — просияла, — за мной приехал?

Но тут же нахмурилась. Это она уже проходила. Порой ждала родных в гости домой, надеялась, вот сейчас выговорится, расскажет, как жила без них — была готова всю ночь с ними проболтать. Но брат по приезде почти сразу убегал к друзьям, не всегда возвращаясь к ночи. Папа задавал ей вопросы, но не успевал выслушать, мама раньше вносила предложения по их культурной программе, чтобы ни один день не пропал даром. Конечно, разговор за столом не умолкал, им так хотелось, чтобы она всё знала об их жизни: как они скучают без неё и любят. Ирине казалось, что они наслаждаются домом, дышат его воздухом и именно к нему приехали в гости, а не к ней, и она замолкала.

— Юрка, а ты ко мне приехал? Или на праздник?

Ирина долго смотрела на сладкую парочку: Юрку с кроликом, пытаясь пробудить воспоминания о вчерашнем вечере, но они представали смутно: на миг вспыхивали картинки, которые тут же замещались другими, как в детском калейдоскопе, которые хоть и были яркими, но не имели никакого отношения к её жизни, как огоньки на ёлке.

Ирину терзал вопрос: будить или не будить? Потихоньку потащила кролика из его рук. Юрка проснулся, на автомате вернул игрушку себе, и только тогда открыл глаза и рассмотрел, что отобрал кролика. Смешно хрюкнул и оттолкнул от себя. Ирина приняла, обняла игрушку. Только тогда спросила:

— Как ты меня нашёл?

— Ты на столе в квартире ноутбук оставила.

— А что ты искал у меня?

— Не смеши. Тебя искал. Ты телефон выключила.

— А до этого? Я столько раз тебе звонила.

Юрка мрачно взглянул на неё.

— Ни разу.

Ирина, ещё не совсем придя в себя, с удивлением переваривала сообщённое. Как же она забыла, это она только прикидывала, что скажет ему, когда тот позвонит. Он не звонил, а она часами с ним разговаривала, но так и не подняла трубку. Так если отключить те-

лефон, то тебя начинают искать? Как она раньше не догадалась. А как он узнал, что телефон отключён? Позвонил, что ли? И удовлетворённо воскликнула:

— Ха!

— Ир, ты чего вчера напилась?

— Ты меня бросил.

— Не глупи. Работы было много.

— Сейчас как стукну, чтобы не издевался. Раньше работа не мешала. Ты меня бросил.

Юра с удивлением взглянул на Ирину и крепко обнял.

— Знаешь, у тебя в жизни всё было так правильно, спокойно, показалось, что моя помощь тебе не нужна.

— Это у меня-то спокойно? У меня?

Ирина просто задохнулась от возмущения. Она так старалась никого не тревожить своими проблемами, даже родителям ничего не рассказывала. А все считали, что у неё всё гладко и сладко?

— Ты со всем справлялась сама... — тут Юрий увидел, как на голову несётся знакомый кролик, перехватил его и с облегчением продолжил, — но теперь вижу, тебе без моей помощи никак. Буду рядом.

Ирина оторопело молчала: чтобы тебя окружили заботой и любовью, всего-то и надо было сбежать, отключить телефон, напиться, подраться с Дедом Морозом? Тут она что-то припомнила и притихла: подраться пришлось с двумя. Это что же, рецепт счастья — быть неправильной и беспомощной? Эх, знать бы раньше, она бы такой мишуры на себя навертела...

— Юр, а сегодня первый день какого зверя?

— Календари есть восточные, есть славянские, но ведь это всё ерунда. Согласна?

Ирина облегчённо вздохнула. Юрка тоже знал про мишуру.

Дебют

Максим КОВАЛЁВ

ДОРОГА ДО ЗВЁЗД

* * *

Мы маялись на тесных боковых,
Разбросанные порознь по вагону,
Под детский не кончающийся гомон.
«И не было счастливее двоих», —

Об авторе

Максим Валерьевич Ковалёв родился 22 марта 1996 года в Брянске.

Выпускник и аспирант Брянского государственного технического университета. Руководитель литературного клуба БГТУ «Экватор».

Трижды (2016, 2018, 2019) становился победителем Брянского межвузовского конкурса поэзии.

Член Международного союза писателей и мастеров искусств.

Участник Брянского областного литературного объединения.

Лауреат Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (2018), III Всероссийского конкурса молодых поэтов «Зелёный листок» (2019), V Межрегионального молодёжного поэтического фестиваля «Великий праздник молодости чудной» (Овстуг, 2019).

Публиковался в сборниках «Город хороших людей» (Стародуб), «Горю Поэзии огнем», «Берега Дружбы» и других.

Так думал я в короткие часы,
Когда мы у окна объединялись,
И у тебя в глазах отображались
Пейзажи среднерусской полосы.

* * *

На серую осеннюю хандру,
На серию просроченных заданий,
На комнату, озябшую к утру,
На скомканность замолчанных свиданий,

Наигранно-наивно, напоказ,
На иглы вакцинации от гриппа,
На десять лет, ушедшие от нас,
Снег выпал.

Лето на «Т»

Тверь, Таганрог, Таврида!
Лето на «Т» моё:
Верхневолжские виды,
Ростовских полей жнивьё,

Крымский закат бездонный,
Чаек седой оркестр,
Пена скрывает волны,
Словно фата — невест.

Встану, раскинув руки,
Твёрдо, как буква Твердь.
Родины милой звуки
Сердцем я буду петь.

Радуга

Уставший город едет по домам.
Рабочий день оканчивает солнце.
Закатный свет потоком тёплым льётся:
Он омывает стопы фонарям,

Натруженным опорам длинных арок
Моста, что перегнулся как гимнаст,
Соединив потоки встречных трасс,
Как руки горячо влюблённым парам.

Под ним, соединясь в одной горсти,
Как любящие пальцы, также тесно,
С собою увлекают в неизвестность
Дорог железных гулкие пути.

И где-то там, в рыжеющей дали,
К недоуменью вящему всех прочих
Пути, презрев, что завтра день рабочий,
На небо поднимаются с земли!

Для этого, не мало и не много,
Похожий, но другой им служит мост,
И по нему, наверное, до звёзд
Теперь идёт железная дорога!

А я смотрю с обычного моста
На радужный, и каждой сердца частью
Иду вперёд и вверх дорогой счастья
До станции с названием «Мечта».

Волонтёр

Растёт у каждой мамы волонтёр,
Готовый ей «помочь» в любой работе:
Гвоздём в любви признаться на капоте;
Пролив остатки чая на ковёр,

Своей рубашкой вытереть все пятна;
Скормить коту котлеты на обед;
«Прикончить» вазу: «Я хотел букет
Расправить… чтоб тебе… чтобы приятно!»

Причёску сделать, выдрав клок волос
На самом видном месте, и помадой
Намазать губы. Что еще там надо?
Ах да, конечно, шею, щёки, нос…

Готовит мама — место волонтёру!
Ну как на кухне маме не помочь:
Муку рассыпать, тесто уволочь,
А после руки вытереть о штору…

Но как бы ни пришлось вам попотеть,
Преодолев последствия событий,
Желание помочь не загубите!
Не отвергайте помощь от детей!

* * *

Я не знал, что такое счастье.
Я с тобою его постиг —
Как дышать глубоко и часто,
Каждый вздох делить на двоих.

Как случилось, что между наших
Прижатых друг к другу щёк
Вкрались толпы многоэтажек
И морей равнодушный шёлк?

Я не вижу твою улыбку,
Только я на неё молюсь.
И молитвою в сон мой зыбкий
Я тебя заманить стремлюсь.

Если встречу, смогу ли снова
Угодить в этот сладкий плен?
Я не брал с тебя верного слова,
Не давал своего взамен,

Только нет ни минуты грешной,
Чтоб не думалось о тебе.
Я прошу лишь, не ставь поспешно,
Точки в нашей с тобой судьбе!

* * *

В саду созрели яблоки. По кругу
Летит Земля в космической тиши.
Медведи любят фрукты и друг другу
Их складывают в звездные ковши.

А я смотрю на это безобразье —
Не жалко! Но не мытые же ведь!
Так может заболеть живот от грязи,
Пусть даже ты космический медведь.

Я им кричу: «Сходите к Водолею!
Помойте угощение моё.
Под южным небом, может быть, вы с нею
Увидитесь. А встретите её,

Отдайте ей одно из этих яблок
Пусть вспомнит их греховно-сладкий вкус…
Быть может, и она уже озябла,
Под равнодушным светом звёздных люстр».

* * *

Как выглядит счастье, и где его место?
Быть может, оно, как пушистый котёнок,
Когтистою лапкой нам машет из детства,
Скрываясь в копне лоскутов и пелёнок?

Быть может, оно в безупречной победе
Над всеми и каждым соперником в мире?
А может на стареньком велосипеде
Несётся под горку в безоблачной шири?

Быть может, оно на последней ступеньке
Высокой карьерной лестницы шаткой?
А может быть, встало на четвереньки,
Играя с маленькой дочкой в «лошадку»?

Танец на асфальте

Всё это быль, а может небыль…
Лотошник разложил на небе
Куски огромной сладкой ваты,
Что были тучами когда-то.
Теперь от края и до края
Они лежат и нежно тают.
А там под ними шумный город
Поток машин по венам гонит.
И все спешат, не замечая,

Что, испещрённые ручьями,
Снега худеют до полудня
По выходным и даже будням.
И все стоят у светофора,
Не прерывая разговора,
Стучат в такт мыслям своим хмурым
По телефонам и бордюрам.
Зелёный — словно выстрел старта
Зимой обиженного марта.
И двое первых пешеходов,
Лоб в лоб идут по переходу
Навстречу, как в кино Феллини,
Но замирают в середине,
Чтоб через миг безумным танцем
Там, на виду у всех, взорваться
И зацепить осколком счастья
К происходящему причастных.
Они танцуют на асфальте
В обласканном весною марте.
Пока для них горит зелёный,
В их танец по уши влюблённый.
За пятых две одной лишь части,
Которых шестьдесят у часа,
Они прожить успеют жизни.
Путь от рождения до тризны
В одну поместится дорожку.
Протянет вату им лотошник.
Они живут на этом свете,
Пока над ними солнце светит,
Рукоплеская этим танцам
Фонтанами протуберанцев;
Пока прохожие их вольность
Обходят с видом недовольным,
Пока гудят в недоуменье

Автомобильные мигрени,
Пока не закричит зелёный,
До исступленья доведённый;
Пока не подкрадётся красный,
К их смыслу жизни безучастный.
Они метнутся к тротуарам,
На время разрывая пару,
На время размыкая руки.
Для них нет хуже этой муки:
Зеленый свет дождаться надо!
Другие — как два круга ада.
Но нет преград для их порыва,
Не избежать второго взрыва!
Друг другу бросятся навстречу,
Коснутся пальцы, руки, плечи.
И это снова повторится,
Пока не заберет полиция
Двух нарушителей порядка
Бежать по жизни без оглядки.
Но даже этого им мало —
Ведь им так солнца не хватало,
Ведь им так не хватало ваты!
Они ни в чём не виноваты!
Они улыбками на лицах
Хотели с миром поделиться!
Хотели на асфальте влажном
Сказать, что им казалось важным:
Спешите жить и наслаждаться
Весною, солнцем, глупым танцем!
Спешите просто жить на свете,
А не спешить всю жизнь за этим!

Дебют

Анастасия ***ВОРОНИЧЕВА***

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

* * *

В круговороте волшебства
Неясны тени наших судеб;
А может, в мир приходят люди
Затем, чтоб в мир пришли слова?

Об авторе

Анастасия Олеговна Вороничева родилась 8 октября 1990 года. Стипендиатка имени П. Л. Проскурина Правительства Брянской области. Участница литературного объединения при Брянской областной писательской организации Союза писателей России. В 2018 году стала лауреатом II степени международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «БЕРЕГА ДРУЖБЫ», а в 2019 г. — обладательницей гран-при этого фестиваля. Также 2019 году вышла в финал Всероссийского конкурса молодых поэтов «Зелёный листок» и лауреатом I степени Международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба» в номинации «Поэзия», заняла 1-е место в творческом конкурсе в рамках V Межрегионального молодёжного поэтического фестиваля «Великий праздник молодости чудной» в номинации «Лирическое стихотворение» и 2-е место в IX Международном литературном конкурсе, посвященном памяти писателя Константина Симонова и 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, в номинации «Поэзия» (возрастная категория — от 18 до 35 лет). Член Международного союза писателей и мастеров искусств, кандидат филологических наук. Живёт и работает в Брянске.

Пусть много боли в нём и бед,
Но как чиста его основа!
Всё, что вначале было Словом,
Вновь в слово превратит поэт.

В новом 45-м

Метались пули, заунывно воя,
А всё ж счастливый грезился исход.
Но после боя нас осталось двое.
Всего лишь двое — я и Новый Год.

Казалось, сам приход его преступен,
И то, что я живой, — нехорошо.
И я уверен был: он не наступит!
Но он зачем-то всё-таки пришёл.

Как новая эпоха, как мессия,
Как смертный приговор самой войне,
Он был велик, огромен, но бессилен
Вернуть друзей, в бою погибших, мне.

Когда во сне приходят те ребята,
Я рвусь к ним, словно к свету мотылёк…
Они — в раю, я — в новом сорок пятом,
И кажется, что май, как рай, далёк.

* * *

Все заблуждения ума,
Все знаки, поданные свыше,
Всё! — даже то, что ненавижу,
Я прежде выбрала сама.

И беспросветные года,
Как тени, павшие на солнце,
И мой талант канатоходца —
Из прошлой жизни щедрый дар;

Земное мужество и страсть,
И боль, и смех «в одном флаконе»,
И одиночество — такое,
Что хочется порой упасть…

Но темнота и пустота —
Лишь декорации в той драме,
Где радугою меж мирами
Сверкнёт в финале красота.

* * *

Прогореть безрассудно и быстро —
Это тоже, наверное, дар.
Если в сердце есть божия искра,
Неизбежен в том сердце пожар.

Ну а в жизни всё так же, как прежде,
Сколько бы ни сменилось веков, —
Угасающий лучик надежды,
Оглушающий грохот оков,

И костёр, уносящийся в небо,
Уносящий на небо с собой,
И в толпе — те, кто сжёг и кто предал,
И в душе — неземная любовь,

На земле потерявшая пристань
И обретшая волю навек...
Если в сердце есть божия искра,
Не минует костра человек!

* * *

В тот день зима над нами колдовала,
И сны, и явь сплетая в ворожбе,
Спеша весь мир накрыть девятым валом
И лестницу, ведущую к тебе.

И в снежном море, будто в зыбкой пене,
Я шла на ощупь, словно в темноте,
И волнами казались мне ступени,
Но я дошла бы даже по воде.

Всё было белым, будто бы бумажным,
И вьюга, стихнув, плакала опять,
Но было в ней первостепенно важно
Нам — встретиться, а миру — устоять.

Увековечить ставшее непрочным
И, если не погаснем в суете,
Успеть оставить на бумаге строчки —
Ступеньку за ступенькой в пустоте.

* * *

Лучи закатные горят,
Меж сном и явью грань условна.
Я примеряю осень, словно
Недавно купленный наряд.

А платья летние грустят
На вешалках, как на вопросах,
И сквозь грядущего набросок
Миры далёкие блестят.

А листья павшие пестры.
Они — как письма без ответа,

Что, уходя, послало лето.
Но вот уже зажглись костры,

Чтоб сжечь последние мосты
Меж новой жизнью и минувшей,
Как Атлантида, затонувшей
Среди осенней суеты.

Колокол

Сколько б горя ни было на свете,
Музыкой небес из-под воды
Колокол, поющий о бессмертье,
Не одно столетие звонит.

Вестник золотого Китеж-града,
Что нас ожидает впереди?
Космос ли? Война? Олимпиада?..
Где ещё нам нужно победить?

Сколько нужно наших сил и крови?
Мы готовы — только дай нам знак!
Не бывать России без героев,
А герои могут только так —

До последней капли, до предела —
Чтоб, в глубинах больше не таясь,
Воссияла русская идея,
И чтоб с небом возродилась связь!

* * *

Она найдёт кратчайший из путей,
Придёт из ниоткуда — прямо в сердце.
Упряма, словно тысяча чертей,
Немыслима, как муки страстотерпца.

Пусть этот мир окажется жесток,
А сердце — твёрже и прочней базальта,
Любовь — отнюдь не комнатный цветок,
Она всегда — росток из-под асфальта.

И хоть «вовеки не перестаёт»,
Но может ненадолго затаиться.
Ей нужен тот, кто за неё умрёт —
Она пойдёт на всё, чтоб воплотиться!

* * *

Когда замучает бессонница
Своей полночною игрой,
То столько иногда припомнится,
Что вспомнишь сам себя порой.

А за окном всё так же буднично
Чернеет горизонта шов,
И вновь глядят на небе сумрачном
Глаза того, кто не пришёл.

И, видно, из-за них сбивается
Астрологический прогноз —
Когда так явно не сбывается,
Смешно становится до слёз!

Но манит новыми надеждами
Неблизкий и неясный путь,
И завтра будет всё по-прежнему.
И я влюблюсь… в кого-нибудь.

* * *

Пусть всё, о чём мечталось мне,
Однажды чем-то отзовётся —
Нежданно выглянувшим солнцем,
Случайной помощью извне…

И, невозможного ища,
Я свыкнусь с жизнью понемногу,
Чтоб непрерывность диалога
Сияла в будничных вещах.

Пусть вечность говорит со мной
И не смолкает в мире этом,
И мой роман с нездешним светом
Продолжится в любви земной.

Исповедь Снежной Королевы

Сквозь снежинок лёгкое кружение
Равнодушно я смотрю на вас.
Может, вы искали утешения
В северном сиянье моих глаз?

Все обиды, все людские подлости
В ледяном я сердце берегу.
Не смешно ль винить меня в жестокости,
Будто я другою быть могу?

А когда я воскрешаю в памяти
Обречённых мною замерзать,
Что всегда я вспоминаю, знаете?
Только Кая карие глаза.

Как, темнея, в глубине их плавилось
То, что неподвластно даже льдам,

Как под жарким взглядом тем измаялось
Сердце, что не тает никогда.

Славен путь загубленных без повода,
От любви замёрзших сгоряча...
Знаете, как им на свете холодно —
Светлым и горячим, как свеча?..

Вы дрожите под февральской вьюгою.
Знаю, не хотите замерзать...
Что ж, идите. Вижу, что напуганы.
Может быть, найдёте путь назад...

И запомните, пока вы молоды,
Мой совет на долгие года:
Будьте ледяными — так не холодно!..
Потому что холодно всегда.

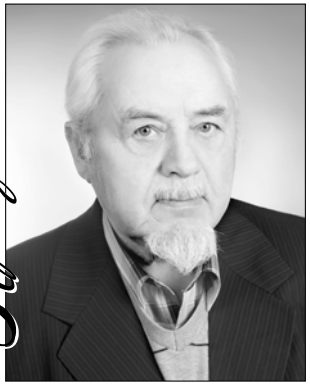
* * *

Всходит зимнее солнце несмело.
Может быть, никогда не любя,
Я полжизни придумать сумела —
Я боюсь лишь придумать тебя;

Замечтавшись, расслышать неточно
Зазвучавший мотив вдалеке.
Ты пока — только первая строчка
Новой песни, не петой никем.

Пусть удача порою капризна,
Пусть не видно дороги сквозь снег,
Может, ты — первый вдох новой жизни,
Не ступавшей на землю вовек.

Проза



Эдуард КИРЕЕВ

Уроки жизни

Всё было в жизни Валерки как всегда: поел, чем мамка найдёт накормить, и иди гуляй потом хоть целый день во дворе или на улице, пока не пришёл вчера вечером к ним сосед дядя Саша и не поинтересовался у матери, почему Валерка не ходит в школу. Учебный год начался, в школе занятия идут. Все дети сидят за партой, учатся, и лишь только один Валерка целыми днями бегает во дворе, пропускает уроки. Вот и попросила учительница зайти узнать причину отсутствия ребёнка в школе.

Дядя Саша — инвалид. Война отняла у него одну ногу по самое колено. Теперь её заменяет деревянный протез.

Живёт дядя Саша в старом, чудом уцелевшем от бомбёжек и пожаров, бараке. В том же бараке, в котором живут и Валерка с матерью, — только вход в его квартиру с другого крыльца.

Об авторе

Эдуард Павлович Киреев родился 6 августа 1938 года в Брянске.

Работал каменщиком на стройках родного города, трактористом-комбайнёром в Западном Казахстане, машинистом компрессорных установок АО «Кремний». Перед выходом на пенсию трудился на АО БМЗ.

Автор книги рассказов «Дедовы байки» и «Мозаика жизни».

Член Союза писателей России.

Проза публиковалась в альманахе «Литературный Брянск», «На земле Бояна», «Венецианская мозаика».

Услышав о том, что открыли школу, мать даже удивилась, откуда? Ведь всё вокруг разбито. Какая тут может быть школа? И про то, что её сына записали в первый класс, по правде сказать, она тоже впервые услышала от дяди Саши. До этого разговора она даже и не задумывалась о том, что её сын уже вырос и ему надо учиться. Она считала, что её Валерик для школы ещё не дорос: мал. Боялась, что сына, из-за его маленького роста, все там будут обижать. А ростом Валерка, и правда, не вышел — больно уж не по годам был мелок. К тому же мальчик он был тихий, не драчливый, правда, непоседа. Минуты лишней спокойно не посидит. «Куда ему? — думала. Пусть ещё годик погуляет, а там, глядишь, и подрастёт». К тому же, где ей было думать о каких-то там карандашах да тетрадках? И так приходилось на всём экономить — лишней копейки в кармане днём с огнём не отыщешь. Иногда не знала даже, на что хлеба купить, как карточки отоварить. Много ли мытьём полов на вокзале заработаешь? Вот и думай теперь, в чём отправлять сына в школу? Ни штанов нет, ни ботинок. Босиком-то не побежишь — осень на дворе. Ничего того, что необходимо для школы, у него нет. Да и желания учиться у Валерки пока нет. Да и откуда оно будет, кто его мог подготовить к школе? Сама ни читать, ни писать не умеет, а соседям не до него — своих забот по горло.

Да и школы-то как таковой ещё не было. Прошёл всего лишь год, как город освободили от фашистов. И вот теперь уже, оказывается, и здание под школу отвели. Хотя что это за здание? Проходила не раз мимо, видела — одно название.

Каменная коробка с пустыми глазницами оконных проёмов со следами копоти от пожара на стенах: ни окошек, ни дверей. Хорошо, хоть у этого здания стены крепкие оказались — сохранились. Да и где в разрушенном городе найдёшь лучше? Во всей Бежице ни одного приличного здания не уцелело, куда ни глянь — одни развалины! Всё фашисты, уходя из города, пожгли-порушили. Во время оккупации в этом доме у немцев располагалась школа подготовки диверсантов, которых готовили из числа пленных красноармейцев-азиатов для борьбы с партизанами. Перед тем, как покинуть город, фашисты курсантов вывезли, а дом изнутри подожгли, уничтожая за собой следы своей

деятельности. Сгорело всё, что только могло гореть, — до основания. Ну а что не сгорело — растащили жители соседних домов. Теперь здание предстояло восстанавливать.

«Это ничего, — говорил дядя Саша, — время придёт — всё восстановим, всё будет! Что, ноги нет? Тут уж, брат, ничего не поделаешь. Работать и без ноги можно. Главное — голова цела и руки на месте. Вот они! А моим рукам в школе сейчас работы непочатый край — только успевай, поворачивайся!..» По рассказам дяди Саши, до войны он тоже работал в школе, и теперь, вернувшись после лечения из госпиталя домой, сразу же пошёл и устроился работать в школу.

На следующий день, уже с утра, Валерка начал действовать на нервы матери своими слезами и нытьём. Он ходил за ней по пятам и ныл, и ныл, не переставая:

— Мамка, не хочу в школу, не хочу! Не хочу и не пойду! Что я там забыл? Чем и на чём я буду в школе писать?

Наконец мать не выдержала… Посмотрев на зарёванное лицо сына, и, чтобы только прекратить его нытьё, которым он её уже вконец извёл, она подошла к стене, в сердцах оторвала болтавшийся кусок обоев и подала:

— На! Вот тебе бумага. На ней и будешь писать, а другой у меня нет!

Размазывая по щекам кулаками слёзы, Валерка ещё больше залился слезами.

В комнату без стука вошёл дядя Саша.

— Это что за рёв, рёвушка-коровушка? Опять, оголец, с мамкой воюешь? Чего лицо такое зарёванное? В школу собираешься или так и дальше в прогульщиках будешь числиться? Идёшь? Это — хорошо! А это что у тебя? — увидев в руках Валерки свёрнутый в трубочку кусок обоев, который тот прижимал к груди, спросил дядя Саша. — Никак бумагой для школы разжились?

Он осторожно, чтобы невзначай не обидеть ребёнка, пощупал уголок обоев.

— Ну молодца! Годится! Писать можно! А чем писать будешь, карандаш есть?

Дядя Саша смотрел на мальчишку, истощённого постоянным недоеданием, которому из-за его роста можно было от силы дать не больше пяти, но успевшему хлебнуть уже столько горя, сколько иному взрослому за всю жизнь не увидеть, не испытать. Своими детскими глазами он не раз видел огни пожаров и расстрелы, трупы людей и животных, испытал страх во время бомбёжки, пережил с матерью заточение в немецком концлагере, из которого им чудом удалось бежать и тем самым спастись от смерти, видел смерть и жил с нею рядом в обнимку.

Немцы и полицаи отыскивали среди находящихся в лагере детей мальчиков, отбирали их у матерей и отправляли в Германию. Чтобы спасти мальчишку, женщины, заключённые в концлагере, забрали его у матери, на руках которой ещё была семимесячная дочь, и спрятали, надев на него платье девочки. Когда немцы устраивали поиски очередной жертвы, женщины, чтобы скрыть его от облавы, накрывали ребёнка разным тряпьём или прятали в своих юбках.

От недостатка пищи сестрёнка заболела и умерла прямо на руках матери, а он настолько ослабел, что не мог даже открывать рот. И чтобы накормить ослабевшего ребёнка, женщины вылавливали из баланды, которой кормили их в лагере, кусочки брюквы или волокна капусты, разжёвывали и эти жёвки пальцем заталкивали ему в рот.

Постепенно, не видя рядом матери, он стал забывать её лицо. Вокруг него были только одни женщины, и все они были похожи друг на друга: худые и страшные. Но страшнее всего было то, неизвестное, которым его пугали. Когда он начинал плакать, они успокаивали его: «Молчи, молчи, а то услышит «капо», придет, заберёт тебя и застрелит!» Он не знал кто или что это — «капо»? Он думал, что это тётя Капа, которую он знал. Но она ведь хорошая — она тоже его прятала. И всё удивлялся: зачем же ей нужно его застреливать? Другие же тёти не убивают его? Из лагеря им чудом удалось бежать и спастись от смерти.

И вот теперь этот мальчишка, обрёчённый войною на смерть, жизнь которого, порою рискуя, чудом удалось спасти из лап смерти полуголодным женщинам, обречёнными на смерть, сегодня впервые идёт в школу. У него нет тетрадки, но он согласен писать даже на старых обоях. У него нет ботинок, но он готов идти босой. Дядя

Саша улыбнулся. Но улыбка на его губах была какой-то горькой, вымученной:

— Ну, сосед, поздравляю тебя с первым учебным днём! По такому случаю у меня для тебя и подарок есть: держи-ка, вот! — и он подал Валерке половинку остро заточенного химического карандаша. — Главное, сынок, не переживай. Вот война, я думаю, скоро закончится, всё у нас тогда будет: и карандаши, и тетрадки, и буквари. И школа новая будет с партами и чернильницами — потерпеть только надо. Понял? Через школу большая дорога теперь перед тобой открывается. Выучишься — глядишь, большим человеком станешь!.. Ну, ладно — иди, учись!

— Ой, сосед! — прервала его мать. — Вот чему ты его наставляешь? Какая ему сейчас школа? Какая ему сейчас дорога? Ты же знаешь, как он сильно болел. Всю весну и почти всё лето провёл в постели. Да он же ещё до сих пор как следует не оклемался. Только-только силу стал набирать. Ветерок чуть подует, так он даже от него качается, а вы его — сразу в школу. В чём прикажете ему идти? Ему и идти-то туда не в чем. Ни на ноги, ни на плечи. Да и с чем ему идти учиться, если нет ни тетрадки, ни карандаша, ни букваря?

— Ничего, соседка, пока на дворе бабье лето, погода тёплая — первое время и босиком побегает. А там, глядишь, чего-нибудь для него сообразим. Да, вот ещё что, чуть не забыл: сидеть-то в классах сейчас пока не на чем, а стоять ему будет тяжело, так что, если в доме найдётся какая-никакая сидушка — скамеечка там или табуретка — пусть возьмёт, — дядя Саша потрепал рукой Валерку по волосам. — Да и постричься ему не помешало бы — ишь, как зарос!.. Не куда-нибудь — в школу идёт!

В школе за длинными, грубо сколоченными столами сидели дети разных возрастов, и их в классе было много.

Старенькая учительница, увидев, что сидеть мальчику будет не на чем (пришёл-то он без табуретки, да и не донёс бы Валерка её до школы — силёнок бы не хватило), подставила к столу свой стул, усадила на него Валерку.

— Сидеть, мальчик, будешь здесь — это теперь твоё место! У тебя есть на чём и чем писать?..

Валерка, молча, кивнул головой и достал свой рулончик обоев и карандаш. Учительница посмотрела на пёстрый рисунок обоев с пятнами следов от клопов, и горькая улыбка отразилась на её губах. Она подошла к своему столу, взяла из стопки несколько тетрадок, подошла к Валерке и положила их перед ним на стол:

— Вот тебе тетради. В этой ты будешь писать, в этой — решать примеры и задачки. Эта — для чистописания! Твои товарищи за эту неделю, которую ты пропустил, уже далеко ушли. Теперь тебе придётся их догонять. А сейчас — вот тебе на сегодня задание, — она открыла тетрадь, взяла карандаш и вывела на её страничке между двух полосок какие-то закорючки, а на других полосках прямые чёрточки. — Ну, вот! Теперь бери в руку карандаш и постарайся сам написать. Не спеши — старайся!

Валерка взял карандаш и попробовал нарисовать такую же закорючку. Вышло что-то похожее на засушенного скрюченного червячка. Но вроде бы что-то же получилось, если учесть, что он впервые в своей жизни держал в руке карандаш. Он нарисовал второй крючочек, третий. Эти получились уже лучше, хотя и были всё такими же уродливыми загогулинами и нисколько не походили на те, которые ему нарисовала учительница. Увлёкшись, высунув от усердия кончик языка, он, не торопясь, послюнив кончик карандаша, выводил крючок за крючком.

Учительница стояла у стола и что-то объясняла классу, потом взяла со стола книгу и стала читать:

— Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невесёлая дорога…
Эй! Садись ко мне, дружок!
Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь…
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славный путь.

Гул в классе сразу затих, только слышался её голос. Валерка, невольно прислушиваясь к её голосу, замер. Ему показалось, что это она

говорит о нём. Ну правильно! Он же пришёл в школу босой, и рубашка старенькая и штаны на нём с заплаткой.

А голос учительницы креп, её слова сами просились Валерке в уши.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идёшь…
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

«А вот и неправда, никакого батьки у меня нет. Мамка рассказывала — папку немцы застрелили — он был партизан… »

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаёк.

«А это что ещё за дьячиха? Не знаю ни какой дьячихи… »

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадёшь!
Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик…

И тут зазвенел звонок. Валерка вздрогнул. Он словно очнулся. Звонок вернул его в класс. Дети за столами зашевелились. Учительница постучала ладонью по столу:

— Тихо, тихо! Что за шум в классе? Урок ещё не закончен. Звонок для учителя, а не для учеников. Разве вам не понравилось стихотворение Николая Алексеевича Некрасова?

И тут Валерка не выдержал, он вскочил из-за стола:

— Понравилось!

Ребята повернулись в его сторону, но, увидев его фиолетовые губы и язык, вымазанные чернильным карандашом, дружно засмея-

лись. Валерка, не поняв причины их смеха, покраснел, опустил голову и сел на место.

— Это хорошо, что тебе понравилось, только зачем же так кричать. На следующем уроке мы дочитаем, а теперь идите на перемену — отдыхайте!

Она подошла к Валерке и подала ему карандаш.

— Вот тебе карандаш, писать будешь им, а свой отнесёшь домой, отдашь матери. А теперь пойди умойся. Ребята покажут, где.

На уроке арифметики Валерка полностью оконфузился перед классом. Выяснилось, что он не только совершенно не знает счёта, но даже не знает цифр. Другие ребята-первоклашки из его класса уже до ста могли считать, а он не смог даже пальцы сосчитать на своих руках. Один, два, четыре и сразу — шесть, чем вновь вызвал смех в классе.

Из школы Валерка возвращался хмурый, с заплаканным лицом. После уроков ребята стали дразнить его и толкать, чем довели до слёз. Бережно прижимая к груди тетрадки, он, вспоминая насмешки ребят, обиженно всхлипывал. Плохие ребята, а учительница — хорошая, добрая. Вот и тетрадки ему дала и карандаш, и от насмешек ребят защитила, и показала, как надо рисовать эти палочки и крючочки.

Подходя к дому, он увидел соседа Николая Петровича. Правда, так его никто из соседей по бараку не называл. Просто — Коля или Николай. А слушая, как зовут его взрослые, за ними повторяли и дети, к которым он тоже относился всегда хорошо. В бараке Николай появился недавно, сразу следом за дядей Сашей. После тяжёлого ранения и долгого лечения в госпитале из армии его демобилизовали, и он вернулся домой. Жил один — родители погибли во время бомбёжки, ходил с трудом, опираясь на костыли. Ноги, руки, лицо — всё у него было побито, посечено осколками мины. Но за весёлый нрав, за доброе отношение к соседям, готовность всегда прийти на помощь женщины и дети тоже относились к нему с уважением и старались хоть как-то облегчить ему жизнь. Николаю было лет девятнадцать-двадцать, по Валеркиным понятиям он был уже старый. Сидя на их крылечке, Николай что-то строгал ножиком. Не доходя до него, Валерка остановился и стал тщательно вытирать лицо от слёз, совершенно позабыв,

что, уходя из школы, он из любопытства сунул палец к соседу в чернильницу, и теперь чернила с пальца размазались на его заплаканном лице. Увидев Валерку, Николай заулыбался.

— Ха! Ты откуда, пацан? Что сопишь? Или язык проглотил? А это что у тебя в руках, никак тетрадки? Да уж не из школы ли ты идёшь? Хотя, чего я спрашиваю, и так всё видно: вон, всё лицо в чернилах…

— Ну! — Валерка насупился, ожидая какой-нибудь насмешки от Николая, шмыгнул носом.

— Ну-ну, что ты разнукался? Я ж к тебе по-хорошему. Садись-ка вот рядышком. Расскажи, как там у вас в школе? Чему тебя там сегодня научила?

— Да, так, — Валерке совершенно не хотелось рассказывать дядьке ничего о школе. Да и что рассказывать? Он ведь и сам ещё толком ничего не понял в этой школе.

— Вот, я рисовал, — он раскрыл тетрадку…

Николай заглянул в тетрадь и, увидев на странице написанные вкривь и вкось какие-то закорючки, а рядом падающие друг на друга кривые палочки, хмыкнул:

— И всё?

Валерка кивнул головой.

— Да, не густо! Что ж, для первого раза сгодится. Без этих крючочков и палочек никакая наука не начинается — тут уж ничего не поделаешь. Придётся и тебе, дружок, с этого начинать. Ну, а курить? Курить тебя в школе ещё не научили?

Валерка удивлённо уставился на него:

— Нее…

— Вот прохиндеи! Значит, самого-то главного тебе и не показали, и ничему, выходит, тебя сегодня не научили. Считай, первый твой день в школе прошёл даром. А как же ты без этого дальше думаешь жить? Ну, ничего, мы это дело сейчас мигом исправим. Садись вот тут, рядом — сейчас мы с тобой покурим. Держи-ка газетку, теперь сыпнём на неё табачку, и начнём вот так заворачивать. Учись… Теперь лизни бумажку языком. Всё, цигарка готова. А то, может, тебе «козью ножку» свернуть? — Николай ловко свернул клочок газеты, насыпал в неё табак, перегнул.

Получилось, действительно, как трубочка. — Вот, осталось только прикурить, — он поднёс огонёк зажигалки к трубочке, затянулся и выпустил дым. Изо рта вверх полетели белые колечки. — Держи, теперь ты. Да не бойся! Набери дым в рот, вдохни в себя и скажи: «Бабка печку не топила — дым не шёл, бабка печку затопила — дым пошёл». Скажешь и выпусти дым изо рта. Иначе, если не затянешься и не скажешь — тогда это получится как бы и не курил, как бы понарошку, не всерьёз.

Валерка послушно взял зажжённую цигарку в губы и втянул в себя дым. В горле и в груди словно обожгло огнём. Дыхание перехватило. Из глаз брызнули слезы, и Валерка зашёлся в сильнейшем кашле. Изо рта текли тягучие слюни. Его стало тошнить. Валерке казалось, что рвота вывернет его наизнанку. Он бросил цигарку, упал на пожухлую осеннюю траву и, откашлявшись, заревел.

Услышав плач сына, на крыльцо выскочила мать. Увидев хохочущего Николая и лежащего на траве с позеленевшим лицом Валерку, она сразу догадалась, в чём дело.

— Ты что удумал, Николай? Ты в своём уме? Или на войне тебе ум совсем отшибло? Ты что же, видишь, он и так еле живой, а ты его ещё и курить приучаешь. Сейчас вот возьму коромысло, да так по твоей дурной башке похожу! На всю жизнь запомнишь. Удумал же, чему ребёнка учить!

— Да что ты, Марусь, расходилась? — Николай, продолжая смеяться, на всякий случай отодвинулся подальше от разгневанной соседки. — Ну, подумаешь, печаль — один раз затянулся! Зато в следующий раз его и колом не заставишь курить. Он уже понял, как это бывает. Какая это гадость — табак! Возможно, после этой своей первой затяжки сын твой никогда больше не закурит. Она ему всю жизнь теперь будет сниться. Поверь моему слову — вот увидишь.

Мать подняла Валерку, хлопнула полотенцем по спине.

— А ну домой бегом, курильщик! Посмотри на свои руки, на лицо — на кого ты похож? Ты что, в чернильницу нырял с головой? Марш умываться!

Учёба в школе Валерке давалась с трудом. Из класса в класс тянулся на «троечках» — сказывались голодные годы детства. Шли годы. Ва-

лерка с матерью перебрались на жительство в посёлок Сельцо. Новая школа, новые товарищи, новые учителя…

Тяга к небу у него проявилась где-то в восьмом классе. Однажды к ним в класс пришёл лётчик и стал рассказывать ребятам о небе, о самолётах, о парашютах. А после пригласил желающих записаться в аэроклуб. И Валерка загорелся. Слушая его, он уже мысленно видел себя в кабине самолёта и первым из класса попросил записать его в аэроклуб. Но тут выяснилось, что «троечников» не принимают. С этого дня Валерка засел за учебники.

Он всё же поступил в аэроклуб на лётное отделение. После занятий в школе он почти каждый день отправлялся пешком на аэродром, который находился за пять километров от их посёлка. Он усиленно постигал лётную науку. Любовь к небу у него проявилась с первых полётов. К тому времени, когда начались полёты, в школе у него были оценки не ниже «хорошо», а в аэроклубе по всем предметам только — «отлично».

После окончания школы и с дипломом аэроклуба Валерка поехал поступать в лётное училище — и поступил. Окончив Качинское лётное училище с отличием, Валерка стал военным лётчиком. Но служба его длилась не долго. В 1960 году, согласно приказу Министерства обороны о сокращении войск, из авиации был демобилизован. Вернувшись домой после демобилизации, устроился работать на заводе. И вновь засел за учебники. Окончил с красным дипломом техникум, а через несколько лет — и машиностроительный институт. И вот однажды, уже работая на заводе мастером, он совершенно случайно встретил Николая. За эти годы тот здорово постарел, но не настолько, чтобы Валерка не смог его узнать. Посыпались обычные в таком случае вопросы: «Как ты? Где ты? Как мать? Как соседи? Как семья?»

Разволновавшись от неожиданной встречи, Николай достал из кармана портсигар, раскрыл и протянул папиросы Валерке:

— Перекурим что ли, Валерий Павлович? Угощайся!

Тут-то и выяснилось: многому научила Валерку жизнь, но урока Николая он так и освоил — курить не научился. Видно, для него он оказался самым трудным или просто совершенно не нужным — лишним в его интересной жизни.

Дебют

Евгения
ЛИСОВСКАЯ

СЧАСТЛИВАЯ ДОЛЯ

Цвети же!

Как странница: длинная юбка,
Косыночки пёстрая бязь.
Иду по тропиночке чутко,
Цикорий стоит, наклонясь.

Иду, будто сказку читаю,
Былинно на гуслях бренчу.
Пою и сама замечаю,
Что долго идти так хочу.

Об авторе

Лисовская Евгения Александровна родилась 2 октября 1978 года в д. Старое Колышкино Дубровского района Брянской области. В 1993 году окончила 9 классов Трёхбратской средней школы и поступила в Брянский индустриально-педагогический колледж на отделение учителей начальных классов. В 1997 году начала трудовую деятельность в своей родной школе, продолжив при этом обучение на заочном отделении Брянского государственного университета по специальности «филология». В 2004 году получила высшее педагогическое образование.

Сейчас проживает в п. Сеща, работает учителем в Дубровской вечерней школе.

Ресницы ромашек моргают,
Дырявый кипит зверобой.
И что-то родное ступает,
Идёт по тропинке со мной.

Горячее что-то, большое,
Как солнце, в зените горя,
Живи же, ополье родное!
Цвети же, родная земля!

Рождественское

За окном снега — и опустил
Крылья белые платок устало,
А внутри с мольбою «Отпусти!»
Сердце и рвалось, и трепетало.

И помчалось в снежной кутерьме
Через расстояния и годы,
Через километры непогоды
За звездой к восточной стороне.

Караван в пустыне держит путь,
Жаждет и душа познанья Бога.
Может, эта дальняя дорога —
Нашей жизни подлинная суть…

Человек простой или мудрец —
Всякий, плача в собственной юдоли,
Помышляет о счастливой доле —
Божий глас услышать наконец!

И в пещере среди мглы ночной
Обрести очаг тепла и света,

Истину духовного завета
В простоте житейской и земной.

С пастухами кроткими внимать
Славословью, тайному до срока,
И увидеть, как Звезда Востока
Изливает с неба благодать.

Оттого на радостный призыв
Под святое ангельское пенье
Отпусти же сердце! Отпустив,
Подари Младенцу в день рожденья!

Берегите друг друга!

Берегите друг друга! Любите!
Чтоб никто, ни за что, никогда
В злобе, ненависти, в обиде
Человека в себе не предал!

Красоты не разрушил случайно
В глубине океана души,
Где любви сокровенная тайна
Расплескаться улыбкой спешит!

Никогда, балансируя в страсти,
Совершая по жизни рывок,
Не оставьте того, кто в несчастье,
Кто не выдержал, дальше не смог!

Даже если ваш поезд уходит
И раздался последний гудок,
Не бросайте того, кто сегодня
На перроне судьбы одинок!

Зажигая свечу для молитвы
И мечтая покой обрести,
Жизнь представьте подобием битвы,
Где кого-нибудь нужно спасти!

Берегите друг друга! Любите!
Всё прощайте: обиды и зло,
У души на небесной орбите
Чтобы всё-таки было светло!

Милая, земля моя родная!

Посвящается Н. И. Рыленкову

Милая, земля моя родная!
Тихим светом полнится душа.
Вновь заря, как скатерть расписная,
Напоила щедро из ковша.

В песне белоствольного полесья
Звуки первозданные ловлю.
Понимаешь, я ведь эту песню
Тоже знаю с детства и люблю!

Я ведь также без неё тоскую,
Кланяюсь растущим зеленям.
По любви ли Бог вложил такую
Соль Земли крупицей и в меня.

Но и я уж чувствую дыханье
Времени, стальных его коней.
Оттого ль берёзок трепетанье
Всё дороже сердцу и родней!

И где раньше ты стоял у пашни
И смотрел в лазоревый простор,
Я сегодня светлый день вчерашний
Вышла проводить на косогор.

Оглянулась и, как ты когда-то,
Вдоль межи нескошенной пошла.
А по небу в золоте заката
Тишина вечерняя плыла…

Запах луга

Вышит крестиком духмяным
Сарафан зелёный луга.
Ароматом сладко-пьяным
Кашка жёлтая по кругу.

Медовуху клевер гонит —
В красных пей её бокалах.
Знойный пар дрожит и стонет
На метёлках светлопалых.

Белозубые ромашки,
Как милашки, пахнут светом.
Синих васильков рубашки
Парусятся лёгким ветром.

Волны сока травяного
Наплывают пряным духом…
Лишь бедою горькой снова
От полыни веет сухо.

Всё вполне закономерно,
Очень правильно и верно:
Как и встарь, рубаху с краю
Оберегом вышиваю.

И стежок несёт по кругу
Сладко-горький запах луга…

Пробуждение

Довольно нежиться в постели,
Себя пытаясь обмануть.
Пока дожди, а там — метели
Дела не вынудят свернуть.

Дела, дела — забот теченье.
Так сок берёзовый весной
Струится в юном нетерпенье
На деревянный аналой.

Душа легка и втайне рада,
Ещё, смущённая, дрожит.
Ещё весенняя прохлада
Над сонным лесом ворожит.

Но журавлей летящих стая
Вдруг криком растревожит лес,
И снег, вчерашней грустью тая,
Дождём обрушится с небес.

Падёт в величии и силе
На землю в подвиге труда,
И вновь воскресшая вода
Всё воскресит в застывшем мире.

Так пусть холодные метели
Кружат в решительности злой —
Не спит душа! Её капели
Глаза наполнили весной!

Ветер

Ветер, дружище, меня не печаль
Белой метели стужей.
Флагами ветви качай не качай —
Ты мне шальной не нужен.

Робкого, нежного запаха трав
Я бы ждала, ловила
В поле, где льётся, тебя обуздав,
Ярких лучей лавина.

Но замирает тропинка вдали,
И утихает ветер.
А на душе кричат журавли,
Будто они в ответе,

Что расставания близок миг,
Что холодеет воздух,
Что моё сердце из детских книг
Всё-таки стало взрослым…

Ветер, дружище, а ну, подними,
Белые крылья в небо.
Что ж, до свидания! Ах, журавли,
С вами лететь и мне бы!

* * *

Тишиной отзовётся ночь,
Всколыхнув на душе печаль.
Прогоню её, злую, прочь,
Заварю себе крепкий чай.

Мяты листик пахнул весной,
Только вдруг в тишине шаги…
Может, снова пришли за мной
Мои мысли — мои враги.

Глупой девочкой усмехнусь,
В шорох вслушаюсь за окном
И не палку брошу, а грусть
Псу-охраннику перед сном.

Старый верный мой пёс не спит,
На примятой траве в саду
Что-то нюхает и скулит —
Позову его. Подожду.

У калитки и стёжки там,
Знаю, ёжик, знакомец мой,
Тоже бродит по тем местам,
Где встречалась я с тишиной.

Где блестит под луной роса,
Будто капли небесных слёз,
Будто верящим в чудеса
Кто-то чудо в горсти принёс.

Не страшусь я ночной тоски,
Проливного дождя забот.
Чай остыл… На мои листки
Лёг, мурлыча, пушистый кот.

Валентина БЫКОВА

Васька

Зазвонил будильник. Смородин открыл глаза, но вставать из тёплой постели не хотелось. Немного понежившись, откинув одеяло, он быстро встал. Тело обожгло прохладным воздухом. За окном монотонно пел свою заунывную песню зимний ветер. Смородин быстро оделся и пошел на кухню ставить чайник.

— Света, пора вставать, опоздаешь.

— Миш, ещё пять минуточек, — и Света укрыла нос одеялом.

— Свет, серьёзно, опоздаешь. У тебя урок через час. Что твои ученики скажут, если учитель начнёт опаздывать?

— Хорошо, хорошо, встаю. Поставил чайник?

— Давно.

Смородины жили уже вместе десять лет. И всё бы хорошо, только у них не было детей. Была квартира, обстановка, работа и даже бабушки. А вот малыша не было. Света очень долго переживала эту беду, а потом — то ли привыкла, то ли не хотела расстраивать ни мужа, ни себя, только разговоры о детях в семье возникали всё реже и реже. Да и Миша никогда не касался больной темы.

Смородин подбежал к жене, что-то дожёвывая.

Об авторе

Валентина Анатольевна Быкова родилась 26 ноября 1965 года. Руководитель Новозыбковского литературного объединения «Родник». Живёт в г. Новозыбкове.

— Ну, пока, — чмокнул её в щеку.

— Счастливо.

Возле подъезда он остановился, давая привыкнуть глазам к темноте. Постояв, он быстро пошёл мимо сараев к заводу. До него донёсся жалобный писк. Михаил нагнулся. Возле старого сарая сидел котёнок и тоненько мяукал. Он был такой маленький, что мужчина не сразу его увидел.

— Что, друг, потерялся? — спросил он, гладя маленькое тельце. Котёнок, почувствовав тепло руки, так пронзительно замяукал, что у Михаила зазвенело в ушах.

— Нет, так мы не договаривались. Ладно, не расстраивайся. Хозяйка обязательно тебя найдёт, — он встал и быстро пошёл на завод.

Придя в отдел, он занялся работой и не заметил, как пролетел рабочий день. Михаил не любил зиму за пронзительный холод, за темноту. Ему казалось, что зима состоит из вечной ночи и скуки. Настроение у него было плохое. Ему хотелось поскорей оказаться в тёплой уютной квартире. Он дошёл до сараев и услышал уже знакомое мяуканье. Правда, оно было гораздо слабее, чем утром. На том же месте, прижавшись к дощатой стене, сидел всё тот же котёнок. Михаил нагнулся, взял животное. Котёнок поместился у него на ладони. Он почувствовал, как дрожит его маленькое тельце. Михаил расстегнул куртку и сунул дрожащего котёнка за пазуху.

— Ладно, пошли. Если нас не выгонят из дома, всё будет хорошо.

Котёнок перестал мяукать, прижался к тёплой груди человека, благодарно замурлыкав. Смородин открыл дверь своим ключом. Светлана была уже дома и готовила ужин. Михаил снял куртку. Хотел было поставить котёнка на пол, но тот так уцепился в свитер, что не оторвать.

— Хорошо, заходим так.

— Ты с кем разговариваешь? — донеслось из кухни.

— Пока и сам не знаю, то ли с молодым человеком, то ли с юной дамой.

— Да хватит тебе. Лучше мой руки и иди кушать.

— А у нас молоко есть?

— Есть, а что?

— Налей, пожалуйста, мне молока. Лучше в блюдце.

Света помолчала, вероятно, обдумывая, что же ответить мужу, затем приняла шутливый тон.

— А может в кастрюлю?

Миша осторожно зашёл на кухню.

— А вот и мы.

Светлана подняла на него глаза.

— Боже, какая прелесть! Откуда ты его взял? Она отцепила от мужниного свитера испуганного котёнка, прижала к себе и стала гладить пушистую шёрстку.

— Свет, да ты накорми его. Бедолага целый день ничего не ел.

— Сейчас, сейчас, — засуетилась та.

И перед котёнком появилось блюдце с молоком. В два раза больше самого зверька. Он почуял молоко, ткнулся в него мордочкой и пронзительно замяукал.

— Ну вот, он, по-моему, и есть не умеет. И что же прикажешь с ним делать? — Света присела и легонько макнула мордочку котёнка в молоко.

Тот сразу притих. Стал облизывать молоко с мордочки. Света снова наклонила его над миской, несколько раз обмакнув носик котёнка в молоке. Наконец, малыш понял, что от него хотят. Залез передними лапами в блюдце и стал лакать.

— Вот здорово! Ты и котов умеешь учить... Свет, а может, оставим его себе? Посмотри, какой он маленький. Ну, куда его на холод? Он же замёрзнет, или собака разорвёт.

— Не дави на психику, а то двоих выгоню. Не помнишь, где у нас была коробка от туфель?

— А зачем она тебе?

— Ну, должен же он где-то спать. Слушай, а как мы его назовём? И вообще, ты скажешь мне, в конце концов, мальчик это или девочка?

— Я думаю, что это мужик. Смотри, какой нахальный. А вот как назвать... Что ты думаешь насчет старомодного имени Василий?

— Ну, что ж, Василий так Василий.

— Слышь, Вась, нас уже два мужика, а это сила.

— Не надейся найти в нём своего союзника. Я его на свою сторону переманю.

— Не мечтай. Мы с ним создадим мужскую команду против тебя.

— А я буду действовать лаской. Опять-таки в моих руках кухня. Нет, не устоять вам против моих чар.

— Да, пожалуй, ты права. Сдаюсь, — и Михаил обнял жену.

Василий рос забавным, проворным котёнком. Ему прощалось всё: и обдирание обоев, и вытягивание ниток из дивана. И даже то, что спал он не в своей коробке, а на их постели и, что самое возмутительное, на их подушке. Да ещё между их головами. Из писклявого котёнка Васька превратился в большого толстого ленивого кота. Света и Миша любили его и баловали, как ребенка. А он платил им мурлыканьем да преданностью. И бежал на их голос, где бы ни был. Так шли дни за днями.

Незаметно пролетел год. Опять наступила холодная нескончаемая зима. И вот однажды, в один из таких вечеров, кот не пришёл домой. Света несколько раз обходила двор, ища его, но Васька, как в воду канул.

— Неужели под машину попал? — паниковала Света.

— Да что ты, Свет, загулял, по всей видимости, — успокаивал её Миша.

— И это зимой-то! Что ты меня успокаиваешь? Я чувствую, что что-то случилось. Пойми, что это впервые. Он-то и улицу не очень любит.

— Да не волнуйся. Завтра я его поищу. Благо суббота. На работу не надо идти и вообще... Кот он умный. С ним ничего не должно случиться.

Ночью Света несколько раз выходила на улицу и звала своего любимца, но Васька не приходил. Утром Смородин отправился искать кота. Снег мягко ложился на землю, обновляя своё белое одеяло. Михаил увидел, что дверь в одном из сараев открыта. Он вошёл внутрь. В сарае было темно. Мужчина достал мобильник, включил фонарик и осмотрелся. На полу валялись доски, кругом стояли какие-то коробки.

— Васька, Васька, — позвал он и прислушался. Смородин хотел было уходить, как до него долетел какой-то шорох.

— Василий, ты? Из мешка, лежащего на коробке, донеслось Васькино «мяу».

— Ну, вот и хорошо, выходи, бродяга, и быстро домой.

Но Васька высунул из мешка морду и снова скрылся в нём.

— Вот так новости, — Михаил выключил фонарик, подошёл к мешку и сунул туда руку. Рука сразу наткнулась на тёплого Ваську, но под ним было ещё что-то тёплое.

— Ах, так ты не один. Ты никак с кошечкой. Ну, не хочешь идти домой. Тогда пошли знакомиться с твоей дамой.

Михаил взял мешок, и довольный тем, что Васька нашёлся, пошёл домой.

— Свет, а Свет, нашёлся наш гуляка, да не один, а с дамой, — и Смородин поставил мешок на пол.

— Давай скорей посмотрим, ради какой кошки он бросил нас, — нетерпеливо сказала Света.

Из мешка не спеша вышел Васька и сразу отправился на кухню к своей миске.

— Ну, выходи, кис-кис-кис, — женщина присела возле мешка и заглянула в него.

— Боже праведный, Миш, ты только посмотри, — с волнением прошептала она.

Михаил посмотрел на жену. Лицо у неё было белое как снег.

— Что, что случилось, дорогая? — и он склонился над мешком.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть. Там, завёрнутый в лёгкое одеяло, лежал младенец. Света первая оправилась от потрясения. Она осторожно вынула ребёнка и положила на диван, развернув одеяло. Малыш был очень маленьким. На руке у него была завязана памятка, где указывалась фамилия матери, время родов, дата, вес и рост мальчика. По всей видимости, мать из роддома принесла его в сарай. Ребёнок тихо заплакал. Васька бросил еду. Он быстро прыгнул на диван, лёг, закрывая малыша своим телом.

— Слушай, Света, а ведь наш Васька согревал это создание. И, честное слово, он его спас. Малыш бы давно замёрз.

— Похоже ты прав. Молодец, Василёк. Помнишь, как плохо быть брошенным, одиноким, беззащитным.

Михаил посмотрел на жену и почувствовал, что и она думает о том, о чём и он.

— Свет, а давай усыновим малыша? В глазах женщины сверкнули слёзы благодарности.

— Спасибо, родной, — они обнялись, — беги скорей в магазин за бутылочкой и молоком. Да и в полицию надо сообщить. Затем надо узнать, какие документы надо для оформления усыновления, — забеспокоилась Светлана.

— А давай назовём найдёныша Василием. Всё же он крестник Васьки.

— Я не против, дорогая.

— Ты не представляешь, как я счастлива. Васька подарил нам столько радости. И, как ни странно, ребёнка, о котором я уже и не мечтала. И они оба погладили Ваську по его мягкой шёрстке.

Не пробуждай воспоминанье

Наталья Петровна была женщиной привлекательной. Высокая, стройная, всегда улыбающаяся, она как-то сразу располагала к себе людей. Сына вырастила, с мужем развелась. С тех самых пор не любила шумные компании, суету, подруг. Спокойствием души дорожила, не забывая, какой высокой ценой она заплатила за это спокойствие. Уже ушли в прошлое её бессонные ночи, обида на мужа, безумное желание любить и быть любимой и чтобы муж непременно узнал бы, что она счастлива и без него. Может, поэтому в мужчинах стала ценить достоинство, преданность, ответственность. Она и раньше ценила в парнях ум и благородство, а влюбилась, как выяснилось, в человека, который, оказалось, не любил её никогда. Вот поэтому, так и не вышла второй раз замуж. И хотя находились мужчины, которые готовы были взять заботу и о ней, и о её сыне, не позволяла себе забыть боль и обиду, нанесённые мужем, его предательство.

Был тихий осенний день. Наталья Петровна гуляла по безлюдным аллеям парка. Она шла и чуть-чуть подбрасывала носками туфель жёлтые листья, которые тихо шуршали, успокаивали и убаюкивали все её невзгоды и тяжёлые воспоминания. Она села на лавочку, достала кроссворд и погрузилась в его разгадывание.

— Ради Бога, извините, — услышала она.

Наталья подняла глаза. Перед ней стоял интересный светловолосый мужчина. Она заметила, что он был хорошо сложен, прилично одет, да и улыбка у него была приятной и открытой. Такое внимание к незнакомцу даже разозлило женщину.

— И какое мне дело до него, — гневно подумала она.

— Вы не подскажете, который час? — произнёс незнакомец.

Наталья отметила, что и голос у него был приятный и завораживающий.

— Да, пожалуйста.

Наташа открыла сумку, поискала в ней телефон, но не найдя, виновато сказала:

— Извините, телефон забыла, — и опять склонилась над газетой.

Но мужчина не уходил, внимательно рассматривая Наталью.

— Вы ещё хотите что-то спросить? — в голосе Натальи послышались недовольные нотки.

Мужчина выдержал паузу и спокойно ответил:

— Да нет. Просто я ищу повод, чтобы познакомится с вами. А время... Да у меня свой смартфон есть, — и в доказательство своих слов он достал из кармана телефон.

— Ах, вот как... И часто вы вот так знакомитесь?

— Представьте себе, не очень, — мужчина сел рядом, окутав собеседницу приятным ароматом одеколона.

Наташа впервые за долгие годы почувствовала, что этот незнакомец совсем не раздражает её. Она боялась признаться себе, что в нём ей всё нравится: и это уверенность, переходящая в дерзость, и его внешность, одежда и даже запах парфюма, который немного кружил ей голову.

— Откровенно. Ну что же, давайте познакомимся. Хотя я в этом не вижу никакого смысла. Меня зовут Наталья Петровна.

— Я чувствовал, что у вас необычное имя, — почему-то обрадовался незнакомец, — а меня зовут Виктором. А можно мне называть вас Наташа?

Наталье это предложение почему-то понравилось, и она, не поднимая глаз на Виктора, молча, кивнула. Виктор подвинулся ближе к ней. Сердце у женщины приятно защемило.

— Представляете, пришёл сюда совершенно случайно. Брожу по парку. Наслаждаюсь одиночеством. И вдруг вижу, сидит на лавочке красивая женщина. И представляете, вот удача, одна. Листья вокруг падают, словно осыпают её золотом. Даже подумал, что это и есть моя мечта. Вот я и набрался смелости и подошёл к вам. Очень побаивался, что вы меня, как говорят, «отошьёте».

— Можете не продолжать, всё равно не поверю. Все вы, мужчины, одинаковы: хорошо поёте, да быстро голос сипнет, — как можно холодней ответила Наташа.

Виктор полез в карман, извлёк из него конфету и протянул женщине.

— О-о-о, какая гроза. Видно, что мужчинам вы не доверяете.

— Представьте себе, да. Все они трусливы, ничтожны и, что самое отвратительное, безответственные, — в глазах Наташи блеснула грусть.

— Видно, досталось вам от нашего брата. А может, ещё не встречали своего принца, свою, как говорят, половинку.

— Для принца я старовата... А вот мой король явно затерялся в чужом королевстве или в другом веке...

— А вы романтическая натура, Наташенька, — Виктор резко встал, — разрешите пригласить вас, ну скажем, в кафе.

— Спасибо большое, но у меня совсем нет времени, — соврала Наташа и поспешно стала класть газету в сумочку.

— Я вас очень прошу. Мне просто хочется угостить вас мороженым.

Виктор задержал руку Наташи. Давно забытый волнующий ток пронзил всё тело женщины, заставляя быстрее биться её сердце. Она подняла на Виктора свои светлые глаза, понимая, что не сможет отказать ему.

— Ну, хорошо, — голос её дрогнул, — только ненадолго, — она постаралась успокоить огонь, который с каждой секундой разгорался в её сердце.

Виктор облегчённо вздохнул.

— Я так боялся, что вы откажетесь, — и он протянул ей руку, помогая встать.

В кафе было тихо. Редкие посетители разместились за тремя столиками. За соседним столом сидела молодая женщина с мальчиком,

которому было не более трех лет. Женщина тщетно пыталась затолкать пирожное в плотно сжатый рот мальчишки. Мальчик сидел на стуле, размахивая ногами и раскачиваясь в разные стороны. У матери уже выступил пот на лбу, она чуть не плакала, но малыш был непреклонен. Виктор посмотрел на беспомощную женщину, извинился перед Наташей, встал и подошёл к их столу. Мужчина наклонился и что-то шепнул мальчишке на ухо. Мальчик перестал трясти головой, осмотрелся и быстро проглотил кусочек пирожного. Затем что-то спросил у Виктора, взял из рук матери пирожное и стал быстро его есть, запивая молоком. Мать благодарно улыбнулась мужчине, а Виктор направился к своему столику.

— Если не секрет, что вы сказали этому разбойнику?

— Я сказал ему, что вы работаете на местном телевидении и снимаете его скрытой камерой. И что сегодня весь город увидит его по телику. Самое интересное, что мальчик спросил у меня:

— А Юлька тоже увидит? На что я ответил, что, скорее всего да. Это произвело на него впечатление, и результат, как изволите видеть, на лицо.

— Вы удивляете меня, Виктор, оказывается, что вы знаток детской психологии.

— Скорее всего, мужской, — ответил тот, подзывая официантку. — Что будем заказывать?

— Насколько я помню, мне было обещано мороженое. Не так ли? — с улыбкой ответила Наташа и вдруг поймала себя на мысли, что хочет понравиться Виктору.

— Но я бы не отказалась от чашечки кофе, — улыбнулась она ему, а про себя подумала:

— Не пойму, что со мной происходит? Почему меня так тянет к этому незнакомцу? Не хватало мне только влюбиться на старости лет. От Виктора не ускользнуло, что Наташа переживает сейчас какие-то сомнения. Он почувствовал, что эта женщина ему нравится, он хочет быть с ней рядом и ему всё равно: замужем она или нет. Ему просто хотелось смотреть на неё, слушать её, быть с ней рядом, заботиться о ней.

Время пролетело незаметно. Виктор проводил Наташу до дома. Наталья очень хотела пригласить Виктора на чашечку чая, но после долгих колебаний решила не делать этого. Как ей показалось, она рассудила правильно, так как она его совсем не знает. Ну, провёл мужик время с ней. Ну и что? Просто некуда было податься. Завтра он и не вспомнит о ней. Впрочем, как и она о нём. Да и зачем она сдалась ему? Вон он, какой интересный, красивый, умный. Да с ним любая молоденькая пойдёт...

Виктор почувствовал сомнение женщины. Он поспешил попрощаться, предварительно взяв у неё номер телефона. Наташа вздохнула. Ну, вот и всё. Больше он никогда не вспомнит ни об этом вечере, ни о ней. И хорошо, что он не приставал со своими поцелуями... Она сняла пальто и прошла в комнату. Никого. Она обвела взглядом пустую комнату. И что же, тебе это нравится? Конечно же, нет. А всё же, интересно, как он целуется? Господи, неужели... Наталья устыдилась своих мыслей. Она настойчиво стала отгонять от себя это давно забытое чувство влюблённости. Да и опытный разум ей шептал: «Ну что ты нашла в нём такого? Он такой, как и все мужики. Да ты только присмотрись, разве это твой король? Да посмотри ты на него! Завтра он забудет о твоём существовании». Она подошла к зеркалу. «Ты посмотри на себя. Вот видишь, предательские морщинки возле глаз. Да и фигура остаётся желать лучшего. Смотри, смотри! И вообще, тебе, девонька, далеко за двадцать. Смотри на себя трезво. Уже пора перестать летать в облаках. Неужели ты думаешь, что такой привлекательный мужчина не нашёл себе гораздо моложе? Жила без него столько лет и дальше проживёшь. Ну, зачем тебе он?» Но тут возмутился давно дремавший с юности чертёнок: «Как зачем? А что, хорошо приходить в пустой дом, где тебя никто не ждёт? Да просто, в конце концов, просто почувствовать себя женщиной. Обыкновенной, слабой, любимой. Не надоело быть сильной? Неужели тебе не хочется быть капризной, любить и быть любимой, быть, наконец, беспомощной в вопросах ремонта, пробивания каких-то сложных вопросов. Разве это плохо? Ну, кому нужна твоя сила? Вот ответь, кому? Вот признайся, когда в кафе ты танцевала с Виктором, тебе ведь не хотелось, что бы музыка закон-

чилась. А как тебе было уютно и хорошо, да и надёжно с ним рядом. Ну, признайся. А какие у него крепкие и сильные руки. И как тебе было хорошо в его объятьях. Ну, признавайся скорее».

Наталья смотрела в зеркало, но не видела своего отражения. Все мысли её были о Викторе. И она сдалась. Она устала быть сильной. Ей захотелось прижаться к его сильной груди, закрыть глаза и забыть обо всём на свете. Она даже чувствовала запах его одеколона, который пьянил и кружил ей голову. Бессонная ночь подходила к концу, а Наталья сидела в кресле и, впервые за долгие годы, думала о мужчине, о Викторе. Ей безумно захотелось, чтобы вот сейчас раздался телефонный звонок и чтобы это был непременно Виктор. И пусть бы он наговорил ей тысячу приятных глупостей, которые её так раньше раздражали. Но телефон молчал. Ну почему он не звонит? Она взяла смартфон, проверила зарядку. Всё нормально. Женщина подключила телефон к сети и нервно прошла по комнате взад и вперёд. Телефонный звонок заставил её вздрогнуть. Она бросилась к смартфону. Ей хотелось моментально снять трубку и ответить на незнакомый номер, но она заставила себя выдержать небольшую паузу.

— Алло, — сказала она взволнованно.

— Наташенька, это вы. Как я рад услышать вас снова. Это Виктор. Вы, наверное, меня забыли.

Сердце у Наташи, казалось, взлетело и забилось счастьем. Она как бы проснулась от зимней спячки. Ей впервые за долгие годы захотелось кружиться и прыгать от радости, как в далёкой молодости.

— Да нет, помню, — как-то глупо ответила она.

— А я думал о вас всю ночь. Вы будете смеяться, но я должен вас увидеть. Давайте встретимся в парке на нашей лавочке.

— А знаете что, приходите ко мне. Я вас вкусным чаем напою.

— Через пятнадцать минут я у вас, — послышался счастливый голос. И Виктор повесил трубку.

Наталья не ходила, а летала по комнате. Она сделала себе макияж, переоделась, заварила чай, поставила чайник. Вскоре раздался звонок. Она открыла дверь. На пороге стоял Виктор с цветами. В другой руке он держал коробку конфет и бутылку шампанского.

Дебют

Юлия ИВАНОВА

Об авторе

Юлия Геннадьевна Иванова родилась 24 мая 1976 года в городе Кричеве Могилевской области (Беларусь). После переезда в Брянскую область училась в Меленской средней школе, затем в БГПУ имени акад. И. Г. Петровского.

Участник коллективных сборников поэзии и прозы: «Поют любовь вам ангелы-поэты. Книга 27» (Москва), «Дарю любовь и принимаю» (Санкт-Петербург), «Метаморфозы» (Гомель), «Брянские поэты. Избранное» (Брянск); составитель и один из авторов книг: «По струнам души», «Мысли вслух над горизонтом», «Солнечный дождик», «Мысли вслух над горизонтом II», «Город хороших людей» (2018, 2019).

Автор поэтического сборника «С тобой», многочисленных публикаций в периодической печати и сети Интернет. Её стихи переведены на белорусский язык. Обладатель Гран-при XIV Международного фестиваля-праздника «Славянские литературные дожинки-2019». Дипломант II степени Международного конкурса литературно-художественного творчества «Мир детства — мир добра и света» (2016). Победитель литературного конкурса, посвященного 125-летию со дня рождения М. А. Булгакова и 50-летию выхода в свет романа «Мастер и Маргарита» (2016).

Награждена грамотами Правления Союза писателей России, Брянской областной общественной писательской организации и Гомельского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси».

Руководитель Стародубского литературного объединения «Волшебное перо». Участница Брянского областного литературного объединения при Брянском отделении Союза писателей России.

Член Международного союза писателей и мастеров искусств.

Инициатор, координатор и один из организаторов Международных съездов литературных объединений «Листья дуба» (Стародуб).

ПЕСОЧНЫЙ КРИСТАЛЛ

У края вселенной

Мой город уездный — у края вселенной,
На крыльях летящего в снег ноября,
Где ночью под светом озябшей Селены
Приветно рубины рябины горят.

И ластятся нежно ромашки снежинок
К обветренным стужей упругим щекам
Знакомых домов; их блестят мезонины,
Играя при свете подобно шелкам.

Выводят гортанно мелодию норда
Седые шаманы. Привычно уже,
Устроившись в кресле, густые аккорды
Их слушать…
А утром малиновый джем
Тонюсеньким слоем на стылое небо
Намажет ленивый предзимний рассвет,
Чтоб время, во власти эффекта плацебо,
Вкусило ещё одну ночь для бесед
С тобой.
Но притихла мобильная трубка,
Моргает антенной, мол, не пропадай
В осенней вселенной, где крупкою хрупкой
Слегка забелило обветренный край.

Булгаков и Дали

Мистификация? Однако нет — в ночи
В обносках из серебряной парчи
Бессонница не бродит в одиночку:

Дороги искривлённый позвоночник
С высот, в которых тикают часы,
Ведёт бессонницу.
Она едва шагает,
В распахнутом плаще, почти нагая,
И, отражаясь в капельках росы,
В лекалах зеркальц, просится: «Впусти!»,
Как горе заплутавшее в пути…

А в запотевших от дыханья ночи
Оконных стёклах бьётся стрекозой
Остаток лунной крошки: видно, хочет
Остаться вновь с Бессонницей.
Слезой
Умылось небо, разбросав по свету
Под птичьи трели облакорабли.
Не выспавшись, бреду в бреду по следу
Дуэта двух: Булгакова с Дали.

Вдыхаю жадно пряный запах строчек
И красок, словно в кадрах из кино…
И глажу пальцами виденье этой ночи,
И отпускаю белой птицей за окно!

Беззвёздное

Кажется, навечно затянуло небо
Пологом из мрака — драповым, тяжёлым,
Будто день высоким никогда и не был,
Будто ночь готовит бунт или крамолу.

Там, за чёрной массой пелены беззвёздной,
Торжество не видных взору зодиаков —

Вышитых созвездий — в мире грандиозном:
В тишине сакральной, вековой...
Однако
Песнями ночными сын бродячий сукин
Будоражит город: воет в исступленье;
Лает в зимней жути — эхо вторит звуки....
Вдруг, отбросив темень, на одно мгновенье
Ночь луну впустила в уличную стужу,
Под плетенье пледа, в снега сон горячий...
Стынь, мой поздний ужин;
Пой, мой пёс бродячий;
Спи, промозглый город!
В завтра неизбежном
Глянет солнца лучик, небо станет свежим,
Как в мороз простынки на верёвке звонкой.
Завтра будет вкусным, я его разрежу;
Лакомые дольки спрячу за иконкой,
Чтобы в час желанный вечера другого
Угостить на славу гостя дорогого.

Марионетка

Марионетка. Махровые волосы.
Дёрни за ниточку — ручка подвинется.
Звуки родного, бесцветного голоса
Слышатся чуждой, чеканной латиницей.

Музыка смолкла. Спектакли отыграны;
Реплики сказаны чёткими фразами.
Кукла грошовая больше не выгодна,
Плачет в коробке с другими чумазыми
Марионетками.

Стыдно и холодно
В стареньком платьице, спутаны ниточки
В штоке с пропилами. Может, без повода
Кажется небо с горошину.
Выточке
Куклы березовой мастера бравого
Так божемойкали все посетители!
Только в руках кукловода тщеславного
Стала заштатным она исполнителем.

Может, сама развлекалась бы танцами,
Радостно пела с мечтой белокрылою
Доброй Дюймовочкой под традесканцией.
Но «Карабасы» с душою немилою
Правят тем балом, где роль незавидная
Марионеткам…
Теперь тебе весело,
Мой кукловод? С неостывшей обидою,
Видишь, ещё одна кукла повесилась…

Кибальчиш

Плывут пароходы — привет Мальчишу!
Пролетают летчики — привет Мальчишу!
Пробегут паровозы — привет Мальчишу!..
Аркадий Гайдар «Сказка про военную тайну»

Где ты сейчас, Кибальчиш заводной?
Что там пророчат мирские скрижали?
Время, как будто от раны сквозной,
Тихо застыло в песочном кристалле:

Анна на рельсы шагнула, прибыл
Поезд люмьеровский в кадры цветные,

Словно светильник потёр и забыл
Ала-ад дин, но в просторы иные
Шли паровозы — привет Мальчишу! —
Плыли по синей реке пароходы…
Лента меняла картины фэн-шуй,
Прожитых лет тасовала колоды.

Но и сейчас вдруг заплачет душа
Неудержимой слезой, как ни странно,
И помянёт сорванца-мальчиша
И убиенную Анну.

В останках вчерашнего супа

В бетонных коробках — гнилое удушье
бездушья, тоски, лицедейства.
В морщинках лицо от уставшей подушки,
от слез, от унынья, бездейства.
Но сон не спешит, не бежит по ступенькам
небес мендельсоновым маршем.
По кольцам деревьев, по выцветшим стелькам
мы на год становимся старше;
И с каждой минутой флюидом вторженья
минувшее давит на плечи:
Туманное счастье — следы отраженья
души. Мы живём, Человече:
Бросаем и губим, недельной щетиной
щекочем судьбу методично;
И женщины пашут, и плачут мужчины
— реальность и быт. Неприлично
Кирпичным нутром, словно ржей, покалечен
и, время в пасьянсах преглупо
Растратив, ответы вновь ждёт человече…
в останках вчерашнего супа.

Эльфийка

Январь. Звенящий на морозе воздух,
И пеленающий проспекты свежий снег.
Мне кажется, чтоб быть поближе к звёздам,
Ступени с Набережной тянутся наверх.
И я бегу по лестнице гранитной,
Припудренной пушистым волшебством.
А тень моя эльфийкой беззащитной
Торопится по следу в меховом
Промёрзшем полушубке.
Но в сюжете
Не знаю, почему туда влечёт,
Кого смогу здесь вечерами встретить.
Тебя ли, мой ушедший звездочёт
В сплошное дежавю из жизни прошлой —
В стихи под утро, давнюю любовь?..
И в боль душевную. Банально. Просто пошло.
Эльфийка хмурит кружевную бровь,
В жемчужинках от крепкого зазимья.
А свет лимонный праздничных витрин
Как будто налагает епитимью
Вчерашней мне за то, что ты — один.
Что ж, тень моя в искусственных румянах,
Застывшая калёная стрела,
Мороза сизого полнехоньки карманы.
Пойдём домой, я здесь уже была.

Домик с камином

Когда так темно, что, кажется, звёзды потухли,
Нам свет из окошек — маяк в одиноком пути.
Я знаю, в том доме в камине дрова или угли

Пылают бессменно, чтоб радость тепла донести
До тех, кто придёт посидеть на часок новосёлом,
И дать про запас тем, кто ночью шагнёт за порог...
Где пахнет ванилью прическа хозяйки веселой,
А в кружках — пиратский, на травах заваренный грог;
Отведав ватрушек и пряников мятных из Тулы,
Охотничьи байки хозяина слушать, дремля
У ряда резных на старинном комоде шкатулок,
И чуять, как кружится вместе с тобою земля,
Как ты улетаешь всё дальше в межзвёздном вагоне,
Уже не гадая, воочию или уснул.
А домик с камином? —
Он там, на далёком перроне.
И только нет-нет...
да и скрипнет расшатанный стул.

Вербы

Пришельцами с неведомой планеты
Казались вербы — золотистый нимб
Плыл над рекою.
Лес, ещё раздетый,
Еще лучами солнца не любим,
Был рядом сиротой.
Не задышала
Взахлёб река — хранила тонкий лёд
В биоглифах пернатых, что устало
Считали дни, когда тепло придёт.
И я ждала его.
Невинной страстью,
Склонясь, горели вербы надо мной,
Желая тихо: «Солнечное счастье,
Приди к поэтам этою весной».

Проза

Павел ШУШКАНОВ

Кружок астрономии

А телескоп купили самый дешёвый, хотя Илья Петрович просил модель посолиднее, с оптикой, способной показать больше, чем слегка увеличенные мерцающие пятнышки в небе. Но и на том спасибо. Последние годы вообще приходилось рисовать Солнечную систему на доске. А тут вдруг телескоп. Вот и старая идея открыть кружок астрономии проснулась, задышала. И, вопреки ожиданиям, комплектация оказалась почти полной. Только специальных салфеток для протирания линз не нашли, и одного крепления, которое удалось заменить куском проволоки.

Об авторе

Павел Александрович Шушканов родился в 1980 году в городе Уральск Западно-Казахстанской области.

Окончил юридический факультет и аспирантуру Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского.

Автор прозаических книг «Другой Брянск» (2014, 2018).

Публиковался в альманахе фантастики «Полдень» (2016, 2018), в сетевом журнале «Южный остров», электронном журнале «Камертон».

Некоторое время в результате плодотворного сотрудничества со студией звукозаписи «Viboo» выходили и размещались на электронных ресурсах профессионально озвученные рассказы. Всего более десяти.

В настоящее время — заведующий кафедрой Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского.

Живёт в Брянске.

— Ну, что, пойдемте?

Егоров поёжился, наматывая на шею шарф.

— Холодно там, Илья Петрович.

— А ты думал, как на звёзды смотреть? Через окошко? Одевайтесь теплее, и выходим. А ты, Егоров, помоги мне вынести телескоп.

— Можно ещё Димку в помощники возьму?

— Можно.

Они не спеша одевались и по очереди выходили в морозный декабрьский вечер. Вторая смена давно отзвенела, но во всех окнах школы ещё горел свет. Усталые технички гремели вёдрами и оттирали с пола грязные разводы.

В кружок записались четверо. Илья Петрович никого не упрашивал и не заставлял, но четверо из шестого «В» принесли ему список, выведенный аккуратным почерком Кати. Изначально в списке было трое, но напросился последним Егоров — ему нравилась Катя.

— Ладно, ищем ровную площадку и зовем меня, — распорядился Илья Петрович. — Катя, шапку надень! Да, мне тоже жалко твою прическу — но уши еще больше. Хотя бы капюшон.

Катя нехотя послушалась. Из белого мохнатого капюшона выглядывал только кончик розового носа. Рядом стояла румяная Юля в шапке с помпоном. Она грела руки, дыша на них, хотя из кармана торчали вязаные перчатки.

— Илья Петрович, а на что смотреть будем?

— На тебя, — хохотнул Димка, опуская треногу телескопа на утрамбованную площадку.

— Дурак! — сказала Юля, но шапку поправила.

Илья Петрович посмотрел в небо. Ни облачка. Обычный городской вечер. Пара ярких звезд и огрызок луны над крышами.

— Готовы?

Ответили мычанием.

— Тогда подходим. Начнем с самого далекого и интересного. Посмотрим на Юпитер.

— Может, на луну? — предложил Егоров. — Она вон какая большая. Горы там, кратеры.

Илья Петрович покачал головой.

— Неразумно. Луна всю ночь висеть будет, а Юпитер скоро зайдёт. Егоров, направляй вон на ту звезду над домом. Да не на квартиру, Егоров, я всё вижу! Выше подними.

Звёзды почти не мерцали, небо было чёрным и каким-то грязным. Илья Петрович вспомнил, как он впервые увидел настоящее звёздное небо — каким ни за что не увидишь его здесь. Он, притихший, сидел на заднем сидении старого москвича в тёплом пальтишке и шапке, а отец отчаянно гнал машину подальше от города. Он был в расстегнутой куртке и шумно сопел, играл желваками. Стояла темень, только фары освещали пустую дорогу. Где-то там, далеко позади, остались крики мамы, звон посуды, грохот двери. Далёкий Актюбинск бледной полоской таял на горизонте. Во все стороны расстилалась ровная заснеженная степь. Отец остановил машину, вынул из бардачка пачку сигарет и вынырнул в ночь. Через какое-то время он аккуратно постучал двумя пальцами в стекло.

— Эй, выходи. Выходи, что покажу.

Илья неловко выбрался из машины, кутаясь в пальто.

— Смотри, Илюш, красота какая!

Воспоминания прервал хриплый Димкин кашель. Телескоп стоял в стороне, а дети толпились вокруг Егорова. Рассматривали что-то в его руках.

— Егоров, что за собрание?

Тот деловито вытер нос рукавом.

— На Юпитер смотрим, Илья Петрович. Красивый.

— А почему телескоп в стороне?

— Так Илья Петрович… — он продемонстрировал телефон, на экране которого во всем своем великолепии сиял полосатыми облаками газовый гигант.

— Ну что мне с вами делать? Телефон в карман, глаза в телескоп.

— Но там не так красиво.

— Зато он там настоящий.

Дети пожали плечами и вернулись к китайской оптике. Некоторое время смотрели по очереди. Потом Димка тихо поинтересовался:

— Илья Петрович, а можно на луну посмотреть?

— Давайте. Хотя Юпитер и заслужил большего внимания. Кроме того, что это самая большая планета солнечной системы, он ещё и позволяет существовать жизни на Земле. Его гравитационное поле не дает крупным космическим странникам проникать за орбиты внутренних планет, — Илья Петрович вздохнул. — Ладно, смотрим на луну. Только осторожно и недолго — она яркая.

Ребята начали ворочать телескоп.

— А как понять, в каком доме сейчас Юпитер? — поинтересовалась Катя.

Илья Петрович снял шапку и потер ладонями виски.

— Катенька, есть существенная разница между астрономией и астрологией. Знаешь какая? Бесконечная. Я тебе объясню всё завтра на уроке, а пока потри рукавицами щёки — совсем красные.

Дети любовались луной, восхищались. Да, в первый раз она действительно производит впечатление. Приближённая десятками линз поверхность сияющего мёртвого мира казалась им чужой и таинственной, пугающей. Горы, тёмные ямы морей, лучи гигантских кратеров — всё застыло в пустоте и холоде космического вакуума. Илья Петрович поежился.

Илья поёжился. Посмотрел вверх. Отец накинул на его плечи свою куртку. Дым от сигареты струился по снегу, словно туман, а наверху горели звёзды.

Такого неба не увидишь в городе. Сложно поверить в то, что оно вообще может существовать — яркое и в то же время глубокое, черное. Млечный путь сверкающей белой полосой протянулся до горизонта, казалось, что можно разглядеть каждую звёздочку из тех многих миллиардов, что клубились в нём. И звёзды, огромные, горящие, обрели цвета. Вега над самой головой, яркая, словно луна, — бесконечно далёкая и огромная звезда, к которой с немыслимой скоростью летит сквозь ночь Земля. Звёзды были похожи на снег, падающий из сердца Галактики, а в самом центре космического снегопада стоял он, Илья, в куртке отца, в смешной зимней шапке.

Отец положил руку ему на плечо.

— Красиво?

Илья кивнул. Его глаза сияли, как звёзды. Разве может небо быть таким? Отец подмигнул и тоже посмотрел вверх.

Прочертил короткую огненную линию метеор, словно оставил царапину на небе. Бесшумно летели по своим орбитам спутники. Илья прижался к отцу, сжал огромную руку. На мгновение ему показалось, что он отрывается от земли, голова закружилась, и он сжал отцовскую руку сильнее.

Димка тёр глаз, сняв варежку.

— А я говорил, что слишком яркая. Долго смотреть нельзя. Юля, ты руки не отморозила?

Юля пожала плечами и полезла за перчатками.

— А ещё что-нибудь есть такое же яркое и интересное? — спросила она.

— Как луна? Сейчас нет. Венера будет, но утром.

Дети покивали головами.

— А ещё?

— Бывают кометы. Они стоят в небе долго, много ночей — очень яркие, с огромными искрящимися хвостами.

— А вы видели такую, Илья Петрович?

Он кивнул.

— Видел. В девяносто седьмом. Ещё у себя, в Актюбинске. Невероятное зрелище. Она восходила бесшумно, но казалось, что я слышу грохот и гул. Её звали Хейла Боппа.

Дети полезли в телефоны.

— Что-то не очень, Илья Петрович, — Димка показал фотографию.

— Не очень. Много ты понимаешь. Сейчас Марс взойдёт, смотреть будем.

Девочки поглядывали в сторону двери, за которой было тепло и светло.

— Замёрзли?

— А еще что в небе бывает? — спросила Юля вместо ответа.

Илья Петрович улыбнулся.

— Я всегда мечтал увидеть вспышку Новой. Это самое красивое и яркое зрелище во всей вселенной, но пока ещё ни одного на моем веку не случалось.

Катя откинула капюшон и глубокомысленно произнесла:

— Да, рождение новой звезды — это, наверное, очень красиво.

Илья Петрович снисходительно покачал головой.

— Катенька, ну вообще-то это не рождение звезды, а ее смерть.

Катя недоуменно взглянула на него.

— Тогда почему же ее называют новой?

Димка скомкал снежок, отправил в Егорова и получил такой же в ответ. Потом завизжали девчонки.

— Так, а что, урок разве закончен?

Он посмотрел вверх. А небо и правда было скучным. Высоко между крыш мигал самолёт. Забытый телескоп смотрел пустым глазом на редкие звёзды.

Илья задремал по дороге, укрывшись отцовской курткой. Разбудила его внезапная тишина. Они стояли. За окошком поблёскивал в свете фонаря снег на пустой улице. Дверь в их подъезд была распахнута, на кухне горел свет.

— Илюш, — отец тронул его за плечо. — Илья, вставай. Нужно идти домой.

Заспанный Илья выбрался из машины. Шагнул к подъезду, вдруг остановился и обернулся.

— А ты?

— А я в другой раз, Илюш. Потом, — отец прижал его к себе и шепнул на ухо. — Я не плохой человек, Илья.

Он стоял, смотрел, как отъезжает машина. В подъезде слышался топот ног. Над головой мерцали тусклые городские звезды.

Дети убежали на край школьного двора. Юля возмущалась, отряхивалась, мальчишки были похожи на живых снеговиков. Катя стояла в сторонке и многозначительно поигрывала снежком. Урок давно закончен, пора по домам, но разве теперь загонишь?

Илья Петрович подошел к телескопу, заглянул. Небо было серой плёнкой, под которой, он знал точно, скрывалась та невероятная россыпь звёзд, которую отсюда не увидеть, как не увидеть отсюда Актюбинск и далекий восемьдесят седьмой.

Девчонки завизжали; засвистели, разлетаясь во все стороны, снежки. Живой снеговик с кашлем Димки и снежками в обеих руках пролетел мимо.

Илья Петрович, остановил его, поправил воротник и, подхватив одной рукой телескоп, побрел по тонкому снегу к зданию школы.

Поэзия

Елена ЛЕОНОВА

ЛИПОВЫЙ ЦВЕТ

Туман

Весло рассвета заскользило по воде —
Туман вокруг, туман везде.
А мне бы облаком к тебе приплыть
И всё понять, и всё простить.
Ни шорох трав, ни всплеск речной волны
Не слышу я, лишь тишины
В своём пути дыхание ловлю,
И, может быть, опять люблю.
И, может быть, сбежав от суеты,
Хочу догнать свои мечты.

Об авторе

Елена Ивановна Леонова родилась в старинном городе Умань на Украине.

Долгое время жила в Красноярском крае и в украинском городе Черкассы.

Стихи публиковались в коллективных сборниках, в областной и центральной периодике, переводились на украинский и польский языки. Автор поэтического сборника «Времена любви». Член Союза писателей России с 2014 года.

Живёт в Брянске.

И, на земле прожив немало лет,
Душой хочу постичь рассвет,
Но он, как солнце, ускользает по воде,
Туман вокруг, туман везде.

Сон

Ушедшим родителям

Во сне я вижу Умань за окном
И снова верю в добрые приметы.
Струится осень золотым руном,
Летят под ноги листья, как монеты.
А дома мама, и пришёл отец,
Такой усталый, видимо, с работы,
И снова мы все вместе, наконец,
И позади утраты и заботы…
Но шли стеной осенние дожди,
Вода картинки счастья размывала,
А ведь казалось: жизнь вся впереди,
Как будто после выпускного бала.

Невдомёк

Я порой вспоминаю невольно:
Днепр, разбитые волны у ног,
И бывает мне искренне больно
За остывший, как чувства, песок,
За слова, за обрывки заката,
За ошибки вечерних дорог…
С ними что-то ушло без возврата,
Только что? До сих пор невдомёк.

Трубчевск. На празднике Бояна

Древний город Трубчевск весь овеян былинною славой.
Облаками над ним проплывают года.
Из таких городов вырастает величье державы,
На таких городах мать Россия держалась всегда.
Вновь зовут меня вдаль вековые деснянские кручи,
Где к Днепровским порогам спешит озорная вода.
Светлый праздник Бояна на Брянщине — он самый лучший,
Потому каждый год моё сердце стремится сюда.

Цветут фиалки

Там, где в парке цветут фиалки,
Где встречались мы с тобой.
В день весенний, от красок яркий,
В своё детство хочу домой.
Там вспорхну, позабыв уроки,
Лёгкой бабочкой за мечтой.
Где ветра навевают строки,
В свою сказку хочу домой.
Тёплый вечер сотрёт границы
Между вымыслом и судьбой.
На коне за прекрасным принцем
В свою юность скачу домой.

Рёвны. Праздник Липовый цвет

Липы старые и берёзки —
Вдохновенья его секрет.
Брянский край любил Паустовский,
Любовался им с детских лет.

Связь с природой осталась кровной:
Тайны леса, поля в покос.
Оживали в сюжетах Рёвны,
Шелестели листвой берёз.
Мы пройдёмся весенним парком,
Впечатлений собрав букет.
Яркий праздник всем стал подарком,
Манит в Рёвны нас липов цвет.

Поездка на родину Н. Рыленкова

Как хорошо порой июньской,
Чтоб творческих набраться сил,
Приехать в край, где пахнет Русью,
Где жил Рыленков и творил.
Где мыслям и душе раздолье,
Где был он с детства окрылён,
Где знает каждое подворье
Его стихи про синий лён.
Где Тюнино в полях без края,
Где небеса так высоки!
Где сердце бьётся, замирая,
Когда звучат его стихи.

Стародуб

Время летит без устали,
Слышу я гул веков
Над городами русскими
В звоне колоколов.
Здравствуй, Руси окраина,
Или начало начал?

Церковь кресты расправила,
Город рассвет встречал.
Город истории русской,
Весь Стародуб на виду:
В улочках древних, узких,
В яблоневом цвету.
Парк окунулся в лето
И утонул в красоте.
В доблести и в Победах
Город на высоте.
Крепче любого дуба
Дух его — связь времён.
Жителям Стародуба
Низкий за то поклон.

Снова свечи зажгу

Снова свечи зажгу, пусть сгорают дотла
Все ошибки. Оставлю их в прошлом.
Вновь колдунья-зима
светлой сказкой пришла,
Значит, время мечтать о хорошем.
Время верить в себя,
с новой силой любить.
Белый снег скрипнет чистой страницей.
И с особым азартом захочется жить,
И к весне всей душою стремиться.

Крещенская вода

Святая вода
всем даёт очищение.
Покаемся тихо
и смоем грехи.

В мир голубем белым
влетит вдохновение,
И светом наполнит
дела и стихи.
Откроется вечная
к Богу дорога
В мерцании снега
и ярких светил.
Ведь в жизни порою
нам надо немного:
Чтоб кто-нибудь душу
во тьме осветил.

Осенний вечер

Если сердце встречи ждёт,
Значит, он влюблённым нужен —
Вечер, смешанный с дождём,
Пробегающий по лужам.
Осень сказочный наряд
Дарит ветру без стесненья,
И задира-ветер рад
Их роману с продолженьем.

Новогодние пожелания

Пусть в этот день случится чудо:
Среди волнений и забот
Любовь возникнет ниоткуда
И в дом тихонечко войдёт.
Застрянет счастье в лапах ели,
Свечу нарядную зажжёт,
И всё, что в спешке не успели,
В грядущий сделаем мы год.

А жизнь, как праздник, станет яркой,
Хоть в это верится с трудом,
Пусть делает судьба подарки,
Когда мы их совсем не ждём.

Сергею Есенину

Я осенью дышу — не надышусь,
Читая вновь Есенина Сергея,
Где журавли на юг уносят грусть,
Уж ни о ком на свете не жалея.
И чудится мне, словно на рассвете,
Звенят слова: «Я к Вам в стихах вернусь,
Ведь я воспел всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь»».

Осень и тишина

Я Вас прощаю,
Не посещаю,
Не стоит чувства мои будить.
Я Вас не помню,
Я Вас не знаю,
Я Вас стараюсь навек забыть.
Не окликайте меня, не надо...
Я по дороге иду одна.
И только отблески листопада,
И только осень и тишина.

Идут года, в которых только осень

Пусть утром дождь особенно не сносен,
Его я встречу под цветным зонтом.

А вечером грустит со мною осень,
По-дружески усевшись за столом.
Мои рассветы ветер вдаль уносит.
Давно стал серым жизни водоём.
Идут года, в которых только осень
Украсит мир бесплатным янтарём.

Музыка осени

Музыка осени —
крик одинокой души.
Песня разлук
повторяется в ней многократно.
Знаю, уйдёшь,
Только ты уходить не спеши...
И сквозь дожди
постарайся вернуться обратно.

Поэтам

Есть радость бытия —
Всегда идти вперёд.
Пусть не поймут друзья,
Пусть слава обойдёт,
Пусть будешь ты порой
Завистником распят,
Нам звёзды над рекой
Важней земных наград.
К блокноту невзначай
Потянется рука.
Вновь полночь, крепкий чай
И вдаль летит строка.

Поэзия

Анатолий АВРУТИН

ЗЕМНЫЕ СРОКИ

* * *

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни… Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал — кроха в два вершка —
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка…
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.

Об авторе

Анатолий Юрьевич Аврутин — поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. Симеона Полоцкого, «Литературный европеец» (Германия), им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами… », им. Бориса Корнилова «Дорога жизни», им. Константина Бальмонта (Австралия), им. Бориса Нарциссова (Австралия) и др. Член редакционных коллегий семи литературных журналов разных стран.

Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Живет в Минске.

Мне мама Пушкина читала —
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвёздно,
Что сказка — это не всерьёз,
Мы знали — папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принёс.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала —
Я помню новой книжки хруст…
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама… Знаю, знаю —
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу — золотится взгляд…

* * *

Как быстро всё это, как скоро!..
Уходит эпоха.
Мальчонка стоял у забора —
Тогда еще кроха.

Гадал про концы и начала,
Вздувалась рубаха.
Над озером птица кричала —
Тогда ещё птаха.

Кричала светло и несмело
О вещей минуте.
А дерево солнца хотело —
Тогда ещё прутик.

Листочки в зелёных накрапах,
На листиках — жилы.
И были и мама, и папа
Тогда ещё живы…

Стоял тот мальчонка, не зная
Путей к пьедесталам.
И туча была грозовая
Лишь облачком малым…

* * *

Не брести, а скакать
по холмам помертвелой Отчизны,
На мгновенье споткнуться, ругнуть поржавелую гать,
Закричать: «Ого-го-о… »,
зарыдать о растраченной жизни…
Подхватиться и снова куда-то скакать и скакать.

Только стайка ворон
да вожак ее странно-хохлатый
Будут видеть, как мчишься, как воздух колеблет вихры…
Да забытый ветряк,
будто воин, закованный в латы,
Тихо скрипнет крылом… И опять замолчит до поры.

Только чёрная рожь
да какая-то женщина в белом,
Что остались одни одиноко под небом стоять,
Могут встретить коня
вот с таким седоком неумелым —
Он кричит против ветра, но мчится опять и опять.
Завтра солнце взойдёт,
из-за тучи восторженно брызнет.

И никто не припомнит, ловя озорные лучи,
Как нелепый седок
среди ночи скакал по Отчизне,
И рыдал…
И метался…
И сгинул в беззвёздной ночи.

* * *

Если вдруг на чужбину
заставит собраться беда,
Запихну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
Томик Блока, Ахматову…
Вспомню у двери: «Ах, да…
Надо ж Библию взять… »,
Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объёмист багаж
И что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок
пёстрый галстук, простой карандаш,
Томик Блока и Библию —
что еще нужно поэту?

Ну а если и снова
заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить…
На этом закончим беседу… »
Молча выйду из поезда,
молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией…
И никуда не поеду.

* * *

Станиславу Куняеву

По пыльной Отчизне, где стылые дуют ветра,
Где вечно забыты суровой судьбины уроки,
Бредём и бредём мы… И кто-то нам шепчет: «Пора!
Пора просыпаться… Земные кончаются сроки… »

Алёнушка-мати! Россия… Унижен и мал
Здесь каждый, кто смеет отравной воды не напиться.
Иванушка-братец, напившись, козлёночком стал,
А сколько отравы в других затаилось копытцах?

Здесь сипло и нудно скрежещет забытый ветряк
И лица в окошечках, будто бы лики с иконы —
Морщиночки-русла от слёз не просохнут никак,
И взгляд исподлобья, испуганный, но просветлённый.

Здесь чудится медленным птицы беспечный полет,
Светило в протоку стекает тягуче и рдяно.
Поётся и плачется целую ночь напролет,
И запах медвяный… Над росами запах медвяный.

Дорога раскисла, но нужно идти до конца.
Дойти… Захлебнуться… И снова начать с середины.
Кончается осень… Кружат золотые сердца…
И лёт лебединый…
Над Родиной лёт лебединый…

* * *

Эта робкая сирость нищающих тихих берёз…
Снова осень пришла… Всё опять удивительно просто —
Если ветер с погоста печальные звуки донёс,
Значит, кто-то ушел в ноздреватое чрево погоста.

И собака дичится… И женщину лучше не трожь —
Та похвалит соседку, потом обругает её же…
И пошла по деревьям какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь не дает успокоиться коже.

Только женские плачи всё чаще слышны ввечеру…
Увлажнилось окно… И я знаю, не будет иначе—
Если в стылую осень я вдруг упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие женские плачи.

Постоишь у колодца… Почувствуешь — вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой тяжелой.
Но успеешь услышать, как булькнет у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра в зенит вознесётся, слепя
Обитателей тёплых и похотью пахнущих спален…
И звезду пожалеешь… И не пожалеешь себя…
Да о чём сожалеть, если сам ты и хмур, и печален?

Ночные стихи

Напрасно… Слова, как «антонов огонь»,
Сжигают души не сгоревшую малость.
Уже из ладони исчезла ладонь,
Что, вроде, пожизненно мне доставалась…
А следом поношенный плащик исчез,
Что вечно висел на крючке в коридоре.
Ни женских шагов, ни скрипучих завес,
И сами завесы отвалятся вскоре…
Всё стихло… Лишь полночью схвачен этаж
За меркнущей лампочки узкое горло.
И чувствуешь — всё, что копилось, отдашь,
Чтоб только мгновения память не стёрла,

Когда в глубине потрясённых зрачков
Растерянный облик спешит проявиться,
И сам ты в зрачках отразиться готов,
И платье вдоль ждущего тела струится…
Как всё это призрачно… Тени спешат
Впечататься в бледную кожу обоев —
Туда, где впечатан испуганный взгляд,
Один на двоих… И предавший обоих…
Причем здесь трагедия?! Горе уму…
Здесь даже Шекспир разберётся не шибко.
И тьма обращается в новую тьму,
И щепками сделалась звучная скрипка.
Её все вертели — опять и опять, —
С осиною талией божию милость,
Её разломали, пытаясь понять,
Откуда же музыка в ней появилась?..
Разломана скрипка… И взгляд овдовел…
И надвое полночь в тиши раскололась.
Всё в жизни предельно… Иду за предел…
На тень от беззвучья… На голос, на голос…

* * *

Который день, который год,
Труд не сочтя за труд,
И в урожай, и в недород
Их сумрачно ведут.

Штыками тени удлиня,
Ведут, как на убой.
Лениво чавкает земля
От поступи больной.

Лениво падает лицом
Один — в сплошную грязь.

О нет, он не был подлецом,
Но жизнь не задалась.

Лениво обойдет конвой
Обочиной его.
Лишь ворон взмоет по кривой,
А больше — ничего…

И снова, унося в горбах
Свою святую Русь,
Идут кандальники впотьмах
И шепчут: «Я вернусь… »

И снова падает другой
На этот грязный снег.
И год иной… И век иной,
Но тот же — человек.

Негромкий выстрел… Глохнет тишь
От поступи колонн.
Куда отсюда убежишь? —
Из плена да в полон.

Да и не думают бежать
Бредущие толпой.
Они и есть — Святая Рать,
Когда нагрянет бой.

Им просто выдадут штыки,
Ружьё на восемь душ…
И станут звезды высоки,
И ворог бит к тому ж…

И, значит, тень свою влача,
Топтать им мёрзлый наст.
А орден с барского плеча
Страна конвойным даст…

Имена

Алексей КОНДРАТЕНКО

Об авторе

Кондратенко Алексей Иванович родился 2 января 1964 года в Воронеже. Окончил факультет журналистики Воронежского госуниверситета, кандидат политических наук. Работал журналистом на радио и в областной газете, долгое время руководил пресс-службой администрации Орловской области, член Союза журналистов России, лауреат премии им. А. Е. Венедиктова Союза журналистов Орловской области (1998). В настоящее время работает в БУКОО «Орловский Дом литераторов».

Основные произведения в жанре литературного очерка изданы в Орле: «Земное поле» (1994), «Время странствий» (1997), «Жизнь Ростопчина» (2002), «Н. Я. Данилевский и его книга "Россия и Европа"» (2005), «Орловские магистрали. История строительства и первых десятилетий эксплуатации железных дорог региона» (2006), «Два века как один день. Страницы истории орловской журналистики XIX—XX вв.» (2008), «Свет далёких звёзд» (2011), «Свои и чужие» (2015), «Литературное былое» (2015), «Литературная прогулка по Орлу» (2017). —

Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Регион-Центр. Центральный Федеральный округ», «Форум», «Родная Ладога», «Сельская новь», «Подъём», «Бийский вестник», «Берега» и др. Очерки включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края XX век».

Член Союза писателей России с 1999 года. Прозаик, публицист. Член правления Орловской областной организации Союза писателей России, главный редактор альманаха «Орёл литературный», член редколлегий журналов «Подъём» (Воронеж) и «Орловский военный вестник».

Лауреат Всероссийских литературных премий «Вешние воды» (2009) и «Отечествоведение» им. Н. М. Карамзина (2012). Лауреат премии имени А. Г. Кузьмина журнала «Наш современник».

«Друзья, прекрасен наш союз!»

(из истории становления Брянской и Орловской писательских организаций)

Волна полувековых юбилеев областных писательских организаций в регионах Центральной России заставляет пристальнее вглядеться в казавшуюся такой близкой, но уже изрядно забытую историю появления и становления творческих союзов в нестоличных городах. Кто стоял у истоков, как формировались писательские ячейки, кто способствовал этому, а что тормозило этот процесс? Вполне понятно, что налицо тема для добротного исследования на уровне монографии, кандидатской, а то и докторской диссертации. Здесь хотелось бы приоткрыть одну только страницу — рождение Брянской организации или, если быть точным, её «отпочкование» от Орловской.

Найденные недавно в текущем архиве Орловского Дома литераторов документы (официальные письма, телеграммы, командировочные удостоверения и прочие сопутствующие приложения) позволяют прибавить к общеизвестным сведениям целый ряд существенных фактов и деталей.

Начнём с вопроса: почему Брянская и Орловская писательские организации полвека назад были единым целым?

Исторически сложилось так, что до середины 1950-х годов в Российской Федерации почти не имелось областных писательских организаций, за исключением разве таких советских писательских центров, как, например, Воронеж или Смоленск. Орловские или, скажем, курские члены Союза писателей изначально состояли на учёте в Воронеже.

Послевоенная разруха отступала, в областных городах открывались издательства, появлялись самодеятельные литературные объединения и студии, талантливая молодёжь заявляла о себе новыми книгами. Вышедший из печати в 1957 году сборник Владимира Солоухина «Владимирские просёлки» нёс в себе мощный заряд русской идеологии. Появилась группа писателей, которые не боялись произносить и писать слова «Русь», «Россия», «русский»... А началом создания писатель-

ских организаций в каждой области послужило учреждение Союза писателей РСФСР. Накануне первого съезда республиканского творческого союза (декабрь 1958 года) разворачивается динамичный процесс учреждения писательских ячеек в регионах, которые должны были делегировать своих посланцев на общероссийский форум.

В июле 1958 года в Москве было принято решение о создании Курской областной писательской организации — одной из первых, как говорили тогда, на периферии. Инициативу проявил известный на всю страну публицист и драматург Валентин Овечкин, первым ответственным секретарём избрали Михаила Колосова. В состав организации вошли писатели из Брянска, Калуги, Орла, Тулы, Белгорода.

Вскоре началось стремительное «дробление» Курской организации. Уже 10 января 1960 года по инициативе Союза писателей РСФСР была создана Орловская областная организация Союза писателей как одно из региональных отделений Союза. Писательская ячейка, первоначально объединившая авторов не только из Орла, но и из Брянска, формировалась при активном участии секретаря СП РСФСР, известного поэта, руководителя Смоленской организации, Николая Рыленкова и писателя-фронтовика Владимира Мильчакова, который и стал первым ответственным секретарём организации в Орле.

В ноябре 1960 года заявила о себе Тульская организация СП, в ноябре 1963-го — Калужская. К тому времени и в Брянске складывались весомые предпосылки для появления самостоятельной литературной организации: ещё в 1950-е годы здесь регулярно выходили сборники «Край родной», «Литературный Брянск», успешно работала книжная редакция издательства «Брянский рабочий». В декабре 1950 года состоялось первое областное совещание литераторов, завершившееся созданием Брянского литературного объединения. Тогда было избрано бюро, председателем которого стал А. Артеменко, руководителем секций прозы и драматургии — А. Козин, поэзии — С. Петрунин, заместителем председателя — И. Швец и секретарём К. Миньков. Ряд талантливых брянских литераторов был принят в Союз писателей.

Скажем по несколько слов о людях, стоявших у истоков Брянской областной писательской организации. Как и в других областях, в боль-

шинстве своём это были недавние фронтовики, 40-летние, ещё молодые по писательской мерке, но уже зрелые литераторы, имевшие в активе по несколько книг.

Алексей Семенович Козин (1913–1984) — драматург, член Союза писателей СССР. Автор книг и пьес: «Виноградовцы» (1950), «Одноактные пьесы» (1955), «О самом дорогом» (1956), «Не в бровь, а в глаз» (1956), «Шила в мешке не утаишь» (1956), «Любовь не продаётся» (1956, 1960), «Если в сердце весна» (1958, 1963), «Не тутто было» (1961), «Семь комедий» (1963). Возглавлял книжную редакцию «Брянского рабочего». Пьесы Козина шли во многих театрах страны, благодаря ему драматургия в Брянске была представлена на равных с другими жанрами.

Илья Андреевич Швец (1917–1991) работал редактором книжной редакции; его перу принадлежат книга стихов «В краю легенд» (1960), рассказы «Речные сказки» (в соавторстве с В. К. Соколовым, 1958), «Почему мы смеялись?» (Орёл, 1961), «Соловьи и разбойники» (Орёл, 1962), поэмы «Трубка мира» (1961).

Константин Иванович Миньков (1923–1970) заведовал отделом в «Брянском рабочем», его сатирические рассказы и фельетоны часто появлялись на страницах этой газеты и «Брянского комсомольца». В те годы книги Минькова выходили достаточно часто: сборники «Добрая душа» (1955), повесть «Похождения Синекурова» (1957), «Когда приходит любовь» (1958), «Над Десной-красавицей», «С улыбкой и без улыбки», «По собственному желанию» (1961).

В Орловской организации они были наравне с тогда ещё немногочисленными орловцами. Руководил пишущей братией, как уже упоминалось, Владимир Андреевич Мильчаков (1910–1973). В молодые годы он работал в уголовном розыске в Средней Азии, прошёл дорогами Великой Отечественной — участвовал в штурмах Бреста, Кёнигсберга, Берлина. Вернувшись после войны в Ташкент, в 1946 году стал членом Союза писателей. Мастер военной прозы, в 1959 году он переехал в Орёл. Ядро организации в Орле составляли «последний классик», тончайший прозаик Евгений Горбов, литературовед Леонид Афонин, широко известный поэт Дмитрий Блынский, а также руко-

водители «Орловской правды» прозаик Иван Патенков (глава областного литературного объединения) и сатирик Владимир Комов. Они и были коллегами брянцев по «писательской ячейке».

Обнаруженные в Орловском Доме литераторов документы свидетельствуют о том, что общение писателей-соседей было весьма интенсивным: собрания, творческие семинары, юбилейные встречи, издание книг и т. д. Так с 11 по 15 мая 1962 года В. А. Мильчаков был в командировке в Брянске — вёл семинар молодых писателей. Три дня в конце июня того же года С. И. Петрунин (Сергей Иванович одним из первых на Брянщине был принят в члены Союза писателей СССР), И. А. Швец и К. И. Миньков работали в Орле, в отделении Союза писателей. А перед этим, с 20 по 25 мая 1962 года А. С. Козин был командирован в Новозыбков и Дубровку «по заданию Орловского отделения СП РСФСР» (командировочное удостоверение выписано в «Брянском рабочем», отмечено в редакциях районных газет).

Дотошному читателю наверняка станет интересно, где в то время располагался «штаб» брянских литераторов. По всей видимости, таким штабом и была редакция областной газеты: судя по командировочным удостоверениям, отметки делались в «Брянском рабочем» (в некоторых случаях — в «Брянском комсомольце»). Например, в «Брянском рабочем» отмечена командировка В. А. Мильчакова с 12 по 14 ноября 1962 года в Брянск для «работы с молодыми писателями». Также В. А. Мильчаков приезжал в Брянск с 29 по 31 марта 1963 года «по творческим вопросам и в связи с юбилеем Козина А. С.» (останавливался в гостинице «Центральная» — ныне «Чернигов»). А Швец, Козин и Миньков были в Орле с 25 по 27 февраля 1963 года (остановились в гостинице «Орёл»).

Можно предположить, что именно тогда, в конце зимы и начале весны 1963 года, в Брянске и Орле обсуждался механизм создания самостоятельной Брянской писательской организации.

Почему же писатели хотели разделиться, если между ними не было очевидных противоречий и конфликтов? Можно предположить, что главной предпосылкой оказался назревший вопрос о необходимости открытия в Брянске областного издательства на основе имевшейся

книжной редакции «Брянского рабочего». Без наличия областной писательской организации «пробить в верхах» новое полновесное издательство было просто невозможно…

Решение секретариата правления Союза писателей России о создании в Брянской области отделения Союза писателей датировано 31 августа 1963 года. Началась организационная работа, которая частично отражена и в сохранившихся документах, таких, как, например, командировочное удостоверение В. А. Мильчакова для поездки на организационное собрание Брянского отделения Союза писателей с 2 по 4 октября 1963 года (отметка сделана печатью «Брянского рабочего»).

3 октября 1963 года в Брянске состоялось организационное собрание. В торжественной обстановке, с участием творческой интеллигенции и руководящих органов города и области Брянская писательская организация заявила о своем существовании. С приветственным словом к брянским литераторам обратился секретарь правления Союза писателей СССР и России Н. М. Грибачев. Секретарём отделения был избран А. С. Козин.

Вскоре (оттиск штемпеля нечёткий, виден только месяц: октябрь 1963) из Орла была отправлена телеграмма: «Брянск, Брянский рабочий, Козину. Просим прибыть в Орёл для приёма дел по Брянскому отделению СП. Мильчаков». Имеется и командировочное удостоверение на поездку А. С. Козина в Орёл с 8 по 10 октября 1963 года. Очевидно, что именно в эти дни новый секретарь принимал дела.

Примечательно, что с разделением организаций их творческие контакты остались весьма тесными и интенсивными. Орловцы и брянцы приглашали друг друга на литературные праздники и другие события, совместно отмечали юбилеи и т. д. Подтверждением тому несколько документов второй половины 1960-х годов. Например, судя по командировочному удостоверению, орловские писатели Е. Зиборов, В. Катанов и Б. Попов приняли участие в неделе Брянской поэзии 4-8 июня 1966 года. Спустя год в аналогичной неделе участвовал Борис Попов, а в июле была отправлена телеграмма: «Брянск, отделение Союза писателей. Орловцы сердечно поздравляют пятидесятилетием Илью Швеца. Желаем отменного здоровья, новых творческих удач. Зибо-

ров». Поэт Виктор Дронников приезжал в Брянск в начале августа 1967 года, чтобы выступить на открытии музея Ф. И. Тютчева в Овстуге (судя по сохранившемуся автобусному билету, побывал он тогда и в Красном Роге). Илья Швец был приглашён в Орёл на декаду литературы, посвящённую 150-летию со дня рождения И. С. Тургенева (состоялась с 22 по 31 октября 1968 года)…

Перечень можно продолжать и продолжать — возможно, из него со временем сложится правдивая и полновесная история литературной жизни региона второй половины XX века. Стоявшие у истоков творцы всегда оставались вместе и передали этот завет молодым литераторам Брянска и Орла, чтобы и на столетних юбилеях писательских организаций о нашей братской дружбе никто не говорил в прошедшем времени.

Петрищев, сын Петрищева

С чего начинается Родина? Как поётся в известной песне, «А может, она начинается со старой отцовской будёновки, что где-то в шкафу мы нашли…» Вот и эта невыдуманная история началась с найденной в 2008 году где-то на антресолях канцелярского шкафа пачки ещё довоенных трудовых книжек журналистов «Орловской правды». Уж не знаю, почему именно в тот весенний день они были извлечены на свет Божий. Секретарь редакции Елена, зная, что я интересуюсь историей журналистики, дала мне на время эту стопочку документов с выцветшими серыми обложками. Не буду сейчас рассказывать, о чём поведали другие «трудовые паспорта» (почти все они принадлежали погибшим на войне орловским журналистам и заканчивались стандартной записью «Призван в действующую армию»). Была здесь и ничем не примечательная трудовая книжка Василия Петрищева.

В ней значилось, что декабре 1938 года Василий Афанасьевич Петрищев принят на должность редактора-консультанта Орловского издательства при обкоме ВКП(б)[1]. В книжку была вложена служебная записка на бланке заведующего издательством при Орловском обкоме

ВКП(б). Содержание записи в трудовой книжке и самой служебной записки практически одинаково. Процитируем текст второго документа: «Петрищев Василий Афанасьевич (все три слова подчёркнуты — А. К.). Образование среднее (последнее слово подчёркнуто двумя линиями — А. К.). Год рожд. 1912. Трудовой стаж 10 лет, подтверждён документами 8 лет 2 месяца, остальное со слов. В издательстве обкома ВКП(б) назначен редактором-консультантом с 13/XII 38 г. (Неразборчивая подпись)».

То, что книжка сотрудника издательства попала в одну стопку с журналистскими, неудивительно — в военные и послевоенные годы орловское издательство входило в состав редакции областной газеты. Так случилось, что Орёл в октябре 1941 года был оккупирован внезапно: по всей видимости, безвозвратно исчезли архив и библиотека редакции. А потому трудовые книжки — едва ли не единственное, что уцелело в редакционном делопроизводстве (даже книга приказов начинается с весны 1942 года, все записи в личных делах сотрудников тоже датированы самое раннее этим сроком).

Кем был этот Василий Петрищев? Почему он в 26 лет, не имея высшего образования, стал одним из ведущих сотрудников издательства обширной области? А главное, как сложилась его дальнейшая судьба: имя Петрищева никогда не упоминалось среди тех, кто погиб на войне, и среди тех, кто вернулся после Победы. Вопросы, вопросы…

Для начала я набрал в поисковой системе Интернета его фамилию. Появилось несколько подсказок, вот они:

1. Петрищев — автор ряда книг, изданных в Орле в предвоенные годы.

2. Его имя упоминает в своих мемуарах Галина Аграновская.

3. Есть вероятность того, что орловский Петрищев — сын брянского уроженца, эмигранта Афанасия Петрищева.

Итак, обо всём по порядку.

В областной библиотеке имени И. А. Бунина удалось узнать, что В. А. Петрищев — автор изданных в Орле книг «Брянск» (1938), «Обновлённый город [Дятьково]» (1938), «М. Ю. Лермонтов» (1939), «Игнат Фокин» (1939), сборника рассказов «Победитель» (1940), соавтор книги «Гигант индустрии социализма» (1940,

к 75-летию комбината «Красный Профинтерн»). В литературно-художественном сборнике «Юность» (1938) был опубликован рассказ В. Петрищева «Бессмертие», в первом выпуске «Литературного альманаха» (1939) — его подборка «Семь рассказов». А ещё Петрищев был редактором книги «Как выбирали в Государственную думу» (Орёл, 1939). Пересказывать содержание текстов Василия Афанасьевича — дело долгое. Предлагаю читателю малую цитату из книги об одном из городов Брянщины, думаю, сразу станут ясны и стиль, и позиция автора: «Дятьково было центром Мальцевской каторги, было центром, откуда по всем их заводам округа (Людиново, Старь, Ивот, Бытошь, Песочня, Знеберь, Сукремль и др.) расходились нити проклятой паутины, опутывавшей рабочих. Это был центр произвола и угнетения»[2].

Далее в моих разысканиях начинался настоящий детектив. Петрищева вспомнила в автобиографической повести «Отец»[3] Галина Аграновская. Известный брянский писатель Фёдор Каманин (1897–1979) с момента создания в Орле книжного издательства (оно появилось вскоре после образования в 1937 году Орловской области) работал здесь редактором. Галина Фёдоровна пишет: «Отца арестовали в Орле, в редакции газеты, где он печатался. Донёс на него его приятель Петрищев. Отец при нём сказал: «Пережила Россия монгольское иго, переживёт и грузинское». Много лет спустя в разговоре с нами, моим мужем Анатолием Аграновским и мною, отец рассказал, что при первом же допросе всплыла эта фраза, и он сразу понял, кто на него донёс, хотя фамилия Петрищев не произносилась… Я смутно помню весёлого, светловолосого, молодого человека в нашем доме, приходившего всегда с подарками нам, детям <…> через тринадцать месяцев и две недели пришёл домой наш отец. Был он истощён, беззуб, кашлял всё время».

В своей повести Галина Аграновская дважды цитирует отрывки писем к ней ныне покойного брянского литературоведа В. П. Парыгина по поводу Петрищева: «Фамилия этого человека в газетах того времени мелькает, но никаких следов его в дальнейшем я не нашёл»; «Спрашивая Вас о Петрищеве, о котором я ничего не нашёл в архивах… »

Книга В. П. Парыгина с дарственной надписью автора бережно хранится в моей библиотеке. Пролистав её[4], обнаружил ещё несколько

штрихов к биографии. Парыгин упоминал: «Петрищев писал, и порой не такие уж и плохие стихи, конечно, в духе того времени, ура-патриотические, и в брянских газетах 20–30-х годов публиковался, особенно в «Брянском рабочем», почти на каждой «Литературной странице»[5]. Оказалось, что в юные годы Василий Петрищев был одним из активистов Брянской ассоциации пролетарских писателей. Например, на литературном вечере в Центральной библиотеке Брянска в декабре 1928 года В. Петрищев выступал со своей прозой[6], был избран делегатом первой конференции пролетарских писателей Западной области (всего от бывшей Брянской губернии на эту встречу было направлено 11 человек)[7]. В альманахе Брянской ассоциации пролетарских писателей «Звенья» (1929) был опубликован его рассказ «Следы» …

Замечу, что крайне важным этапом в творческой биографии Петрищева стал сборник рассказов «Победитель». Книга вышла в издательстве Орловского областного Совета депутатов трудящихся в 1940 году. На 114 страницах разместились пять рассказов: «Мастерство», «Победитель», «Простое дело», «Молодость», «Машина едет в Кремль». Первый рассказ — о старом мастере и его сыне музыканте (тема единства производства и искусства), сюжет второго рассказа: умирает старый профессор, а его сын-инженер в это время добивается выплавки особого сорта стали. Четвёртый рассказ — о драматическом случае во время загородной поездки.

На мой взгляд, особого внимания заслуживают третий и пятый рассказы. «Простое дело» — это дело, работа старого чекиста Алексея Сергеевича Строева. В пятом, завершающем книгу рассказе со смелым названием «Машина едет в Кремль» во многом уже разработанное Петрищевым начало: снова два героя — отец и сын Иван, в 1935 году окончивший институт, теперь крупный руководитель промышленности. Иван выступил против некоего плана, подписанного «гремевшим именем». Спор Ивана с авторитетами (устаревшими авторитетами — даёт понять читателю автор рассказа) разрешается тем, что его вызывают в Кремль к Сталину для дачи объяснений …

В начале апреля 1941 года бюро областной литературной группы и Центральная библиотека города Орла провели обсуждение книги «По-

бедитель»: «Читальный зал библиотеки переполнен. Сюда пришли студенты, учащиеся, рабочие, преподаватели школ и служащие. Большинство из них знакомы с произведениями тов. Петрищева, вдумчиво читали их. Они активно участвуют в обсуждении творчества молодого писателя, высказывают свои мысли, впечатления, замечания, советы.

— Книга Василия Петрищева, — говорит учащийся Орловской средней школы № 3 тов. Галахов, — правдиво изображает нашу советскую действительность, по-своему воздействует на читателя, воспитывает чувства патриотизма»[8].

Отмечали участники читательской конференции и «недостаточно отшлифованные образы, неряшливые формулировки».

«Читатель тов. Новиков говорит, что ему не понравился рассказ «Простое дело». Чувствуется, что автор плохо знает жизнь и работу чекистов».

«Несмотря на < … > недостатки, книга В. Петрищева в Орле пользуется большим успехом. Выступивший в заключение тов. Петрищев согласился с большинством замечаний, рассказал о том, как он работал над книгой, и о своей дальнейшей творческой деятельности».

Какая-то совсем уж мефистофелевская картина получалась у меня из всех этих разрозненных свидетельств. Выходит, достаточно способный юноша, который пишет гражданственные стихи, за одну только неосторожно сказанную фразу сочиняет донос на своего старшего друга и коллегу и после ареста занимает его место в издательстве. А пока Фёдор Каманин сидит в орловской тюрьме, Петрищев-де воспевает подвиги чекистов в своих рассказах? Размышляя над этими парадоксами, я понял, что надо попытаться восстановить недостающее звено: сделать запрос в архив местного управления ФСБ о том, каковы именно были обвинения в адрес Фёдора Каманина, почему их сняли спустя 13 месяцев и есть ли какая информация об участии в этом деле Петрищева.

Вскоре заместитель начальника управления ФСБ по Орловской области С. А. Соколов сообщил: «Сведениями на Васюнина (Каманина) Фёдора Георгиевича управление ФСБ России по Орловской области, информационный центр при УВД по Орловской

области, а также Главный информационный центр МВД России не располагают»[9].

Так или иначе, но в исследовании «криминальной истории» Фёдора Каманина здесь приходится поставить точку. А вот в «деле Петрищева» ответ из ФСБ открыл совершенно неизвестные страницы (помните, когда-то В. П. Парыгин в письмах Галине Аграновской сетовал на потерю следа Петрищева?). Оказалось, что Василий Петрищев был арестован в Орле 20 июня 1941 года управлением НКГБ по Орловской области. Также в следственном деле упоминалось, что до переезда в Орёл (декабрь 1938 года) он жил в Смоленске, где работал в редакции областной газеты «Рабочий путь», и в Дятьково, где был ответственным секретарём районной газеты «Фокинский рабочий» (конкретные даты пока неизвестны). Кстати, Фёдор Каманин работал в дятьковской газете с 1933 года[10].

Из материалов дела следовало, что Петрищев уроженец Брянска, беспартийный, холостой, проживает в Орле по адресу: улица Комсомольская, 123. В анкете арестованного, хранящейся в уголовном деле, в пункте 21 «Состав семьи» было записано:

«Отец — Петрищев Афанасий Борисович, 65–67 лет, проживает в Париже.

Мать — Петрищева Холия Максимовна, 63–65 лет, проживает в Ленинграде.

Брат — Константин Афанасьевич, 40 лет, проживает в Ленинграде.

Брат — Николай Афанасьевич, 28 лет, учитель, проживает в Ленинграде.

Сестра — Татьяна, 35–37 лет, библиотекарь, проживает в Ленинграде с матерью.

Сестра — Зоя, 30–35 лет, проживает в Брянске, работает библиотекарем».

Обращает на себя внимание то, что Василий Петрищев указывает возраст некоторых ближайших родственников приблизительно. Можно предположить, что после революции семья фактически распалась, братья и сёстры не общались.

Характерны сведения об отце в том виде, в каком сообщил их следователю Василий: отец происходит из семьи купца города Брянска.

В конце 1890-х годов в Карачеве он окончил учительскую семинарию и выехал в область войска Донского учительствовать. Там же начал работать в редакциях газет и на поприще журналистики сделал карьеру — был приглашён редактором журнала «Русское богатство» В. Г. Короленко в редколлегию этого журнала, где трудился до 1918 года, то есть до закрытия издания. Октябрьскую революцию А. Б. Петрищев, по словам сына, встретил в Брянске, после чего оставил семью и выехал один в Петроград (в следственном деле указан Ленинград), где работал в различных издательствах. В 1924 году за контрреволюционную деятельность А. Б. Петрищев, опять же по словам сына, был арестован органами ОГПУ, под стражей находился около двух месяцев, а после освобождения выслан за границу[11].

Следствие предъявило Петрищеву обвинение в контрреволюционной агитации. Перечитывая ныне его книгу «Победитель», невольно вспоминаешь совпадающую до деталей историю с «Рассказами майора Пронина» Льва Овалова: того арестовали в Москве тоже летом 1941 года и обвинили в разглашении методов, которые использовали органы НКВД. Итак, снова пролистаем «Победителя».

Рассказ «Простое дело» — о чекисте Строеве, который служит в одном из городов (можно предположить: в Смоленске, Брянске или Орле). Автор бегло показывает его дом, семью, а затем даёт очень медленное, подробное описание того, как машина чекистов едет по тёмным улицам. Петрищев старается показать читателю мысли, которые возникают у Строева о своей профессии во время этой долгой поездки: «Фотографии трупов и жёлто-коричневые пятна на рубашках убитых, ржавые от крови лезвия ножей, запах гари от револьверных дул, взломанные замки, ночи допросов, пёстрая вереница людей с конвоирами за спиной — это была его жизнь, будничная, незаметная. <…> Простое дело!».

И ещё одно описание, заслуживающее цитирования: «Люди ложились спать, ужинали, читали, работали, смеялись, а ночь под своим тёмным пологом скрывала что-то, сгоняющее улыбку с лиц, таила преступления, ещё не совершённые, но уже готовящиеся». Далее следуют абзацы о хождениях чекиста по городу (уже без машины): грязные переулки, залы ожидания на вокзале, буфет, сыщицкое

рассматривание людей. Постепенно читатель понимает, что Строев — своего рода «подсадная утка» в деле о пропаже пассажиров на местном железнодорожном вокзале. После того, как бесследно исчезли несколько командированных с немалыми суммами денег, управление НКВД решило взять преступников «на живца»: скучающий пассажир Строев волей-неволей должен обратить внимание злоумышленников. Он «сам начинает игру, в которой проиграть для него значило умереть». В итоге некая девица знакомится с ним, входит в доверие и ведёт к себе домой переночевать (понятно, что в гостиницах в пору индустриального строительства мест для приезжих не хватало). Ночью на Строева пытается напасть хозяин дома — старик, но гость был начеку, да и его соратники подоспели вовремя. Завершается рассказ полным торжеством чекиста, хотя автор явно избегает бравурного финала: на протяжении всего действия он показывает своего героя человеком измученным — у Строева невыносимая зубная боль (некоторые читатели даже упрекнут Петрищева за эту деталь — она, мол, только мешает пониманию столь важного образа).

А в рассказе «Машина едет в Кремль» такой финал: «Арка въезда сразу остановилась над машиной. А затем всё было в тумане. Лица, дома, лестницы, по которым он шёл. Всё, — пока не открылись высокие двери, и навстречу не поднялся человек в серой простой одежде, кладя на стол простую коротенькую трубку». Вот так, не указывая фамилию и скупясь на какие-либо детали, Петрищев, наверное, чересчур смело ввёл в свой рассказ Сталина.

Можно представить, как после ареста каждое такое слово отзывалось автору на допросах. Куда внимательнее, чем участники читательской конференции, сборник проштудировали следователи. И предоставили писателю Петрищеву абсолютно реальную возможность как можно ближе познакомиться с работой советских правоохранительных органов.

Ещё одной невероятно тяжёлой гирей на весах Фемиды военного времени стала биография отца — Афанасия Борисовича Петрищева (1872–1951). Писатель и общественный деятель А. Б. Петрищев в период первой русской революции редактировал журналы «Весть» и

«Щит», участвовал в сборнике «Смена вех». В условиях безбрежного либерализма тогда же вышла его книга «Триста лет 1606–1906», критикующая всех Романовых по очереди (главы книги: «До смутного времени», «Михаил Фёдорович и Алексей Михайлович» «Пётр Великий», «Наследники Петра I», «Наследники Петра III и его супруга», «Павел Петрович и его дети», «Интеллигенция и народ», «Борьба из-за конституции», «Временное торжество самодержавия», «Начало революции»). Книга выдержала три издания.

В 1906 году Афанасий Петрищев стал одним из основателей партии народных социалистов, был членом её организационного комитета. Эта партия сформировалась на базе правого крыла эсеровской партии. Её отцы-основатели требовали создания легальной партии, осуждали «аграрный террор». Особенно резко они выступали против программного пункта эсеров о диктатуре рабочего класса, который, по их мнению, представлял собой «состязание с социал-демократами». Среди целей новой партии: демократические свободы, 8-часовой рабочий день, охрана труда, организация профсоюзов, постепенная национализация земли (т. е. выкуп её у владельцев).

В годы первой мировой войны А. Б. Петрищев — «оборонец» — активно участвовал в объединении народнических сил. В 1917 году поддерживал Временное правительство. На II съезде Трудовой народно-социалистической партии (Петроград, 21–23 июня 1917 года) был избран членом её Центрального комитета. С 1917 года — редактор газеты «Народное слово», с ноября — издатель газеты «Слово в цепях». Резко осудил Октябрьский переворот. После 1917 года заведовал культпросветотделом Брянского союза кооператоров. В 1921 году был вызван из Брянска в Петроград «т. Луначарским для литературной работы».

Но уже в июле 1922 года В. И. Ленин в письме в ЦК партии потребовал «решительно «искоренить» всех энесов» и в числе первых четырёх назвал Петрищева. Арестовали его 16 августа, освободили 21 сентября 1922 года «ввиду отъезда его заграницу 15 ноября с. г.» (это был тот самый «философский пароход»).

В эмиграции А. Б. Петрищев сотрудничал в еженедельнике «Дни» (Париж), издававшемся А. Ф. Керенским. В 1937–1939 гг. сотрудничал

в журнале «Русские записки» (Париж — Шанхай), издававшемся П. Н. Милюковым; в 1945 – 1949 гг. — в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк)[12].

17 сентября 1941 года, за 16 дней до вступления немцев в Орёл, военный трибунал Орловского военного округа по статье 58 пункт «а» УК РСФСР приговорил В. А. Петрищева к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, с поражением в правах на 5 лет, «без конфискации имущества за отсутствием такого». Василий Петрищев был полностью реабилитирован прокуратурой Орловской области 18 ноября 1992 года.

Можно ли сказать, что «Дело Петрищева» теперь закрыто? Наверное, последнюю точку ставить ещё рано. Со временем откроются новые архивы, станут известны новые свидетельства. Но уже сейчас хочется, насколько возможно, снять с Петрищева обвинение в доносительстве на своего старшего товарища и коллегу Фёдора Каманина. Не случайно ещё полтора десятка лет назад умудрённый жизнью В. П. Парыгин в своей книге высказал предположение: «Собственно говоря, сработало [т. е. стало причиной ареста Ф. Каманина. — А. К.] тогда скорее, само время, а не энтузиазм Петрищева… »[13]

---

[1] Текущий архив редакции газеты «Орловская правда».

[2] В. Петрищев. Обновлённый город [Дятьково]. — Орёл, 1938. С. 5.

[3] Г. Аграновская. Отец // Вопросы литературы. 2002. № 3.

[4] В. Парыгин. Реабилитирован посмертно (1920–1930). — Брянск: Товарищество «Придесенье», 1994.

[5] Там же. С. 104.

[6] Брянский рабочий, 1928, 1 дек.

[7] Брянский рабочий, 1930, 2 февр.

[8] Комсомолец (Орёл), 1941, 9 апр.

[9] Архивная справка Управления ФСБ по Орловской области № 10/4854 от 2 октября 2009 г.

[10] В. Парыгин. Реабилитирован посмертно… С. 95.

[11] Архивная справка Управления ФСБ по Орловской области № 10/4853 от 2 октября 2009 г.

[12] Подробнее о А. Б. Петрищеве см.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. — М.: Русский путь, 2005. С. 86, 475–476.

[13] В. Парыгин. Реабилитирован посмертно… С. 104.

Поэзия

Наталья МИШИНА

Об авторе

Мишина Наталья Викторовна родилась 3 августа 1980 года в Брянске. Окончила Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского и Московский педагогический государственный университет, оба — с отличием. Член Союза писателей России. Член Союза писателей Союзного государства. Член Правления Брянской областной общественной писательской организации. Учитель-логопед высшей категории.

Победитель и призёр региональных и международных литературных конкурсов: «В единстве наша сила» (Могилёв, Беларусь, 2012, 2016,2017,2018). «Верю в Россию и верю в народ» (2014, 2015, 2017), «Рифмы детства» (2011), «Хрустальный родник» (Орел, 2014) «Заповедная строка» (2016). «С любовью к поэту» (Смоленск, 2016) и других.

Делегат I съезда Международного союза писателей и мастеров искусств (Сумы, Украина, 2011). Участник, победитель и дипломант интернет-конкурсов. Участник и дипломант литературно-музыкального фестиваля «Славянский венок» (Брестская область, Беларусь, 2014, 2015). Участница Международного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (Таганрог, 2017, 2018, 2019). Автор книги стихотворений «Поиски героя» и логопедической методички для занятий с детьми «Давай раскрасим радугу!»

Стихи публиковались в альманахах «Литературный Брянск», «Пересвет», «День поэзии» (Москва, 2015, 2018), «Дзвіна» (Витебск, 2018), «На земле Бояна», «Парад литератур» (Москва, 2018), в «Литературной газете» (2015), «Медицинской газете» (2018), в антологии «Брянские писатели», «Наша Победа» (Брянск, 2016), в коллективных сборниках в Брянске, Орле, Таганроге, Курске, на Украине и в Беларуси, в брянской периодике, а также в газетах «Северная надбавка» (Магадан), «Колымский тракт» (Магадан), «По горячим следам» (Брянск), «Гомельские ведомости» (Беларусь) и др. Творчество широко представлено на литературном портале Стихи.ру. Лауреат премии В. И. Нарбута «Пять хлебов» (Украина, 2018) и Почётной грамотой Союза писателей России (2018).

Я ВСЕХ ВАС ПОИМЁННО ПОМНЮ

Иголка памяти

Бывало, вместе с бабушкой мешки
Готовили мы летом для картошки.
Мои, не слишком ровные, стежки
Прокладывали хлопковые стёжки.

Мы на крыльце садились, как в раю,
Довольный кот мурлыкал по соседству…
Вплетала я тогда в судьбу свою
Спокойное, улыбчивое детство.

Прошли года… И я смотрю в окно:
В минувшее нигде не скрипнет дверца.
Нет бабушек и дедушек давно,
Иголкой память больно колет в сердце.

Неравнодушие

Мне кажется, качнётся паутинка —
И я услышу этот мягкий звук.
Засохнет побледневшая травинка —
Почувствую и я чужой недуг.

Ну почему не быть мне толстокожей?!
Ну почему не слышать не могу?!
Стою, на ожидание похожей,
На противоположном берегу.

Сомненья прячу в лёгких складках платья,
И чайка душу в облака влечёт…
У равнодушных больше прав на счастье,
На то, что называется расчёт.

Новая жизнь

Моей племяннице Виолетте

Не лёгок приход в эту новую жизнь,
И хрупко начало пути.
Качаю кроватку…
Малютка, держись!
Большой и счастливой расти!

Пока что ещё ты настолько мала,
Что звёздные тайны хранишь.
Твой Ангел, раскинув два белых крыла,
Глядит, как спокойно ты спишь.

И я благодарно молитвы прочту,
Пусть Бог бережёт всех детей.
Ты можешь уже понимать теплоту
Тебя полюбивших людей.

Над городом мирные зори встают
И ярко блестят купола.
Стал дома иным аромат и уют,
И ради тебя — все дела.

Откроешь глазёнки — и снова уснёшь,
В свой сон беззаботный маня.
Я жду с нетерпеньем, когда подрастёшь
И крепко обнимешь меня!

Запомни, мальчик!

В воскресный день на Буйничском поле
Спокойно солнце греет тишину.
Часовня, вся в блестящем ореоле,
Стоит, напоминая про войну.

Гуляют снова семьи и туристы,
Кто — на экскурсии, кто — просто так.
Вдруг вскрикнул мальчик: юному «танкисту»
Не удалось вскарабкаться на танк;

Упал, поранив руку, — слёзы градом,
Все утешали, кто во что горазд…
А старичок присел с мальчишкой рядом
И начал поучительный рассказ:

«Запомни, мальчик, плакать здесь — не надо!
Семь с небольшим десятков лет назад
Тут в каждом сантиметре кровь солдата
Ложилась горем в огнестрельный град.

Вот в этих танках, страшных и коварных,
Ломая жизнь и судьбы, как жнивьё,
Ползло бедой на братьев православных
Поганое фашистское зверьё.

Запомни, мальчик, несколько моментов:
Борясь за каждый метр родной земли,
Семён Кутепов, Мазалов, Терентьев
Держали оборону, как могли!

Четырнадцать часов велось сраженье,
Стрелковый полк наш немцам дал отпор!
Ты посмотри, дружочек, с уваженьем
На танк советский, крепкий до сих пор!

Запомни, мальчик, здесь, под небесами,
Царила смерть в смятении огней,
Наполнив это озеро слезами
Сирот, и вдов, и бедных матерей.

Скажу, не утомив своей моралью,
(Быть может, здесь погиб и мамин дед?),
Великими скорбями и печалью
Всходил над этим полюшком рассвет.

Запомни, мальчик, место тут Святое!
Здесь люди отдавали жизнь за мир,
За то, чтоб мы гуляли тут с тобою
И мирно спали в тишине квартир.

Над этим полем в зареве заката
Развеян прах поэта одного,
Что призывал в Победу верить свято.
Знай: Симонов — фамилия его!»

Ребёнка обнял дедушка за плечи,
Поправил прядь усталой седины:
«Пойдём в часовню и поставим свечи,
Чтоб больше в мире не было войны!..»

В часовне на Буйничском поле

И вновь качнётся маятник в часовне,
Среди венков и строгой тишины:
Я всех вас поимённо помню, помню,
Погибшие за Родину сыны!

Тик-так... Пример показан был, как надо
Вести тяжёлый бой без лишних слов.
Не зря зовут отцом для Сталинграда
Отважный, сильный город Могилёв!

Тик-так... С тех пор на Буйничском поле
Росой ложатся слёзы матерей
Солдат, не знавших об исходе боя,
И в ополченье собранных людей.

Тик-так... Стоят зенитки, пушки, танки,
Сдержавшие ход немцев на восток...
А с неба молча смотрят спозаранку
Семён Кутепов, Симонов и Бог.

Тик-так... Считая мирные минуты,
Качнётся снова маятник Фуко.
Вся жизнь — меж крайних точек амплитуды,
Ушедшая от войн недалеко.

Тик-так... А мы опять несём гвоздики,
И красный флаг Победы вознесён.
И кажется, что проступают лики
Сквозь мрамор плит и золото имён.

А. К. Толстому

Две сотни лет прошло, как две недели…
И мы идём к Толстому на поклон,
Чтоб снова колокольчики глядели,
Как по лугам стрелой несётся конь.

Я не умею гвозди гнуть руками,
Играть с бумажной, лёгкой берестой,
Зато могу дышать и жить стихами,
Как наш земляк — известный граф Толстой.

Я не могу охотиться, стреляя,
Медведей никогда я не убью,
Но чувствую, бруснику собирая,
Что брянский лес я с детских лет люблю.

Я не сижу в усадьбе со свечами,
Осмысливая жизнь, как граф Толстой,
Но так же иногда не сплю ночами
И увлекаюсь рифмой непростой.

Козьму Пруткова не создам с друзьями,
А, впрочем, повторяться не хочу.
Но я горжусь своими сыновьями
И ребятнёй, которую учу.

Вновь Красный Рог гостей своих встречает,
И дух поэта чувствует земля.
Как жаль, что граф Толстой меня не знает,
Но, слава Богу, с ним знакома я!

Назвать по имени

Просишь вновь назвать тебя по имени,
Балуя меня в который раз,
Обнимая мягко, будто крыльями,
Улыбаясь лучиками глаз!

Растворясь в приятной неизбежности,
Забываю боль былых тревог.
Сколько же в тебе любви и нежности,
Словно для меня всю жизнь берёг!

Имя — вслух, а мысленно лишь отчество
Повторяя, вся дышу тобой!
Кажется, сбывается пророчество,
То, что называла я мечтой.

Зарядка на пляже

Аниматор на пляже проводит зарядку:
Словно Галли Матье для клиентов своих,
Он несёт чепуху… На носки и на пятки
Стали мы под симфонию чаек седых.

Волны ритм задают, и качаются плавно
Наши руки, и ноги, и даже следы.
Аниматор толкует о грешном и главном,
О здоровье и пользе несладкой еды.

От весёлой зарядки становится дыбом
Над навесом растрёпанным слой камыша.
Я готова взлететь — на смех крабам и рыбам,
А под ярким купальником млеет душа.

Жарит южное солнце, как тысячи печек,
Полоская лучи в толще свежей воды.
Из ракушек ты выложил пару сердечек,
Где на пляже расходятся наши следы.

Лечебный чай

Ходят вирусы, как слухи,
От людей туда-сюда,
И поэтому недуги
Сокрушают города.
Помня старое преданье
Про дремучий лес густой,
Я всегда в недомоганье
Пью лечебный свой настой.
Я в любую непогоду
В плед укутаюсь тайком
И приму дары природы
Каждым вдохом и глотком.
Сила солнечного леса,
Нежность листьев и цветов —
От микробов и от стресса —
Лечат лучше докторов.

Поэзия

Владимир СОРОЧКИН

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ СВЕТ

Листья, травы…

Как всегда — сильны́ и здравы,
Схватят солнце под уздцы
Всей толпою — листья, травы,
Первоцветы-сорванцы.

Об авторе

Сорочкин Владимир Евгеньевич родился 21 января 1961 года в Брянске.

Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова).

Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах, переводились на белорусский, украинский, болгарский, коми языки.

Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое «да» (1997), «Завтра и вчера» (2005), «Потаённое небо» (2016), «Божье колесо» (2019).

Лауреат многих литературных премий, в том числе: им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» (2001), им. Н. С. Гумилёва (2018), премии им. А. К. Толстого «Серебряная Лира» (2014).

Награждён медалями «За вклад в развитие города Брянска» (2013), «За особый вклад в книжное дело» (2015).

Заслуженный работник культуры Брянской области (2015).

Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного Государства.

И — один другого краше,
В небо двинутся войной,
Чтоб себя размазать кашей
По тарелке земляной.

Вот они — в весёлом раже,
Выполняя вечный долг,
Маршируют в камуфляже
Вдоль асфальтовых дорог.

В наступленьях и погонях
Вдаль спешат — за рядом ряд,
Словно звёзды на погонах,
Одуванчики горят.

Травы тонут в ливнях мая,
Прорастают сквозь быльё,
Корешками обнимая
Счастье горькое своё.

Помню о вас

Всем, кто ушёл, мне хотелось бы снова
Доброе слово сказать иль полслова —
Всем, кто ушёл.
Всем, кто в закатной разлил позолоте
Дни, промелькнувшие, словно в полёте
Крылышки пчёл.

Помню о вас, кто с терпеньем и болью
Жил, на любовь отвечая любовью, —
Помню о вас.
Помню, что сретенье — не за горами,
И проступает сильнее с годами
Кровная связь.

Живы во мне — отголосками счастья
Все вы, родные, до смертного часа
Живы во мне.
Живы, печалям земным не внимая,
Веткой сирени весну обнимая
В радужном сне.

Дом детства

Проснёшься в детстве. Утро. Холод.
Оживший дом похож на храм,
В котором сны и тени ходят
В обнимку, прячась по углам.

Сквозь не завешенные шторы,
Как белоснежный райский сад,
Окна морозные узоры
Пушистым инеем блестят.

Печь пахнет мелом и весною.
Мать наливает в кружки чай.
Отец молчит, хотя со мною
Он часто шутит невзначай.

А мне ещё лет пять, не больше,
И я смышлён не по годам…
Теперь я много б отдал, Боже,
Чтоб оказаться снова там,

Где мы опять, как прежде, рядом
Друг с другом — не разлей вода,
И этот миг под детским взглядом
Не исчезает никогда.

В извечной тайне неповинны
Они, бесплотные, как дым,
Когда и жизнь, и смерть едины,
Как и грядущее с былым.

Они слепят глаза, как солнце,
Там, за стеклом — отец и мать,
И к ним сквозь райский сад оконце
Я всё пытаюсь продышать.

Верхний Судок

Эта речка бежит, как подранок,
По оврагу, вдоль топкой тропы —
Никуда ей не деться из рамок
Берегов и бетонной трубы.

Неказиста и неприхотлива,
Знай свои обдирает бока —
Даже в бурную пору разлива
Не бывает она глубока.

Но и ей, неуёмной, по нраву —
В пору тёплых туманов и гроз
Напоить и деревья, и травы,
Приютить плавунцов и стрекоз,

Пригубить из весёлой криницы,
Из болотины взять тишину,
Прожурчать, прозвенеть, простроиться
И сорваться — с разбега — в Десну.

Потаённое небо…

Потаённое небо вишнёвого цвета
Разольёт осторожно — волна за волной —
Тёплый чай утонувшего в зелени лета —
Терракотовый, терпкий, тугой, травяной.

Что за тени толпятся за нами, пугая?..
Ничего ты не скроешь: таи — не таи...
Как горькѝ на беспечных губах, обжигая,
Родниковые, глупые слёзы твои.

Улыбнись! — и не будь так строга и предвзята.
Уходя, я навек забираю с собой
Глаз бесценных твоих акварельную мяту,
Смолянистый чабрец, золотой зверобой.

Сирень

О, как спешит сирень цвести,
Когда ночами бьёт остуда.
Шепчу: «Прости меня, прости,
Моё нечаянное чудо… »

Пусть я ни в чём не виноват,
Но — посмотри, как, изнывая,
Сирень горит, слова горят,
Своей вины не сознавая.

Готов вобрать духмяный вихрь
Любой каприз, любую шалость,
Когда дыханье губ твоих
С небесным сумраком смешалось.

Как густ и сладок аромат
Цветенья, мая и печали —
Мы столько лет уже подряд
Лишь этим воздухом дышали.

Так неразрывны, и просты,
И бесконечны в дымке смутной
И эта жизнь, и май, и ты,
И этот день сиюминутный.

На Мутном. Февраль

На озере зябко и волгло. Светает.
Невзрачен кустарник на том берегу.
Лёд крепок, но всё же вода проступает,
Сочась по пунктирам следов на снегу.

А небо взлетело уже, словно голубь,
Цепляя деревья белёсым крылом,
И нет рыбаков, лишь крещенская прорубь
Темнеет поодаль замёрзшим крестом.

…Здесь летом своё отраженье макали
В озёрную гладь облака и кусты,
И в звонкой воде поминутно мелькали
То спины, то пятки, то чьи-то хвосты.

А нынешний вид неуютен и жалок.
Февраль, не сдаваясь, отходит с трудом,
И как-то особенно жалко русалок,
Всю зиму проспавших на дне подо льдом.

Касаясь лица

Н. М.

А помнишь — снег кружился вразнобой,
Светясь алмазным нимбом над тобой,
Лица касаясь, тая в сгустках пара.
Зима уже куражилась и жгла,
И шаркала метельная метла
По стёртой грампластинке тротуара.

И ты смеялась — снегу, свету, снам,
И щедро время улыбалось нам,
Пересекая год привычным курсом,
А снег ваял, коснувшись пустоты,
На ветках букли, бантики, цветы,
Как говорится, — просто и со вкусом.

Морозный мрамор хрупок — Бог бы с ним…
Я знаю, что с тобой неразделим:
Не разлучат нас тени или стены…
Уже февраль, и сникшие снега
Белеют, как танцовщицы Дега,
На грязный холст сошедшие со сцены.

Без прикрас

Контуры сосен прибрежных,
Ряби озёрной слюда —
Мы не застанем нас прежних,
Снова вернувшись сюда.

Помнишь, как плавали днями
Здесь, и качался рогоз,
И танцевали над нами
Синие стайки стрекоз…

Знаю, что путает часто
Время любые пути,
И возвращение в счастье
Неисполнимо. Почти.

Встретит нас шорохом листьев —
Этой живой тишиной —
Домик — сырой и смолистый,
К лесу прижавшись спиной.

Где — без обид и тревоги,
Простенько так, без прикрас —
Счастье сидит на пороге
И дожидается нас.

Сонный свет

Если б глина в моих оживала руках,
Я слепил бы тебя, чтоб оставить в веках
И осанку, и плечи твои, и наряд,
И улыбку, и твой недоверчивый взгляд.

Это просто — скользить в темноте немоты,
Воскрешая на ощупь родные черты,
Все изгибы, извивы, что льются рекой
И, дрожа, замирают на миг под рукой.

Ничего не забыто, и можно опять
В сонном свете тебя находить и терять,
Потому что слепыми касаньями уст
Я давно уже знаю тебя наизусть.

Имена

Галина КАРТАШОВА

Добычин и Хармс: схожесть непохожего

О Леониде Добычине написано в разы больше, чем успел написать он сам. Его короткие рассказы и единственный роман — неисчерпаемый источник для научных исследований огромного числа филологов и литературоведов. Я не являюсь ни тем, ни другим, но, тем не менее, при чтении текстов Добычина и у меня возникли некоторые ассоциации и умозаключения, которыми мне бы хотелось поделиться.

Читая рассказ Добычина «Лёшка», я обратила внимание на то, что некоторые предложения стилистически удивительным образом напоминают миниатюру Даниила Хармса «Начало очень хорошего летнего дня». Я попробовала соединить отдельные предложения из

Об авторе

Галина Вячеславовна Карташова родилась 7 февраля 1970 года в Брянске. Окончила Московский Государственный институт культуры (ныне — МГУК) по специальности библиотекарь-библиограф. Работает в гимназии № 2 заведующей библиотекой. Руководит фольклорным театром гимназии «Святки». Автор книги стихотворений «Закон всемирного совпадения» (2002), «Стрела» (2013). Произведения публиковались в журналах и альманахах «Пересвет», «Литературный Брянск», «На земле Бояна», «Славянские колокола» (Курск), «Черновик» (Нью-Йорк), «Журнал Поэтов» (Москва), в коллективном сборнике «Славянские перекрёстки» (Чернигов). Участница Всероссийского съезда молодых авторов в городе Гусь-Хрустальном (2009). Член Союза писателей России с 2009 года. Награждена Почётной грамотой Губернатора Брянской области (2014). Лауреат Всероссийской премии имени Ф. И.Тютчева «Русский путь» (2015).

этих двух произведений, и в итоге получился вот такой синтетический текст:

Чуть белелась полукруглая луна. Не шевелилась жидкая берёза с тёмными ветвями. Поклёвывая, курицы с цыплятами бродили по двору. Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и испугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Покачивая животом, в чёрном капоте с голубыми розами, по лестнице спустилась Трифониха. У неё в руке был ключ, а на руке висела вышитая сумка с тигром. Мимо шёл Фетелюшин и посмеивался. Во дворе, разостлав одеяла, сидели соседки. Качали маленьких детей, тихонько напевали и кухонными ножами искали друг у друга в голове. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребёнка. В палисаднике с коричневым забором, сидя на скамье под вишнями, нежился на солнышке матрос и играл на балалайке. У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошёлками. Помахивая рукой, как будто в ней была верёвка, торопилась старая кондукторша, и весело бежали обокравшие чердак четыре жулика.

Таким образом начинался хороший летний день.

Стилистически и семантически предложения двух этих автономных и уникальных авторов удивительным образом органично сосуществуют. Конечно, фразы, принадлежащие Хармсу, можно опознать по выраженному агрессивному звучанию. Заключительная фраза также нехарактерна для Добычина, ведь он в своих текстах никогда не приводит оценочных суждений. Но в целом, текст выглядит монолитным. А теперь приведу этот текст ещё раз, выделив жирным шрифтом строки, принадлежащие Даниилу Хармсу.

Чуть белелась полукруглая луна. Не шевелилась жидкая берёза с тёмными ветвями. Поклёвывая, курицы с цыплятами бродили по двору. ***Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и испугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея.*** *Покачивая животом, в чёрном капоте с голубыми розами, по лестнице спустилась Трифониха. У неё в руке был ключ, а на руке висела вышитая сумка с тиг-*

ром. ***Мимо шел Фетелюшин и посмеивался.*** *Во дворе, разостлав одеяла, сидели соседки. Качали маленьких детей, тихонько напевали и кухонными ножами искали друг у друга в голове.* ***Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребёнка.*** *В палисаднике с коричневым забором, сидя на скамье под вишнями, нежился на солнышке матрос и играл на балалайке.* ***У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошёлками.*** *Помахивая рукой, как будто в ней была верёвка, торопилась старая кондукторша, и весело бежали обокравшие чердак четыре жулика.*

Таким образом начинался хороший летний день.

В утрированную антиэстетичность Хармса, характерную для абсурда, органично вписываются ищущие вшей добычинские соседки. Не удивилась бы я, встретив у Хармса и весело бегущих обокравших чердак жуликов. В свою очередь, фрагмент про очередь у бакалейного магазина естественно смотрелся бы в череде бытоописательных предложений Добычина. Показательно, что Хармс дал своему опусу подзаголовок «симфония». В духе народно-жанрового симфонизма структурирован и рассказ Добычина «Лёшка». Звуковой фон сопровождает главного героя рассказа на протяжении всего дня. Барабанят пионеры, громыхает телега с квасом, исполняют городской романс женщины на речке, играет музыка в саду перед кинематографом и, конечно же, проникновенно играет на балалайке жалобную песню о грустном герое англо-бурской войны диковинный матрос. В этом рассказе все образы заплетаются в причудливое рондо — кручёный ситный из чайной и вздувшиеся мускулы матроса, глиняные горшки с топлёным молоком и его коричневый загар, «маленькие облачка в матросских куртках, облачка, похожие на ситный и на вороха белья». Даже уличая пыль, которая то «сонно поднималась и опять укладывалась», то «лежала тёплая в колеях и грела ноги» участвует в общем хоре мироздания, в центре которого находится маленький герой. «Лёшка», пожалуй, самый лиричный рассказ Добычина, текст Хармса, напротив, насыщен самыми отталкивающими картинками, тем более удивительно, что именно между этими двумя сочинениями обнаруживается стилистическая и семантическая близость.

В одной из своих миниатюр Даниил Хармс сетует на нелепость выражения «Лови момент», на невозможность этого действия: «Другое дело, если сказать: «Запечатлевайте то, что происходит в этот момент». …Вот, например: Раз, два, три! Ничего не произошло! Вот я запечатлел момент, в который ничего не произошло. …И Шварц тоже заинтересовался этим оригинальным способом запечатлевать то, что происходит в нашу эпоху, потому, что ведь из моментов складывается эпоха». Этот принцип можно в полной мере отнести к прозе Добычина — в его хронологически выстроенных рассказах, на первый взгляд, ничего не происходит, отсутствуют яркие сюжетные ходы, философские рассуждения, лирические авторские отступления — и, тем не менее, каким-то волшебным образом складывается детальный портрет эпохи, более достоверный, чем параграфы учебников истории.

Леонид Добычин, скромный служащий статбюро в Брянске. Эпатажный питерец Даниил Хармс, сын бывшего народовольца Ювачева, человека невероятной судьбы. Скорее всего, они не были лично знакомы.* Но хорошо знали друг о друге. В 1929 году оба они должны были стать авторами коллективного сборника «Ванна Архимеда». Об этом факте свидетельствуют пометки в записной книжке Хармса (план предстоящего издания), а также письмо Вениамина Каверина Лидии Гинзбург, датированное 1-м мая 1929 года. К сожалению, в те годы сборник не был выпущен, а когда в 1991 г. вышла книга с аналогичным названием в издательстве «Художественная литература», её составители не включили в неё прозу Добычина. Зато включили рассказ друга Добычина Геннадия Гора «Вмешательство живописи», содержащий явные признаки пародии на Хармса. Геннадий Гор был хорошо знаком с Хармсом, вхож в его дом, хранил копии его рукописей, а в 1968 г. опубликовал воспоминания и о Хармсе, и о Добычине. Ещё одним человеком, близко дружившим с Добычиным и тесно контактирующим с обэриутами в редакции издательства «Детская литература», был зна-

* По свидетельству Геннадия Гора, Добычин отказался знакомиться с Хармсом, увидев написанное тем «одел» вместо «надел». (Тыняновский сборник: X–XI–XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. — М.: Водолей Publishers, 2006. Вып. 12. С. 415.)

менитый драматург Евгений Львович Шварц. Да и общая атмосфера литературной жизни Ленинграда 1930-х гг. должна была оказывать влияние и на Добычина, и на Хармса. Несомненная близость их эстетических позиций выражалась в неприятии многословия, официоза, шаблонности. «Добычин писал о том, что в обыденной жизни проходит незамеченным, о мимолётном, необязательном, встречающемся на каждом шагу. Его крошечные рассказы представляют собой образец бережливости по отношению к каждому слову. Пересказать их невозможно», — такую характеристику слогу Добычина даёт Вениамин Каверин. Хармс же без обиняков заявлял, что его интересует «только «чушь»; только то, что не имеет никакого практического смысла».

Через год после трагического исчезновения Леонида Ивановича, Хармс напишет свое пророческое стихотворение «Из дома вышел человек», в котором есть следующие строки:

И вот однажды на заре
Вошел он в тёмный лес.
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Неизвестно, имел ли он в виду Добычина, но совпадение налицо. Впрочем, в те годы это можно было отнести ко многим. После публикации этой песенки в 3-м номере журнала «Чиж», у Хармса начался очередной виток неприятностей. «Пришло время ещё более ужасное для меня. В Детиздате придрались к каким-то моим стихам и начали меня травить. Меня прекратили печатать. Мне не выплачивают деньги, мотивируя какими-то случайными задержками. Я чувствую, что там происходит что-то тайное, злое. Нам нечего есть. Мы страшно голодаем. Я знаю, что мне пришёл конец. Сейчас иду в Детиздат, чтобы получить отказ в деньгах», — пишет он в дневнике 1 июня 1937 года. 23 августа 1941 года Даниил Иванович Ювачев (Хармс) был арестован, а 2 февраля 1942 г. умер в больнице тюрьмы № 1 г. Ленинграда. Друзья долгие годы не имели достоверных сведений о его кончине, для них он исчез так же, как герой упомянутой выше детской песенки, так же, как Леонид Добычин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванна Архимеда: Сборник / Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. А. А. Александрова. — Л.: Худож. лит., 1991. 496 с.

2. Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. — Л., 1989. 610 с.

3. Добычин Л. И. Город Эн. Рассказы / Подгот. текста, сост., вступ. статья В. Ерофеева. — М.: Худож. лит., 1989. 222 с.

4. Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. — М.: Аграф, 1997. 560 с.

5. Хармс Д. И. Горло бредит бритвою: Случаи, рассказы, дневниковые записи / Сост., коммент. А. Кобринского и А. Устинова; Предисл. А. Кобринского. — Глагол, 1991. 240 с.

6. Хармс Д. Полное собрание сочинений. Т. 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершённое / Сост., подготовка текста и примеч. В. Н. Сажина. — СПб.: Академический проект, 1999. 504 с.

7. Хармс Д. Полное собрание сочинений. Т. 3: Произведения для детей / Подгот. текста А. В. Коскелло, В. Н. Сажина, Д. В. Сажина. Сост. и примеч. В. Н. Сажина. — СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.

Поэзия

Наталья ШЕСТАКОВА

ЗИМНИЕ СНЫ

Моя провинция

Мой край, люблю твои просторы,
Твою негромкую красу,
Люблю зелёные узоры
Твоих полей, родник в лесу,

Одноэтажные домишки
Провинциальных городков —
Там во дворах ещё дровишки
Припасены у стариков.

Об авторе

Наталья Алексеевна Шестакова — участница Брянского областного литературного объединения при Брянском отделении Союза писателей России. Печаталась в альманахах «Литературный Брянск: специальный выпуск «Наша Победа» (2015), «Небесный город» (Самара, 2016), «Ковчег» (Тула, 2017, 2018), «Слово талантам» (Барнаул, 2019), сборнике финалистов Всероссийского литературного конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева «Родине поклонитесь» (Орёл, 2018) и др.

Победитель и дипломант международных литературных конкурсов.

Автор поэтических сборников «Время липового цвета» (2016), «Цветные светотени» (2018). Живёт в Брянске.

Люблю в цветных платках старушек,
Привычно семенящих в храм,
Кресты на маковках церквушек
В сиянье солнца по утрам,

К земле пригнувшиеся хаты,
Что прилепились вдоль дорог,
И огородиков заплаты,
Где рядом одинокий стог

Привычно мокнет под дождями,
Меняя золото на чернь,
Да звук гармошки вечерами
Надрывно завершает день.

И в чистом поле спозаранок
Люблю без устали смотреть,
Как от земли встают туманы,
Как просыпается рассвет.

… Кому нужда, кому-то — воля.
Проворно пролетят года —
Когда дойду до края поля,
Я здесь останусь навсегда.

Весна. Апрель

По лесам и опушкам,
Брызги солнца собрав,
Первоцветов макушки
Показались меж трав.

Над Андреевским лугом —
Тёплый дух от земли,
Монотонно и глухо
Загудели шмели.

Вешним солнцем умыты,
С веток зимние сны
Отряхнули ракиты
В волны древней Десны.

Раздаётся высокий
Чайки крик над водой.
Левый берег отлогий,
Правый берег крутой.

Над обрывистым правым
Золотятся кресты —
С высоты величаво
Смотрит вдаль монастырь

Под надёжной защитой
Белых каменных стен.
Предпасхальной молитвой
Завершается день.

Сокровенному слову
Сила веры дана.
Наступает Христово
Воскресенье. Весна.

Брянск. Тихвинский храм

На северном склоне Петровской горы,
Вознесши свои купола к небесам,
Стоит белым голубем Тихвинский храм
В честь Матери Божьей, объятья раскрыв.

Чуть ниже по склону — святою водой
Источник живительный тихо журчит,
Всяк жаждущий может сюда подойти
И сердце наполнить своё добротой.

Прозрев иллюзорность мирской суеты,
Надеждой на встречу с Пречистой дыша,
Торопится белой голубкой душа
Смиренно склониться у ликов святых.

Осень в Овстуге

Есть в осени первоначальной…
Ф. И. Тютчев

Природа осени начальной
Неизъяснимо хороша.
Старинный Овстуг. Весь хрустальный
День угасает не спеша.

Поля просторны и пустынны,
Затихли птичьи голоса,
И только шёпот «Эрнестина…»
Звучит чуть слышно в небесах.

В усадьбе — осень. Дарит щедро
Лазурь и тишь её рука,
А крылья мельницы под ветром
Неспешно машут вслед векам…

Севск. Спасо-Преображенский монастырь

В полдень июньский на сонной поляне
Рядом с восточной окраиной Севска
Летнее марево в зное духмяном
Мерно трепещет оранжевым плеском.

Там, на поляне, обитель святая
Высится гордо в молчании строгом,
Годы забвенья смиренно листая,
Миром забытая — только не Богом.

Время грызёт монастырские стены.
Красный кирпич — как открытая рана,
Вьются по стенам из прошлого тени
С солнечным днём в сочетании странном.

А на какой-нибудь праздник престольный
Вдруг голове, суетой утомлённой,
Да и почудится звон колокольный
Или ослушников тяжкие стоны*.

В жаре медовом, полуденном, жидком,
Словно игла, островерхие башни
Крепко сшивают невидимой ниткой
Нынешний день с отошедшим вчерашним.

Плавится время в янтарных потоках.
Тишь. Никого. Но распахнуты двери,
К храму идёт грунтовая дорога,
Травы укошены.
Господи, верю!..

Новозыбков

Снова брянские поэты
И прозаики спешат
В Новозыбков, город светлый,
Чтоб наполнилась душа

Ярким солнцем, вдохновеньем,
Ликованием, мечтой.
Этот город поколенья
Удивляет красотой.

* В северной части крепостной стены Спасо-Преображенского монастыря (основан в 1631 г.) скрывались темницы для ослушников государя и святой церкви — каменные мешки шириной 71, длиной 106 и высотой 177 сантиметров, с двумя узенькими окошечками, выходящими на монастырский двор.

В нём на уличных просторах,
Будто в сказке терема,
Православные соборы
И старинные дома.

По соседству новостройки
Дружно выстроились в ряд
И своей расцветкой бойкой
Глаз прохожих веселят.

Здесь река Карна под солнцем
Воды медленно струит,
С неба свет янтарный льётся
В тёплый жидкий лазурит.

Словно в царстве Берендея
Благоденствует земля:
В скверах, парках и аллеях —
Клёны, грабы, тополя.

В них зелёная прохлада
Усмиряет летний жар.
Встарь в дубовой роще клады
Прятал дядька Кудеяр.

Перед боевым походом,
Чтоб сполна набраться сил,
Из ключей живую воду
Муромец Илья здесь пил.

В сорок первом неприятель
Начал страшную войну.
Сразу Жаренов-писатель
Защищать пошёл страну.

В сорок третьем, в год суровый,
Он связистом воевал
И с дивизией стрелковой
Город наш освобождал…

О погибших — в обелисках
Память вечную храним.
Пред тобой склоняюсь низко,
Город, вставший из руин.

Я люблю твою улыбку,
Тёплый взгляд твоих людей.
Здравствуй, город Новозыбков!
Ты прекрасен! Добрый день!

Звуки падения

Спелое яблоко, рухнув на землю,
Стуком глухим оглашает окрестность —
Скромность молчанья оно не приемлет,
Хоть от рожденья само бессловесно.

Падают первые жёлтые листья.
Я узнаю в их негромком шуршанье
Слово, забытое в поисках истин, —
То ли «прощение», то ли «прощанье».

Капли дождя, оторвавшись от тучи,
Вьют вертикали из вымокших строчек
И на земную поверхность беззвучно
Падают, ставя везде многоточья.

Лето прислушалось к звукам паденья,
Всхлипнуло и, поразмыслив серьёзно,
Поняло: дело идёт к завершенью —
Всё прекращается рано иль поздно.

Надобно ставить последнюю точку.
…Жаркое лето ударилось оземь,
Чтоб завершилась падений цепочка,
И… превратилось в холодную осень.

За околицей

Безлюдна старая деревня,
В молчанье коротает дни,
В однообразье многодневном
Ветшают серые плетни.

А за околицей, за полем,
Среди белеющих берёз,
Как эпилог земной юдоли,
Забытый временем погост

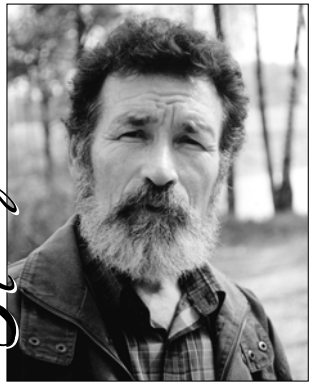
Лежит в безмолвии застывшем.
Здесь птицы не поют в листве.
Лишь тень их крыльев серой мышью
Скользит по спутанной траве.

Рассыпались венков оправы,
Деревья буйно разрослись,
А на прутах оградок ржавых
Привольно цепкий плющ повис.

Едва приметная тропинка
Меж холмиков стремится вдаль.
…В глазах невольная слезинка,
На сердце светлая печаль.

И верю, что придёт минута
И встречу я в мирах иных,
В садах всевечного приюта,
Ушедших близких и родных.

Поэзия



Александр НЕСТИК

ОБОРОТЕНЬ

ПОЭМА

Зачин

Не иначе, с того света
репортаж веду…
Знаю лишь: не сон всё это,
Не на койке в лазарете
я в жару лежу.
Не в бреду.

Об авторе

Александр Тимофеевич Нестик родился 30 октября 1936 года в г. Константиновка Донецкой области. С 1959 года, после окончания технического вуза, жизнь свою связал с Брянщиной. Работал на цементном заводе в Фокино, в редакции газеты «Брянский рабочий».

Автор книг «Слепой дождик», «Подесенье: от трилобита до зубра. Взгляд на историю природы», «На русской почве», «Из одного родника», а также многочисленных публикаций в областных и центральных изданиях.

Лауреат литературной премии им. Н. А. Мельникова (2013).

Член Союза журналистов, Союза писателей России. Заслуженный работник культуры России.

Часть первая

Леший

1.

…У реки костёр курится,
дым плывёт в лесок…
Поздний вечер сизой птицей,
надо мной парит, кружится,
тихо опускается
на песок.

За спиной — завода будни,
десять смен в чаду,
впереди — пять суток чудных,
безмятежных и безлюдных,
отдохну — и далее
побреду…

Лишь бы мне волков не встретить —
их страшусь, любя.
Чу! — одним в овраге где-то
угрожающе пропета
ободрительная песнь
(для себя!).

После грохота и зноя —
ночи у костра…
В звёздах бездна надо мною
дышит вечности покоем,
не смыкал бы глаз своих
до утра!

…Вот уже и ветер дремлет,
сосны укачав,
лишь о чём-то сокровенном
распевают в дубе древнем
стройно и задумчиво
два сверчка…

2.

Не успел смежить я очи,
как на дубе вдруг
треснул сук, стал рожи корчить,
что-то сверху мне лопочет,
а потом свалился вниз:
«Здравствуй, друг!»

За безлюдными лесами
догорел закат.
Кто предстал перед глазами
наваждением?! Пляшет пламя,
освещая тощего
старика.

Леший? Леший! — Сердце бьётся,
словно окунёк.
Подошёл шутник, смеётся:
«Напужался, мне сдаётся!» —
и присаживается
на пенёк.

И что в сладкой полудрёме
примечталось мне,
старичок негромким словом,
сказкой-присказкою стронул —
о лесной повёл рассказ он
стороне:

«…Здешний лес наскрозь я знаю —
исходил за век…
Всяких туточки встречаю,
и давно уж примечаю —
околдован лесом ты,
человек.

Ты со мною чем-то сроден —
в том секрета нет:
дух в тебе такой же бродит —
возвернулся в юность вроде
я через кромешую
бездну лет… »

Он глядит мне прямо в душу
глазом голубым,
а другой — как бы притушен…
Лопушатся в космах уши —
то ли пух, не разобрать,
то ли дым…

«…Сам любил костёр у речки,
да в бору глухом,
не нужны ни дом, ни печка,
у огня сидел бы вечно,
только обернулся вот
лешаком».

3.

Значит, встретил… Точно, леший!
Сразу страх исчез:
что пугаться, коли, грешен
тем, что встречей этой тешил
давний утолить свой
интерес:

«Разве так, по доброй воле,
лешим можно стать?» —
«То моей судилось долей:
ещё девицей в подоле
из чащобы принесла
меня мать.

Бастрюком в деревне слыл я.
Нелюдимым стал,
сухорёбрым рос и хилым…
Только лес давал мне силы —
я его за батюшку
почитал.

Перед смертью мать призналась:
«Сын мой дорогой,
видно, с лешим я спозналась,
и в тебе теперь признал он
кровь родную — отпрыска
своего.

Нелегко, сынок, поверить,
ты прости меня,
но тебе, знай, оттеперя
все лесные дебри-звери
будут ближе, чем твоя
здесь родня» …

4.

Схоронил её… Забылся —
потекли деньки!
О ту пору я влюбился,
со своей роднёй простился
и подался с девонькой
в лесники.

Всей судьбой была близка мне:
сиротой росла,
хромоножкой, — за изъянец
тот оставили цыгане, —
словно свыше кто её
мне послал!

Говорили: не для губок,
не для глазок бор —
частый лес ночами рубят,
девка пришлого голубит,
а тебе — с порубщиком
разговор…

Только вышло всё страшнее…
В вверенном лесу
ночь — объезду, чуть светлеет —
лошадь в стойло, сам аж млею:
исцелую-облюблю
её всю!

Наглядеться б, надивиться,
распотешить зрак:
сероглаза, смуглолица,
не девица — Огневица,
горячее искорья
из костра!

5.

…А тем часом мир прозрачней
день мне ото дня
становился — в Лес всезрячий
обращаться вроде начал:
стала тайная его
жизнь видна.

Не боры из елей-сосен,
не дубравы — он!
И не травы, мхи и росы,
глухари, грибы аль лоси,
не расщепленных дерев
в бурю стон,

и не волчья сыть-добыча…
Всё он разом — Лес.
Для всего, что видно-слышно,
невидимки ищут пищу
в слоевищах под землёй —
во-о, замес!!!»

Тут старик от восхищенья
пальцы сжал в кулак.
Сам же леса порожденье,
в человечьем воплощенье
удивительнее был,
чем лешак!

«…Так открылось мне воочью,
кем–чему служу:
животворной связи прочной
между солнышком и почвой
заповедность строгую
сторожу.

6.

…Не хочу, да возвращаюсь, —
Леший глаз потух: —
К той, в ком век души не чаю,
чьими сам живу лучами.
Разделились с ней мы на
прах и дух…

Человечье наше счастье
было только сон:
лес горючий, искра страсти —
и под гром грозы-ненастья
с Огневицею сожгли
мы кордон…

В том огне сгорели сами,
да вот доли — две:
ей — довек пылать кострами,
стыть золой, витать дымами,
мне же — Духом Леса быть,
тож навек», —

и две искры меж ветвями,
будто пара звёзд,
причарованых словами, —
то снижалися над нами,
а тут прянули-взвились —
в небосвод.

Чаю, это наши души —
вместе там сейчас…
Знать, у них глаза и уши
есть, коли сошли послушать,
что поведывал тебе
я про нас… »

7.

Долго Леший, взор потупя
в жар костра, молчал…
Жутко стало: ночью глупой
с Духом Леса быть мне вкупе —
да к добру ли я его
повстречал?!

«Ты доволен? Я ответил —
лешаком как стать?..
К делу, друг! Покуда петел
не пропел осанну свету,
порешим, а там — хучь не
рассветай.

Хлопец, вижу, не лядащий,
да и сам с усам —
стал подумывать всё чаще:
сколь вот так глаза таращить,
долго ль шлындать просто так
по лесам?

Мне ж – во как! – помощник нужен,
тута жизнь иль смерть:
червь наживы в Лес запущен –
гложет тело, точит душу,
и его не в силах Дух
одолеть.

Нет, не ты — меня, я — встретил…
Но не гну силком:
говорю ж, давно приметил,
что дозрел ты до обета
Лесу дать — и стать его
Лесником».

Как в хмелю, речам внимаю —
жданный разговор!
Сострадая, принимаю
лешью боль, и сердцем знаю:
лесогубу вынесен
приговор.

8.

Просыпаюсь… Звёзды гаснут…
Лесу клялся? В чём?!
Призрак-сук ищу напрасно —
лешему ль во сне так страстно
присягал — карающим
стать мечом?

Сон ли, явь? — Припоминаю
(лешего?!) совет
не страшиться волчьей стаи:
«Разве ж тронет тварь лесная
коли Лесу самому
дал обет?

И в тебе чуток прибудет
озверения —
не того, что мните, люди:
чуять, слышать лучше будешь
обретёшь глубинное
зрение.

А теперь — о самом главном:
невидимкой стать
сможешь вмиг, одним желаньем
проникать в сердца, в сознанье —
планы в них злодейские
разрушать.

Сам же ведай, зри всё, помни —
и о том вся речь:
лес для них — лишь куш огромный,
гульбы, яхты да хоромы,
нам бы — животворную
связь сберечь!»

Часть вторая

Лесник

1.

День второй лишь занимался…
«Экий странный сон!..» —
подивился я. Поднялся —
дымом сизым закачался
над кострищем стынущим
Невесом…

От дороги ж, что за дубом,
а за нею — бор,
гул машины гласом трубным,
в тишине несносно грубым,
долетел. Взвыл-рыкнул — и
стих мотор.

Ничегошеньки не снится!
И вникать пора
в то, о чём там говорится:
«Гляньте-ка, туман клубится
или ж от ночёвки чьей
дым костра?»

«Место тёмное… Когда-то
спален здесь кордон —
леснику за строгость плата…
Дверь подпёрли… А женатым
на цыганке был — сожгли
заодно.

Видишь ли, в чём дело было:
бор здесь, у реки,
заповедным объявили —

и запретов накрутили,
да покруче их нашлись
мужички!»

2.

Меж собою так гуторя,
подошли ко мне —
словно кто глаза зашорил,
о судьбе злосчастной бора
рассуждают, а меня
для них нет:

«Новый здесь кордон поставлю —
лес когда куплю.
Бор сниму… » — «И дуб?» —
«Оставлю —
новоселье под ним справлю —
Куршевель с русалками
во хмелю!

На реке причал устрою
катерков на пять,
баньку с пивом под горою,
корт для тенниса накрою,
чтоб и в дождик время нам
не терять… » —

«По закону — знаем оба —
лес купить нельзя… », —
«Ха-ха-ха! — сыпнуло дробью, —
А зачем на свете лобби?
Я давно в аренду лес
этот взял.

Мы равны под этим дубом,
ты, хоть и в летах,
не сочти вопрос мой грубым:
а на деньги чьи, голуба,
думаком сидишь в верхах —
просто так?»

3.

Вниз идут, на берег речки,
с ними я скольжу…
Бедный леший! Эти речи
как принять за человечьи?!
«… Нужно что — валяй, а я
погляжу!» —

«В кулуарах думских устно,
подсчитали «за»:
голосков с десяток нужно,
если выгоду научно
лесоводства частного
доказать.

Всё путём идёт с законом,
есть уже и план:
коли вся наука тонет,
трудно честным быть учёным,
а толкнуть его на грех
может грант.

И объект уже подобран —
доктор по лесам —
в ранге эксперта одобрен,
матерьялец нужный собран,
за сходняк готов отдать
дока сам». —

«Значит, можем теперь срочно
начинать игру?
И не надо бить по почкам —
всё доведено до точки,
в эту точку и воткнём
мы иглу!»

4.

«Извини. Гляжу, ты сметлив,
так же и греби:
в думе ставь, где надо, петли,
ну а с докой тем, не медля,
выберись, хоть завтра же,
по грибы.

И коль ты слуга народный,
добр будь услужить:
на поляночке укромной
посули чуток зелёных —
лишь хватило б голову
закружить.

Ну, а дальше — дело прессы,
так крутнём — ого!
Конференцию профессор
проведёт о том, что лесу
в частной собственности быть
вы-год-но!» —

Тут он бросил в реку камень —
и пошли круги.
этот знак, как будто знамя,
сходу подхватил избранник:
«Так волна до спикера
добегит!»

Хохотнули… «Всё же, скоко?» —
«Не крути на нём.
Говорю, дай токо-токо,
а тебе воздастся скопом,
и под дубом первому
тож нальём!»

5.

С тем ушли. Густая пала
тишина, хоть режь…
И чем было всё, тем стало,
даже птицы облетали
стороной: я виден им,
как допрежь!

Прожил день с одним желаньем —
вызнать наперёд
ту укромную поляну,
на которую «избранник»
завтра доктора наук
приведёт.

…Бор минул, пошли осина
да берёза сплошь.
Ниже — кочки, мхи, трясина,
а грибная палестина —
выше чуть, её щедрей
не найдёшь.

Мною тут привал устроен
перед третьим днём:
если тот — лесной учёный,
то к поляночке укромной
по грибочки приведут
не его, а он.

Мне ж осталось полагаться
лишь на леший дар:
невидимкой оставаться,
татем в их сердца прокрасться
и оттуда нанести
свой удар!

6.

Встретил их я утром ранним
с розовым лучом:
за седым дедком «избранник»
брёл с корзиной и… престранно
убеждал учёного,
горячо:

«Тот проект, что скоро в думе
будем обсуждать,
вам не кажется безумным?
Надо ж быть совсем дуб дубом,
чтобы частнику леса
передать!

Может, это страх профанов?
Как эксперт должны
в лесной кодекс основаньем
вы лесных законов знанье
профессионально нам
заложить.

В конференции повестке
завтра ваш доклад.
Выводы вчерне известны,
выбирайте из них честный —
годовой вам за него
вот оклад». —

«Что вы, сударь, кто сказал вам?!
Раздвоенья нет,
русский опыт доказал ведь
за три века: быть развалу,
коли частник лес берёт —
лесу смерть!

Он же в собственности ищет
лишь одну корысть,
а что сам же лесом дышит
и что лес богатств всех выше —
допустить не хочет он
даже мысль!»

7.

Слушал я и дивовался
силе Лесника:
то, чего душой желалось,
тотчас явью обращалось —
лесогуба спета, мнилось,
песенка́!

Это что же завтра будет
с нашей прессой-то!
две сенсации на блюде:
про страданья лесогуба
и про то, каков герой
профессор.

И, дурачась, облачился
здешним лесником —
в новой форме дуболистной,
им внушил, что заблудились,
а заблудшим-то был сам
чуваком.

Сталось так оно, конечно, —
заплутали, да!
К убеждениям сердечным
вывел Лес на путь их честный,
да подстерегала всех
нас беда.

День четвёртый. Ночь. День пятый…
Из лесной глуши,
из вселенски необъятной —
в тесный мир мне путь обратный:
город ждёт. И знает, чем
оглушить.

Там с запискою «Мы квиты»
найден депутат,
до беспамятства избитый.
И докладчик не забыт был:
доктор свезен к докторам —
хлоп! — инфаркт…

8.

Десять дней… Всё шито-крыто.
Смыслу вопреки —
овцы целы, волки сыты,
правосудье бьёт копытом —
как же! — «следствие ведут
знатоки»:

Знают, как копнуть поглыбше,
и не повредить
основанье щедрой «крыши»…
Мне б поведать им, что слышал, —
«А ты, что — невидим там,
что ли, был?»

До судебного процесса
тут кому дожить?
Не пришёл в себя профессор.
От внезапного абсцесса
и избранник приказал
долго жить.

Лесогуб — вне подозренья!
Ищет новый путь:
как в правах своих арендных
прибыльное разоренье —
лесопилорамное —
провернуть.

И уже лесопатолог
убеждает всех:
в бор проник смертельный ворог!
Сосен мачтовых не долог,
если срочно их не снять,
будет век…

Часть третья

Аука-зверь

1.

Прав был Леший… Духом только
как остановить?
Если духом — то двустволки,
ижевки, с какой на волка, —
гильзы лишь жаканами
снарядить.

Так я сам — тот зверь-аука,
босый серый волк,
что поёт в предсмертной муке,
порох чуя, слыша грюки, —
и таков же, как и он,
одинок.

Что ж ты, Леший, где ты, вещий?
Сгинул ты куда?
Только душу праздно тешил,
а как сердце взял ты в клещи,
всё доверил мне — так и
ходу дал?!

Из меня ж Лесник неважный,
видишь ты и сам:
невидимкою стать дважды —
это ж быть каким отважным
надо, а?! — Я доверился
чудесам…

Так чего ж ты ждёшь, скажи мне,
от меня теперь?
Я мужик старорежимный —
не присущи мне ужимки,
прямодушен, чист и прост,
что твой зверь.

2.

В ночь которой пятидневки,
разгоняя грусть,
дым костра вдыхаю терпкий…
Дуб простёр ладони-ветки:
«Видишь — ни сучочка нет!» …
И — пень пуст.

Леший бросил, это ясно.
Ищет новый путь.
И тут меряться напрасно,
будет кто из нас несчастней,
если с жизнью связи здесь
оборвут.

С неотвязной этой думой
мне опять не спать…
В освещенье мёртво-лунном
бор стоит стеной угрюмой,
а под ним встречаю вдруг
чей-то взгляд.

Две свечи пылают яро.
Кто поставил вас?!
Окатило сердце варом:
никакие то не чары,
две янтарные луны —
волчьих глаз!

Огоньки сияли ровно…
Их спокойный свет
простроился в память словно:
«Никакая тварь не тронет,
коли Лесу самому
дал обет!»

3.

Жизнью выпало измерить
лешью правоту.
Страха нет. Иду я к зверю.
Бел иль сед? Лишь тёмно-серой
отливает полосой
по хребту.

К волку шёл пока — сидел он,
а когда же встал он,
грудь — по грудь мне, стройно тело,
ноги — бычьи!.. И глядели
твёрдо хризолита два
кристалла.

Видел же, что безоружным
перед ним стоял,
всё же волк счёл делом нужным —
с видом даже равнодушным —
но, однако же, явить мне
свой оскал!

Сморщил нос и пасть ощерил —
частокол клыков,
словно к горлу их примерил!
Повернулся к тёмным дебрям
молча, без оглядки, и —
был таков.

Ну, а мне опять кручина:
что хотел сказать
зверь матёрый, в чём причина
появления волчины —
просто так, лишь бы клыки
показать?

4.

От костра, ещё до света,
я продолжил путь.
Тихо было, лишь дуплетом
прогремело глухо где-то,
а мой путь туда лежал —
не свернуть.

Шёл сентябрь, пора охоты,
урожай грибов…
И, хотя кому охота
под дуплет попасть, — к болоту,
к палестинке напрямки
утром брёл.

День для всех — обычный, будний,
праздничный — лишь мне.
Знать не знал, что станет судным
этот день в лесу безлюдном
и не будет у меня
больше дней…

Вот каким он был: ни звука,
сонный лес молчит,
как молчит о нём наука;
спит в овраге зверь-аука,
даже птаха — красный лоб —
не стучит…

Солнышко ещё не встало,
только в вышине
облаков лебяжьи стаи
розовели и блистали,
и от них струился свет
вниз ко мне.

5.

Березняк минул, осинник —
и грибов не счесть!
Снял рюкзак, извлёк корзину.
поднял взор: за палестинкой —
внедорожник. Знать, стрелок
где-то здесь.

Ну, как примет за косулю,
если браконьер,
сдуру всадит дуру-пулю,
а потом уже «оттуля»
дурням тем доказывай,
что не зверь!

Кашлянул, негромко вроде, —
лишь бы знак подать:
не коза с корзиной бродит…
От болота ж враз выходит,
сразу вижу, не стрелок,
а — беда…

Ворон леса — в камуфляжных
перьях лоскутов,
в сапогах болотных, ражий,
с карабином и ягдташем.
Как хозяин — сходу мне:
«Кто таков?»

«А-а! — в ответ непроизвольно
вырвалось из уст. —
Мой знакомец! В лес зелёный
прямо до смерти влюблённый —
так, что косточек его
слышен хруст!».

6.

Тот глядел осатанело…
А меня несло:
«Ты уже проткнул два тела —
а не выгорело ж дело:
бор — не твой! В кого теперь
ткнёшь иглой?»

У него кадык запрыгал
(а в глазах — вопрос):
«Ты, давай, отсюда двигай,
а не то сам станешь мигом
телом третьим!..» — И уже
без угроз:

«А ты, что ж, стоял за дубом?
Аль сидел на ём?»
Но продолжил: «Кажешь зубы
и на понт берёшь, паскуда,
а за это сам готов
брать рублём?!

Шиш тебе — моя оплата…
Здесь, в глухих местах,
мы с тобой одни, понял ты?
Враз урою, без лопаты!» —
«Грех же смертный! На тебе
нет креста!»

Тут он молча, торжествуя,
ворот распахнул,
будто змейку золотую,
выволок он цепь витую —
и зарёй нательный крест
полыхнул.

7.

«Во… Видал? Причём, не дутый,
цельнозолотой!
Надо б снять его покуда…
Видно, бес меня попутал…
Или, может быть, к тебе
вёл святой?!

Ежли бы тебя не встретил
у болота здесь,
неизвестно, что и где ты
про тела наплёл бы эти…
Всё! Контрольным выстрелом
ставлю крест.

Ну, а грех… Грехи замолим!
Понапрасну, что ль,
на храмину миллионы
деревянных отмусолил?
Чтобы каяться — греши. —
Жизни соль!

И теперь вот грех на душу,
на свою приму.
Если что я и нарушу —
тишину лишь… Ты, брат, слушай,
потому как слух сейчас
отыму».

Оглянулся воровато
и стволом повёл:
«Арш к болоту, аты-баты!
А корзиночку оставь ты,
я сожгу потом, чтоб след
не привёл».

8.

До последнего казалось,
он решал в себе
то, что с Каина решалось:
жизнь чужая — всё иль малость?
Пересечь решился всё ж
он рубеж.

Показать покорно спину? —
мне теперь решать:
в топине ль болотной сгинуть,
или стать опять незримым?
То и это — всё равно,
что сбежать!

«…Червь наживы в Лес запущен…–
долетел укор, –
Жизни губит, точит души,
в камуфляже прячет тушу,
ну, а где же Лесника
приговор?»

Вот бы мне аукой-зверем
в холке вздыбить шерсть!
Взор — кристалл! Клыки ощерить!!
К кадыку… к тому… примерить…
И — метнуться телом всем,
точно смерч!!!»

Слышу: «Оборотень!!!», вижу
вспышку света встречь.
В грудь – удар!.. Темней всё… Тише…
Чую кровь и хрипы слышу...
Ноги стынут… Меркнет свет…
Молкнет речь…

ЭПИЛОГ

1.

«Дочитать едва ли можно,
бурелом — не слог!»
Принимаю. Стих мой сложен,
утомил он вас… И всё же,
у поэмы должен быть
эпилог.

Дело в том, что в граде нашем —
день который толк:
найден лесогуб пропавший.
Ну, и что? — «Да случай страшный:
при оружии загрыз
его волк!» —

«Странно — всё: при нём корзина,
в ней — пяток грибов,
нож дешёвый перочинный,
чуть поодаль — с карабином
сам лежал и волк на ём.
На всём — кровь… » —

«Семь пудов у лесогуба
и у зверя — пять.
Округляя, скажем грубо,
силы равные: на зубы —
карабин с обоймою… » —
«Боже свят! —

Ну, а если б на волчару
вышли грибники?!
Представляете кошмарик?» —
«Было б то, что и в кошаре,
с ножичком разве пойдёшь
на клыки?»

2.

Все печали без умолку
сорок дней о том,
рай ли ад ждут жертву волка,
лишь о душах тех нисколько,
кто Аукой, Лешим был,
Лесником…

«Тут ведь как: ежéли грешен —
в ад его направь,
ну а ежли волк был бешен?
Сколько жизней спас, сердешный,
смертью мученической
смерть поправ?!» —

«…Говорят, для депутата
киллеров купил… » —
«Мало, что ли, супостатов
без него? Эк, простота ты!
А на церковь сколько он
отвалил?» …

Не стихают разговоры,
времечко летит…
Бор стоит и ждёт покорно,
кто живых лесов разоры
повсеместно на Руси
прекратит?

Бор стоит!.. Костёр курится,
в лес плывёт дымок…
Треснул сук, слетает птицей
с дуба — и на пень садится
с виду странно молодой
лешачок…

Послесловье

Подымите, люди, вежды,
вот надёжный тест —
не потеряны надежды:
если есть в лесу, как прежде,
русский леший — значит, есть
Русский лес!

Тамара
КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

БУДЕМ ЖИТЬ

Купалье

Светились яблони в саду
За три минуты до рассвета,
В тени ракит купало лето
Кувшинки жёлтые в пруду.

Об авторе

Тамара Ивановна Краснова-Гусаченко родилась 1 апреля 1948 года в деревне Щепятино Брянской области Брасовского района.

Поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор более двадцати книг и участник многочисленных альманахов и коллективных сборников, публикаций в литературных журналах и СМИ Беларуси, России, Украины, Латвии, Северной Осетии, Канады, США и др.

Лауреат многих международных литературных конкурсов, первой Национальной литературной премии Республики Беларусь в номинации «Поэзия», полный кавалер государственных наград — медали Франциска Скорины и Ордена Франциска Скорины, всероссийских литературных премий: «Русский путь» им. Ф. И. Тютчева, «Прохоровское поле», « Я вижу сны на русском языке», «И помнит мир спасённый», «Золотое перо», многократный дипломант республиканских литературных премий «Лучшая книга года», победитель литературных конкурсов имени Владимира Короткевича, Петруся Бровки и др.

Автор гимна города Витебска. Человек года Витебщины (2012).

Почётный член Союза писателей Беларуси, член правления Союза писателей Союзного государства и Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России. С 2005 года — председатель Витебского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси».

Живёт и работает в Витебске.

Луна качалась над водой,
Меня совсем не замечая,
Роса на листья иван-чая
Ложилась, чтобы стать звездой.

Гляделись в небо тополя
В пуховых шалях у дороги,
Как те языческие боги,
Чей дом — Полесская земля.

Бежали звёзды клином звонким
И высекали для красы:
То — ковш Медведицы, то — тонкий
Стан Водолея, то — Весы...

И косы раскидало лето
За леса сонную гряду,
И голос пел далёко где-то
О том, что я к тебе иду...

Висели гроздья искр над прудом,
И лодка хлюпала веслом,
По кромке алого рассвета
Купалье шло по белу свету.

И пусть не слышно соловья,
Но далеко ещё ненастье...
Огни Купалья. Дом мой. Счастье.
Любовь и Родина моя.

* * *

Постучали не в окно, а в душу,
Чётко-чётко, ясно так: вставай!
Тишину густую не нарушив,
Тихо в мире… Только — я и май.

Небу хмель подмешивая сочный,
Не такой, как завтра и вчера,
Плыл сирени запах томной ночью,
Уносил куда-то со двора.

А куда? Кругом лишь тьма да звёзды,
Подпевает Моцарту луна,
Млечный путь, растянутый обозом,
И земля, тревогою полна.

Спят блаженно в доме домочадцы,
Слава Богу, и соседи спят,
Вот, зачем, кому было стучаться?
И сегодня, знаю, постучат…

Завещание

Я вас прошу: в угаре увлеченья
Страх отметая, ложь и суету,
Не придавать пустым делам значенья,
Не тратить сил души на пустоту.

Живущему — однажды суждено
Вдруг испытать в отчаянии глубоком,
Что в смерти и страдании — одно
Дано нам: быть одним и одиноким.

У каждой жизни эти даты есть,
Достойные навек застыть в граните:
Одна — рожденье, а другая — смерть,
А между ними — радуясь, живите,

День каждый — словно с чистого листа,
Не сдерживая слёз и восхищенья!
А чтобы вас не съела пустота,
Не придавайте пустоте значенья.

Дурачок

В нашей деревне юродивый жил.
— Й-ох! — с придыханием он говорил,
С торбой своей по посёлку ходил,
Всё что-то прятал да хлеба просил...
В жизни он больше не мог ничего,
Так и прозвали все Ёхом его.

Дети бежали за Ёхом гурьбой,
Хлеба никто не жалел ему дать,
Часто терял он дорогу домой,
И, отыскав его, плакала мать:
«Любенький, жалкий, сыночек родной!»
И уводила беднягу домой.

Тихая, кроткая Марья была,
Кланяясь всем, незаметно жила.
Но заблудился Ёх под Рождество.
Как ни искали его, не нашли.
Сердце у матери разорвалось,
Люди чужие её погребли.

А растопило сугробы весной —
Все увидали: помилуй же Бог!
С торбой своею сидел под сосной,
Видно, замёрзший нечаянно Ёх.
Тут — спохватились: а как его звать?
Имя какое на крест написать?

Так и поставили в жёлтый песок
Крестик с дощечкой «Любимый сынок».

По сыну

В чистом поле,
Чистом, белом,
Белой ночи свет,
Там — душа
Прощалась с телом
На заре — навек.

Ах, прощалась,
Тосковала
И к родным рвалась,
На мгновенье
Залетела
В дом, где родилась.

Встрепенулась
Среди ночи,
На рассвете, мать.
Горе, горе, нету мочи.
Очи выплаканы, очи —
Нечем зарыдать.

В чистом поле
Белы звуки,
Даль белым бела…
Не подставила
Я руки,
Не уберегла!

Видно, мало
Я молилась,
Вглядывалась вдаль.

И — случилась
Ночью белой —
Чёрная печаль...

В чистом поле
Свет лучистый
Белый-белый свет,
Чистый, чистый,
А от боли
Нет спасенья,
Нет.

* * *

Вам, кто меня не знал, не знает,
Не завещаю боль мою,
У вас ведь и своей хватает,
И не о боли я пою.

А просто — нет сильнее средства,
Когда тоска подступит к сердцу,
Знать, как другие с болью жили
И как в стихи её сложили...

Пришли времена

Пришли времена: обступают нас — маски, не лица,
Предательство — нормой считается, доброе — злом.
И силы иссякли. Осталось лишь только — молиться?
Нет! Биться со злом, что уселось за нашим столом.

Спасти своё сердце, что слова не знало «измена»,
Из жизни своей мы построили наши пути:
Мосты и дороги крепили идущим на смену,
А «смена» пришла, чтобы все уничтожить мосты?!

Беда, коль вандалы глумятся над воином, павшим
В бою за Отчизну, и ворон уже за спиной...
А «наши»-то где? И вокруг почему-то — не «наши»?
И дом разделился на части. Мой дом! Не чужой!

Как выжить, не сдаться? Ведь если не вор ты, то — жертва.
И коль не подлец — суждено тебе жертвою стать.
Одно только держит так крепко ещё среди смертных,
Что я не успела всю правду о жизни сказать.

Три Родины

Хозяин дома — муж, отец —
Родился в Украине…
А в Беларуси — сердцу свет:
Дочушка, и два сына…
Из Брянска я… Ах, как цвели
Сады, и пели соловьи,
Когда на тройке русской
Меня — невестой увезли,
Я стала — белоруской.

Три Родины во мне живут,
Да как же им не жить?
Моя любовь и там, и тут —
Её не разделить.
Как? Своё сердце разорвать?
Россия — детство там, и мать,
Светлей любви не знаю…
На Украине — мужа мать —
Она мне — мать вторая.

А белорусская земля
По крови — Родина моя,
Я за неё в ответе,
Ведь здесь — родились дети,
И внуки…. Здесь любовь моя.
Здесь испытанье дал мне Бог,
И жизни здесь моей итог,
И свой последний в жизни вдох
Я здесь готовлюсь встретить.

* * *

Мне вам нечего открыть,
вы владеете ключами,
мне вам нечего дарить,
всем владеете вы сами!

Эти горы, этот лес,
это золотое поле,
этот ясный свет с небес —
всё, что видим, Божья воля

для меня, тебя, для всех,
что моё, то ваше тоже.
Слава Богу, выпал снег...
Как же он прекрасен, Боже!

Николай ЧЕПУРНЫХ

ВЕТКА БЕРЁЗЫ

* * *

Белая кошка легла на уставшую грудь,
Лапы на сердце уснувшее тихо сложила.
Белая кошка, немного со мною побудь,
Чёрная боль надо мною, как коршун, кружила.

Об авторе

Николай Николаевич Чепурных родился 21 мая 1965 года в селе Селечня Суземского района Брянской области.

В 1983 году был призван на срочную воинскую службу, несколько месяцев служил в Демократической Республике Афганистан.

В 1988 году закончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Военную службу проходил в редакции газеты Одесского военного округа «Защитник Родины», многотиражных газетах в Южной группе войск (Венгрия), Киевском военном округе, газете Забайкальского военного округа «На боевом посту». С 2000 года — собственный корреспондент газеты «Военный железнодорожник» (Смоленск).

В 2000 году окончил отделение поэзии Литературного института им. А. М. Горького.

Автор двух поэтических книг — «Вечные звёзды и я» и «У меня к тебе — Вера». Участник I Всеармейского совещания военных писателей (Москва, 2008). Победитель Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (2010) за повесть «Капли солнца на горячей земле».

Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

Живёт в Смоленске.

Снится мне: вижу я острое пламя огня,
Слышу весёлые, звучные отзвуки мая.
…Белое облако — бережно держит меня,
Будто второе рожденье моё принимая!

Любимой жене Марине, в день её рождения

Свою нежность тебе я дарю,
И любовь! Остальное потом:
Над раскидистым лесом — зарю,
И над полем — раскатистый гром.

Может, мало… Но это — пока;
Строки прочно плетение вьют…
Твоё имя запомнят века,
Соловьи о тебе пропоют!

* * *

Спешат куда-то авто,
На пешеходов крича…
Иду в осеннем пальто,
Пальто — с чужого плеча!

Пальто с чужого плеча,
И сам я — будто чужой
Стране беспечной, большой…
Иду, зубами стуча!

Иду, зубами стуча,
Голодный, бешеный волк, —
На мир паршивый рыча,
На каждый камень и столб.

На каждый камень и столб,
На всё, что вижу — плюю…
Спешат куда-то авто —
Сквозь жизнь, сквозь душу мою…

* * *

Это было во сне или в сказке:
По России — во весь русский дух —
Я катился на тройке, в коляске,
Обострив свои зренье и слух.

Я сошёл среди жёлтого поля,
Огляделся, вздохнул: «Боже мой!..»
И в восторге любви и покоя,
С миром в сердце поехал домой…

* * *

…А когда прихожу домой
(Ожидаемое волнует),
То жена моя, Боже мой, —
Обнимает меня, целует!

Кровь играет, как во хмелю…
И пока не дошло до чаю, —
— Любишь? — спрашивает.
— Люблю! —
С поцелуями отвечаю.

* * *

Слепо гладит моя рука
Твои волосы, грудь и плечи…
Стон срывается с языка
На высоком любви наречье.

Изворачиваешься змеёй,
Всею страстной, горячей кожей…
Тише! Тише!! Ах, Боже мой! —
На кого мы сейчас похожи?!

* * *

Но между ними есть одна, до которой не касается человек, которую не топчет животное: одни птицы садятся на неё и поют на заре. Железная ограда её окружает; две молодые ёлки посажены по обоим её концам: Евгений Базаров похоронен в этой могиле.

И. С. Тургенев, «Отцы и дети»

От сердечных глухих ударов —
Не расслышать, как падает лист…
Шапки прочь, друзья, — умер Базаров —
Лекарь и нигилист.

Путь тернистый столетьями выжжен,
Но отчетлив оставленный след…
Может, в нём я нечаянно вижу
Свой — хотя б отдаленный — портрет.

Мы, наверно, смогли б подружиться,
Я, быть может, спасти его смог…
Оторвавшись от ветки, кружится
Лист, как жизни нескладной итог.

Оживляя минувшего лики,
Как последнюю в жизни красу,
Две живых, ярко-алых гвоздики
Я ему в светлых мыслях несу.

И с душою — от грусти свинцовой —
Я о том ещё пуще грущу,
Что ответной любви в Одинцовой
Не нашел он. А я — всё ищу!..

* * *

Кроткая тишь погоста…
Мирно стоят кресты.
Всё здесь предельно просто —
Мысли, слова, цветы.

Скорбной берёзы ветка
Тронет легко плечо —
Будущая соседка.
Но… Я — живой еще!

* * *

Кромка леса, поле, речка,
Горизонт, зовущий вдаль,
Каланчи высокой свечка,
Мира — радость и печаль…

И бредут блаженных двое,
Обнявшись, сомкнув персты,
Прямо — в небо голубое,
Прямо — к Богу — я и ты!

* * *

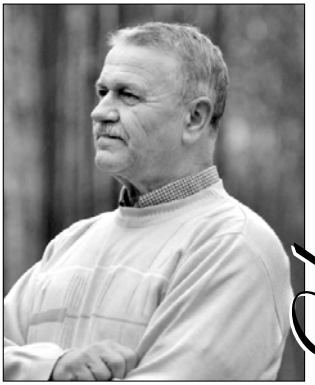
Редко к Богу Его чада льнут,
Зло стокрыло рвётся в бесконечность…
Миллион растерзанных минут,
Каждая — удвоенная Вечность!

Отстрадалась горюшко-душа —
Разом — за всех нас. Сверх всякой меры!
Жизни, как траву коса, круша,
Отлучаешь ты меня от Веры —

От себя отрекшаяся Русь…
Родина, прости! Нет силы боле!
Кажется, что сам я — мёртвый — рвусь
За спасеньем — в небо голубое…

* * *

Вынесу ль эти муки?..
Господи, что со мной?
Стали, как змеи, руки…
Тянутся две гадюки —
Шар задушить земной!



Юрий КРАВЦОВ

ПЕЙЗАЖНАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА А. К. ТОЛСТОГО

(печатается в сокращении)

«Гляжу с любовию на землю…»

…Неповторимая русская природа, родная земля с удивительным самобытным народом, живущим на ней, навсегда завладела сердцем поэта. Он писал: «Гляжу с любовию на землю, но выше просится душа». В этих стихах — ключ к пониманию пейзажной и психологической лирики Толстого. В стихах постоянно присутствует особый возвышенный настрой, который сам поэт называл «мажорный».

Об авторе

Юрий Иванович Кравцов родился 4 мая 1956 года в селе Чернацком Середино-Будского района Сумской области в большой крестьянской семье.

По окончании средней школы работал механизатором в местном колхозе, токарем и маляром на Севастопольском судоремонтном заводе. Служил сигнальщиком на сторожевом корабле Балтийского флота. Там же в 1977 году опубликовал первые стихи в матросской газете «Балтиец».

После увольнения в запас работал корреспондентом районных газет, инструктором райкома партии.

В 1985 году окончил Брянский педагогический институт по специальности «учитель русского языка и литературы», в настоящее время работает директором Зёрновской средней школы. В 2001 году принят в Союз писателей России. Лауреат премий имени Н. И. Рыленкова (2009) и А. К. Толстого «Серебряная Лира» (2012).

Живет в посёлке Суземка.

«То было раннею весной…»

В общении с природой Толстой испытывает разные чувства: и радость, и грусть, и успокоение, и печаль. Состояние его души во многом совпадало с временами года. «В буйном цветении Весны, в задумчивой кротости Осени, в великолепии Лета, в седом величии Зимы поэт найдет очарование, сокрытое от глаз рода человеческого» — так когда-то написал в одном из своих писем Р. Бёрнс. На всю жизнь влюблённый в родную природу Алексей Толстой восхищался ею во все времена года, вместе с ней ликовал и грустил.

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной
И зелень рощ сквозила.

Весна, трава, ручьи, зной, роща. Слова, казалось бы, самые обыкновенные, которые мы слышим очень часто. Но благодаря таланту Толстого они приобретают такое звучание, что услышав их, замрёт сердце человека, даже далёкого от поэзии. Стихотворение «То было раннею весной… » — подлинный шедевр мировой лирики. Вряд ли найдется в русской литературе поэт, который так мастерски изобразил бы весеннее пробуждение природы.

В этой небольшой пейзажной зарисовке ещё, по сути, и весны-то настоящей нет, она только-только начинается. На пригорке пробивается трава, сквозит зелень рощ, а тонкий папоротник в бору ещё лишь в завитках. Но ведь именно в первых штрихах этой придающей человеку силы поры вся прелесть!

Тема описания времён года в русской литературе XIX века была традиционной. У каждого поэта есть своя излюбленная пора. Например, у Пушкина — осень, у Фета — лето. Алексей Толстой так же, как и Тютчев, отдавал предпочтение весне, пробуждению природы. Если в тютчевских картинах обновления земли присутствует стихийная революционность, то в лирике Толстого нас увлекает детская восторженность, тонкое душевное переживание. В каком возрасте, скажем, написаны эти строки?

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
В полуденных лучах следы недавней стужи
Дымятся. Тёплый ветр повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.
Ещё трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная…

«Конечно же, в восемнадцать или в двадцать лет!» — может воскликнуть любой из читателей, не знающий биографии писателя. Действительно, в этом стихотворении столько юношеского задора и восхищения весной, что трудно поверить в то, что оно написано пятидесятитрёхлетним поэтом. А ведь в момент создания произведения Алексей Константинович Толстой испытывал и душевную и физическую боль. И всё же он крепко верит: тоску души унесёт «врачующая власть воскреснувшей природы». Такому жизнелюбию можно только позавидовать.

«Ярче вешние цветы… », «цветы ярки и горячи» — при описании весенней природы он использует в основном два цвета: зелёный и синий. В его лирике находим «зелёный тростник», «синий кувшинчик», «зелёный дым», «синела степь», «зелёное болото», «тёмно-голубые колокольчики», «дерев зелёный вид», «синеющие лужи». Яркие и нежные цвета, запечатлённые в стихах, дают возможность ещё глубже понять мир Толстого.

«Воздух и вид наших больших лесов, страстно любимых мною, произвели на меня глубокое впечатление, наложившее отпечаток на мой характер и на всю мою жизнь… » — вспоминал А. К. Толстой. Становится ясным, почему в поэзии этого человека много лесных пейзажей. Причём Толстой по-фетовски очеловечивает природу и, как Бунин и Никитин, даёт её точный, реалистический образ.

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором…

…Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах… Внезапно лёгкий свист
Послышался; за ним, отчётисто и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно…

Лирическое произведение «На тяге» написано Толстым на склоне лет. В нём уже нет условной красивости, встречающейся в его ранних стихах. Картина природы оживает, пробуждается. Большую роль в этом играет звуковое оформление стиха. «Прохладой дунуло, и прошлогодний лист…» — как невообразимо прекрасно звучит эта строка, где повторяются звонкие «л» и «н». Аллитерация придает стихам особый настрой, благодаря ей становится слышен и шелест дубов, и свист птицы, и легкий шум ветра.

Почему одни стихи трогают сильнее, нежели другие? Бывает, произведение ничем особым не отличается от других, а волнует. Отчего? Наверное, немало значит вот что: когда впервые ты его услышал, чем жила твоя душа в тот час. Стихотворение «Вот уж снег последний в поле тает» я услышал в далеком детстве, и оно запомнилось мне на всю жизнь. Особенно часто оно вспоминается ранней весной. Удивительная вещь — стихи; прочитав их, можно находиться в том же лирическом настроении, в котором когда-то находился автор.

Земля цвела. В лугу, весной одетом…

Мы еще не знаем, что следует за этой строкой, но, восприняв эту светлую весеннюю мелодию, невозможно не перевернуть дальше страницу книги.

Лови же миг, пока к нему ты чуток, —
Меж сном и бденьем кроток промежуток!

Так заканчивается стихотворение, и остается такое ощущение, словно ты сам побывал в лесу, увидел «сквозной узор деревьев», «лесной чебер и полевой шалфей». Даже в последние дни жизни поэт так же, как и Пушкин, настраивал свою Музу на «мажорный лад». Алексей Толстой в стихотворении «Во дни минувшие

бывало…» с легкой грустью вспоминает юность, когда ручьи текли обильно и распускалися цветы, младое сердце билось сильно, кипели весело мечты». Такие стихи не спутаешь с чьими-либо другими.

Картин осени в лирике Алексея Толстого встречается гораздо меньше, чем весенних. «Осень. Обсыпается весь наш бедный сад…», «Прозрачных облаков спокойное движенье» — в этих стихах поэт воспринимает осень чувственно, переживает виденное, стремится проникнуть в глубину ее тайны. Лирический герой и грустит и веселится возле вянущих рябин. Он чувствует близкое дыхание своей любимой, и ему кажется природа ещё милее, ведь влюблённые воспринимают окружающий мир обострённее.

Иногда осень для поэта желаннее, чем весна («Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали…»). Праздничный её лик лирическому герою становится несносным, потому что он ждёт, «когда осень, сыпля жёлтый лист», соединит его с возлюбленной.

Со светлой грустью описывает Алексей Толстой осеннюю картину в стихотворении «Прозрачных облаков спокойное движенье…». Осень принесла ему земное умиротворение, «ни резких очертаний, ни ярких красок нет», «иная красота сменила прежнюю», «природа вся полна последней теплоты». И здесь воочию видятся уже знакомые толстовские приёмы изображения постепенной смены поры года. Уходит «ликующее лето» и «тихий свой привет шлёт осень мирная». Поэт сравнивает пору увядания в природе с «осенью» своей жизни. Он чувствует, что жить ему остается недолго, и в конце произведения ставит извечный вопрос: «По совести ль тобой задача свершена, и жатва дней твоих обильна иль скудна?».

Зима и лето в лирике Алексея Толстого встречаются мало. Однако и эти произведения («Замолкнул гром, шуметь гроза устала…», «Запад гаснет в дали бледно-розовой…», «Когда кругом безмолвен лес дремучий…») исполнены высокого звучания, вошли в сокровищницу русской литературы. Как правило, пейзаж эмоционален, осязаем и конкретен, сопереживает поэту.

Психологическая лирика А. К. Толстого

Стихи А. К. Толстого о любви составляют почти половину его поэтического наследия. Они в основном посвящены одной женщине — Софье Андреевне Миллер, которую поэт любил всю жизнь.

Впервые он её встретил на балу в 1851 году, и с этого момента сердце поэта будто бы наполнилось чудодейственным светом, преобразившим его внутренний и внешний мир. Софья Андреевна была широко образована, наделена тонким литературным вкусом. Многие годы Алексей Толстой писал ей письма, отличающиеся большим лиризмом, посвятил целый цикл интимных стихов, который смело можно назвать поэмой о любви. Лишь через много лет А. К. Толстой добился разрешения официально зарегистрировать свой брак с С. А. Миллер.

Прологом к поэме о любви можно назвать стихотворение «Пусто в покое моём… »:

Пусто в покое моём. Один я сижу у камина,
Свечи погасли давно, но не могу я заснуть.
Бледные тени дрожат на стене, на ковре, на картинах,
Книги лежат на полу, письма я вижу кругом.
Книги и письма! Давно ль вас касалася ручка младая!
Серые очи давно ль вас пробегали, шутя?
Медленно катится ночь надо мною тяжёлою тканью,
Грустно сидеть одному. Пусто в покое моём!

Этим стихотворением открывается цикл. Гекзаметр — размер, не свойственный для русской поэзии, но мы не замечаем античной формы благодаря тому, что А. К. Толстой вдохнул в неё совершенно новую жизнь. Его длинную строку отличают поразительная безыскусственность, простота, искренность, глубокое чувство. В стихотворении присутствует какая-то отдалённая щемящая боль. Как будто поэт боится потерять что-то очень дорогое, что было отвоёвано у жизни, но что можно легко утратить. От этого стихи Толстого приобретают новое характерное обаяние. Это обаяние — самая сильная сторона его лирики.

Одно из лучших стихотворений А. К. Толстого «Средь шумного бала», написанное под впечатлением первой встречи с любимой, стало

текстом для замечательного романса П. И. Чайковского. Прообразами стихотворения, очевидно, послужили для Толстого «Из-под таинственной холодной полумаски» Лермонтова, «Я помню чудное мгновенье… » Пушкина. С последним произведением даже непосредственно перекликаются некоторые строки: «В тревоге мирской суеты… » (Толстой), «В тревоге шумной суеты… » (Пушкин).

Смысловым центром этого стихотворения стало слово «тайна». Толстой — большой мастер улавливать и запечатлевать мельчайшие нюансы настроения и чувства.

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

В русской поэзии есть немало стихов о любви, но до Алексея Толстого никому не удавалось с такой удивительной точностью воспеть её начало. Стихотворение заканчивается строками:

Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

Поэт ещё не знает: любит ли он, но сердце ему подсказывает, что любит. Эта таинственность, характерная для романтической поэзии, придаёт стихам особое звучание.

По тональности стихи Толстого близки стихам Пушкина и поэтов пушкинской плеяды. Эту близость Пушкину сознавал он и сам: «Когда я смотрю на себя со стороны (что весьма трудно), то, кажется, могу охарактеризовать свое творчество в поэзии как мажорное, что резко отлично от преобладающего минорного тона наших русских поэтов, за исключением Пушкина, который решительно мажорен», — писал Толстой Маркевичу 5 мая 1869 года. Речь идёт о мажорности тона, которая ощущается даже в самых грустных его стихах:

О, если б ты могла хоть на единый миг
Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды!
О, если бы хоть раз я твой увидел лик,
Каким я знал его в счастливейшие годы. —

Когда в твоих глазах засветится слеза,
О, если б эта грусть могла пройти порывом,
Как в тёплую весну пролётная гроза,
Как тень от облаков, бегущая по нивам!

После прочтения этого стихотворения остается грусть, но грусть светлая, пушкинская (даже слеза в нем блестит ярко — «светится»). Мы покорены не печалью и невзгодами, а светлым чувством, той радостью, воспоминание о которой он передаёт так легко и прозрачно.

Нетрудно заметить, что первая строфа стихотворения, в основном умозрительна, во второй же слова становятся более конкретными и проясняется то, что стихотворение это не о печали, а о том, как было бы хорошо, если бы эта печаль скорее миновала. Не зря строки, посвящённые этому наиболее точны и поэтичны.

Образ любимой женщины в лирике Толстого, если сравнить его с аналогичным образом в поэзии Жуковского, более конкретен и индивидуален, и в этом отношении Толстой, как и Тютчев, не говоря уже о Некрасове, отразил в своём творчестве движение передовой русской литературы по реалистическому руслу. При этом образ любимой женщины проникнут в лирике Толстого чистотой нравственного чувства, подлинной человечностью и гуманизмом. В его стихах отчётливо звучит мотив облагораживающего действия любви:

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В Отчизну пламени и слова.
И просветлел мой тёмный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.

В этом стихотворении Толстой использует пушкинский образ пророка. Влюблённый поэт совсем иначе воспринимает окружающий его мир, «на волнующий дол» смотрит «новыми очами», слышит, «как разговор везде немолчный раздаётся», «и под древесною корой, весною свежей и паху-

чей, с любовью в листья сок живой струёй подъемлется певучей». Особенно оптимистичны последние строки данного стихотворения:

И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

Любовь к женщине приносит Толстому как бы второе дыхание, он навсегда прощается с прошлыми невзгодами. Для поэта любовь имеет очистительную силу:

Мне в душу, полную ничтожной суеты,
Как бурный вихорь, страсть ворвалася нежданно,
С налёта смяла в ней нарядные цветы
И разметала сад тщеславием убранным.

Значительная часть лирических стихотворений Алексея Константиновича Толстого объединена образом «лирического героя», лирическое «я» в этих стихотворениях общее и наделено более или менее постоянными чертами; это черты личности самого поэта, знакомой нам по его письмам, свидетельствам современников. В большинстве же любовных стихотворений общим оказывается не только «я», но и «ты», образ любимой женщины. Этого явления нет у других современников Толстого.

Например:

О, не пытайся дух унять тревожный,
Твою тоску я знаю с давних пор,
Твоей душе покорность невозможна,
Она болит и рвётся на простор.

И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Или:

Средь суеты мирского развлеченья,
Среди забот,
Моя душа в надежде и в сомненье
Тебя зовёт;

И трудно мне умом понять разлуку,
Ты так близка,
И хочет сжать свою родную руку
Моя рука!

Интимная лирика Толстого, как известно, выросла на почве отрицания поэтом светской жизни. Различие духовных запросов автора и интересов окружающего его общества заметно в стихотворении «Средь шумного бала». Здесь обществу, находящемуся в «тревоге мирской суеты», противопоставлена таинственная незнакомка, очи которой «печально глядели», «голос так дивно звучал, как звон отдалённой свирели, как моря играющий вал». Эти сравнения указывают на то, что поэт, находясь на балу, уносился мыслями на простор, свободный от социальных оков. Чем покорила его незнакомка? Своим тонким станом, задумчивым видом, смехом и тайной, в которой поэту чудилось что-то родственное.

Встречаемый нами в стихах образ любимой приподнят над окружающим обществом, хотя его прототип, как известно, был далёк от идеала. Софья Андреевна — жертва светского общества. Рано осиротевшая, она испытала много страданий. А. К. Толстой глубоко воспринял её неудачи, в стихах протестует против несправедливостей жизни и общества, калечащего судьбы людей.

Ты жертва жизненных тревог,
И нет в тебе сопротивленья,
Ты, как оторванный листок,
Плывёшь без воли по теченью!
Ты, как на жниве сизый дым:
Откуда ветер ни повеет,
Он только стелется пред ним
И к облакам бежать не смеет;
Ты, словно яблони цветы,
Когда их снег покрыл тяжёлый:
Стряхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу;

Свою любимую поэт сравнивает с бедным деревцом, которое поникло «долу головкой». Он просит её, чтобы она прислонилась к «зелёному вязу» — с этим прочным деревом поэт сравнивает себя.

А. К. Толстой любил Софью Андреевну сильно и верно. Он посвятил ей всю жизнь, как когда-то посвятил её Петрарка своей Лауре. Любовь просветляет его душу. «Прими эту любовь, какая она есть, — писал Алексей Толстой Софье Миллер, — не ищи ей причины, не ищи ей названья, как врач ищет названия для болезни, не определяй ей место, не анализируй ее. Бери её, какая она есть, бери, не вникая, я не могу дать тебе ничего лучшего, я дал тебе всё, что у меня было самого драгоценного… (Цитирую по кн. Стафеева Г. И. Сердце полно вдохновенья, Тула, 1974, с. 162).

Судя по множеству писем Толстого, адресованных любимой женщине, можно отметить, что они дополняют его интимную лирику, позволяют до конца понять душу поэта. Например, с приведёнными выше строками перекликаются вот эти стихи, связанные с фольклорными образами:

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли!..»

Первое, что поражает нас в стихотворении — откровенность поэта, который не боится высказывать самые затаённые мысли. Почему он любит? На этот вопрос, наверное, не ответит никто. И всё же мы чувствуем, что к любви поэт пришёл не бессознательно. В любимой он увидел беззащитное и обиженное существо и протянул ему навстречу руки. Ради того, чтобы женщина стала счастливой, он был готов принести ей в жертву самого себя.

Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

Лирический герой здесь наделён национальным русским характером, ведь русские люди способны полюбить раз и навсегда. В последней строке поэт использует общепринятый эпитет «буйну», что придает

произведению народный колорит. Стихотворение «Ты не спрашивай, не распытывай» написано медлительным эллинским гекзаметром, отражающим нелёгкие раздумья поэта, полные глубокого чувства. Но это чувство Толстой выражает сдержанно и в совершенной форме. Не зря оно привлекло внимание композиторов.

Общественный подъем 50-х годов XIX века придал личным чувствам Толстого силу и выразительность, помог решительнее отстаивать перед матерью и родственниками свое право на личное счастье. Окружавшее поэта общество было ему ненавистно, поэтому, воспевая любовь, он черпал художественные образы и сравнения из мира природы.

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.

Сколько живых зрительных представлений вызывает эта строфа! Прежде чем написать её, поэт тщательно подбирал каждое слово, шлифовал его, и строки зазвучали музыкой. «Не ветер, вея с высоты, листов коснулся… ». Прочитав вслух всего несколько слов, ощущаешь мягкое дуновение ветерка. Выразительность речи Толстой умело усиливает с помощью аллитерации. Например, в первой строке повторяется звук «в», что придает ей лёгкость и создаёт впечатление ветерка. Этому же способствует и частое повторение звука «с».

Поражает своим изяществом и сравнениями последняя строфа этого стихотворения:

Твоя же речь ласкает слух,
Твоё легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье.

Эти стихи хочется повторять про себя, думать о них, вспоминать отдельные слова — так незаметно они входят в наш внутренний мир, становятся нашим достоянием. Строки здесь наполнены романтиче-

ским томлением, характерным для многих мастеров лирики второй половины XIX века.

Любовь не всегда бывает счастливой, тем более в обществе, где её не признают, она может обернуться горем. Свое горе поэт изображает в виде необычного богатыря — «красной девицы», которая побеждает «доброго молодца». В стихах любимая перестает быть беззащитной существом, как это наблюдалось в ранней лирике Толстого. Она превратилась в богатыря для того, чтобы повелевать от имени Любви.

И всё же горе не может оставаться в душе, когда наступает ранняя весна. Человек забывает о страданиях своей души в минуты оживления природы. Радостью наполняются строки:

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Поэт создает контраст между весёлой весенней природой и состоянием души любимой, спрашивает: «Отчего ж в душе твоей так мрачно и зачем на сердце тяжело?». Чуткий к чужому горю, он старается хоть чем-то помочь любимой женщине, мучительно переживает за нее.

Толстой показал самоотверженную любовь, раскрывшую богатства души человеческой. Не каждому дано так искренне любить. Это чувство помогло Алексею Толстому создать такие стихи, которые можно отнести к лучшим образцам мировой лирики.

Говоря о любовной лирике Толстого, нельзя умолчать о его «Крымских очерках». Это — лирический дневник путешествия поэта с Софьей Андреевной по Крыму в 1856 году. В «Крымских очерках» тема любви переплетается с темой природы. Общаясь с окружающей природой, человек становится чище, лучше, становятся ничтожными его повседневные заботы. Во время путешествия любимая поэта грустит совсем мало, она словно перерождается в новой обстановке; появляется ответное чувство любви. Поэт радуется этому:

Душе легко. Не слышу я
Оков земного бытия,
Нет места страху, ни надежде, —

Что будет впредь, что было прежде —
Мне все равно — и что меня
Всегда, как цепь, к земле тянуло,
Исчезло всё с тревогой дня,
Всё в лунном блеске потонуло…

На лоне природы с новой силой зазвучали стихи, написанные поэтом в приподнятом настроении:

Если б я был богом океана,
Я б к ногам твоим принес, о друг,
Все богатства царственного сана,
Все мои кораллы и жемчуг!

В стихотворении много эмоциональных всплесков. Образ поэта предстаёт в нём с молодой, мечтательной, страстной душой. Кажется, что эти строки написаны юношей, а не тридцатидевятилетним мужчиной. Это говорит о том, что, несмотря на жизненные бури, которые поэт перенёс, он долго оставался оптимистом и человеком с крепкой силой воли.

В следующем стихотворении «Не верь мне, друг, когда, в избытке горя… » Толстой свою любовь сравнивает с отливом и приливом моря. Приливы и отливы в любви — всего лишь кажущееся непостоянство. Поэт много лет провёл в разлуке с любимой женщиной, и каждый раз, возвращаясь к ней, он, «прежней страсти полный», готов вновь отдать ей свою свободу. Для того, чтобы выразительнее показать возродившееся чувство любви, Толстой вводит образ бушующего моря:

И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

На приведённое выше стихотворение похоже ещё одно, также написанное во второй половине 50-х годов:

Порой, среди забот и жизненного шума,
Внезапно набежит мучительная дума,
И гонит образ твой из горестной души.
Но только лишь один останусь я в тиши
И суетного дня минует гул тревожный,

Смиряется во мне волненье жизни ложной.
… Спокойной мыслию, ничем не возмутимой,
Свой отражаю лик желанный и любимый
И ясно вижу глубь, где, как блестящий клад,
Любви моей к тебе сокровища лежат.

Да, не всегда любовь приносила поэту счастливые минуты, порой она вселяла в его душу противоречия и муки. Оставшись в тиши один, он много размышлял и будто бы по-иному начинал смотреть на себя и на свою возлюбленную. И вновь становится её лик желанный и любимый.

Стихотворение «Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо» можно назвать «Воскресением любви». Душа поэта стремится слиться с природой, полной счастья и любви. Лирический герой мечтает, чтобы врачующая власть воскреснувшей природы унесла тоску с души любимой.

Радостное, как будто сотканное из единого весеннего света стихотворение «То было раннею весной» достойно завершает любовную лирику Алексея Константиновича Толстого. При прочтении этого произведения создается такое впечатление, как будто поэт впервые увидел солнечный мир, по-юношески восторженно взметнулись его чувства при виде, как она с улыбкой очи опустила в ответ на любовь. Это стихотворение — последняя песня любви Толстого.

Больше половины всех лирических стихотворений Толстого (а их около 150) положены на музыку, причём многие из них — по нескольку раз. Толстой был любимейшим автором Чайковского. На стихи этого поэта композитор создал такие замечательные романсы, как «Серенада Дон-Жуана», светло-восторженный «То было раннею весной», «На нивы жёлтые», «Кабы знала я». Чайковский когда-то писал, что Толстой — неисчерпаемый источник для текстов под музыку. И вряд ли кто-нибудь станет оспаривать это выражение, ведь на стихи Толстого он написал одиннадцать романсов и два дуэта.

Цикл любовной лирики А. К. Толстого можно назвать жемчужиной в его творчестве. Пройдёт ещё много лет, но эти стихи не устареют, так как никогда не устареет любовь на земле. Интимная лирика имеет непреходящее значение потому, что выражение чувства в ней поднимается до объективного.

Поэзия

Ольга ШАБЛАКОВА

МЯТЕЖНАЯ ПТИЦА

Лесной обелиск

Всё лето — жара, и грибов мы почти не видали.
С дождливой погодой надолго пришли холода.
Но вот в октябре прояснилось, затеплились дали,
Листва пожелтела, и стали пустеть города.

Об авторе

Ольга Анатольевна Шаблакова родилась в г. Балахна Нижегородской области. Окончила Московский государственный институт культуры.

Член Союза писателей России, Международного союза писателей и мастеров искусств. Лауреат Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (Орёл, 2016), Международного литературного конкурса «С любовью к поэту» (Смоленск, 2016), IV Международного литературного конкурса «Лохматый друг» (Москва, 2018), дипломант VI и VII Международных литературных конкурсов памяти К. М. Симонова (Могилёв, 2017, 2018), премии РОО «Брянское землячество» им. Н. А. Мельникова (Москва, 2019). Награждена благодарственными письмами Брянской областной думы и Брянской городской администрации (2018). За активное участие в Международном фестивале-конкурсе поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» награждена дипломом и нагрудным знаком МСПМ «Почётный наставник творческой молодёжи».

Поэтический сборник «Мельница дней» получил Диплом ежегодной выставки «Брянская книга 2016–2017» в номинации «Дебют». Публиковалась в альманахах «День поэзии: XXI век» (2018–2019), «Пересвет», «Литературный Брянск», «На земле Бояна», «Междуречье», «Венецианская мозаика», в журнале «Подъём», в коллективных сборниках. Живёт в Брянске.

… Скучать на обочинах брошены были машины.
Хоть тара грибная подчас оставалась пуста,
В лучах восходящих сияли деревьев вершины,
И верилось: где-то таятся грибные места.

Нам сладко дышалось в лесу на полянке пригожей,
Где мы, отдыхая, болтали о разных вещах.
Порою плутали, смотрели на солнце тревожно,
Ловили жужжанье моторов, дорогу ища.

… Поросшие мхом и травою, встречались воронки —
Тяжёлые раны давно миновавшей войны.
И мне представлялось, что где-то над нами, вдогонку,
Гудящие юнкерсы мчатся, и нет тишины.

Но мирно в низинке росли, разбредясь, сыроежки,
Их красные шляпки под листьями были видны.
И вдруг ты позвал меня. Я обернулась, помешкав.
Холодным ознобом меня обожгло со спины.

О да, я слыхала о том, что в сражениях часто
Без вести бойцы пропадали на страшном пути.
Но чтоб среди леса... могила … веночек цветастый …
И знак «под охраной» — такое случайно найти?

Хранил обелиск под звездою фамилии, званья.
Высокие сосны почётный несли караул.
Над теми, кто жизни отдал, выполняя заданье,
Лес ветви раздвинул, осеннюю синь распахнул.

А мы всё стояли в раздумье, не ведая сами,
Какими путями судьба нас сюда завела,
Где нет и тропинки, но явственна связь с небесами,
И вечная память о павших легка и светла.

Первые шаги

Ласточки над городом летают.
День июньский солнцем напоён —
Заливает краска золотая
Мой любимый Фокинский район.

Где в тени каштановой аллеи,
Делая неровные шаги,
По траве малыш идёт, робея,
Тянет ручки к маме: помоги.

Молодой отец свои ладони
Держит наготове, чтобы сын,
Оступившись, не упал и понял:
Зыбок мир, но он в нём не один.

Я гляжу, завидуя немного,
Ведь и я когда-то так же шла.
Далеко с тех пор меня дорога
От родного дома увела...

Но остались рядышком незримо
Те, что помогали мне идти.
И зовёт вперёд необоримо
Новизна нелегкого пути.

Amore

Волна за волною на берег идут как таран,
И солнечных зайцев десант оккупировал море.
Но я не пугаюсь, я радуюсь этим дарам,
В них плещется рыбкой забавная рифма «Amore».

Объятья распахнуты ветру, ликует душа,
И тело воде отдаётся беспечно, послушно.
Вдали одиноко кивает шафрановый шар.
Он толстый и важный, и чайкам пристанищем служит.

От волн водопады стекают по мокрым камням,
И пенятся брызги, взлетая и падая снова.
И свет, преломляясь, смеётся и слепит меня —
Мятежную птицу, парящую в поисках Слова.

Только море

Средиземное море качает меня на волнах
Вдалеке от людей и танцующих солнечных пляжей,
А под толщей воды — иллюзорность песчаного дна,
И нарядные рыбки вальсируют на променаже.

Жёлтый конус буйка сиротливо кивает мне вслед.
Не видны очертания гор за пастелью тумана.
Только небо, дарящее морю мерцающий свет.
Только море, зовущее плыть.
Только я — безымянна...

Забыть лето

Вчера эвкалипт и гибискус
Тянули мне пальчики листьев,
И волны плескались так близко
От края аллеи тенистой!

Повсюду сидели, дремали,
Паслись разноцветные кошки,
И голуби шумно слетались
Клевать возле ног моих крошки.

Казалось незыблемым лето —
Народ обживался на пляжах.
...А ныне — туман без просвета,
И холод, и красок пропажа.

И голые ветви деревьев.
Душе неуютно и странно.
Так было, наверное, Еве
С познания горьким приданным.

А счастье умчалось беспечно
С другими смеяться-судачить.
От ревности в этот же вечер
На мир посмотрю я иначе.

И эта осенняя свежесть,
И небо, набухшее серым,
Подарят безмерную нежность,
И в лучшее светлую веру.

Последние рыжие листья
Сорвутся с насиженных веток —
И вдруг захочу позабыть я
И пальмы, и кошек, и лето.

Площадь Партизан

Есть в Брянске площадь Партизан,
Есть обелиск многометровый —
Победы символ. К небесам
Вознёсся он. Горит суровый
Знак вечной памяти — огонь.
И воины в рывке застыли:

«Враг, нашей Родины не тронь!»
…А мимо мчат автомобили,
Идут прохожие, спеша
К своим делам, в своих заботах.
Везёт в коляске малыша
Девчушка в топике и шортах.
Мальчишка кормит голубей
Недалеко от монумента.
Ершистый шустрый воробей
Ворует, пользуясь моментом,
У птицы мира пару крох.
А площадь Хлебной называли
На рубеже былых эпох,
Но это помнит кто едва ли.
Здесь торговали, кто чем мог:
Зерном, мукой, горячим хлебом,
И также прыгали у ног,
И улетали птицы в небо…
Теперь здесь областной музей;
Зимой — каток, концерты — летом;
И место встречи для друзей;
И сердце города — воспет он
В стихах и в прозе… Сохранят
Потомки память о погибших!
Спокойны всполохи огня.
Героев не бывает бывших.

Санкт-Петербург — Брянск

Ещё вчера Смоленкою брела.
На редкий лёд,
Раскинув чёрно-белых два крыла,

Готовых в лёт,
Садились чайки в будней суете.
Шла по воде
Флотилия утиных серых тел,
Встречая день.
В метро народ стоял плечом к плечу,
И сам в себе.
Казалось, даже если закричу,
Иль стану петь,
Я никого ничем не удивлю:
Здесь пруд пруди
Чудных людей… Подарят по рублю —
И уходи.
Не став пустым прицелом сотен глаз,
Идя на вы,
Я отстояла очередь у касс,
Чтоб от Невы,
Отдав поклон холодной красоте
Её дворцов,
Привет нести сорокой на хвосте
К земле отцов.
Из Петербурга прибыл «Пересвет»,
Путь номер пять.
И хмурит брови пасмурный рассвет,
И дарит «пять».
Апрельский снег целует щёки мне,
По-детски рад.
Меня встречает город на Десне.
— Ну, здравствуй, брат!

* * *

Изгиб Десны: заливы, перекаты
В стремительном течении реки.
Высокий берег смотрит на покатый,
Где с удочками дремлют рыбаки.
Бурлит вода, узор волны меняя,
Кружат стрекозы синие над ней,
Пух белый одуванчики роняют
В движении извилистых теней.
И жаворонки в солнечных высотах
Волшебных звуков рассыпают ряд.
Скворцы летают парами, и что-то
Стрекочут меж собою — говорят.
Скандалят чайки в споре за добычу,
И рыбки ускользают в глубину,
Где тишина — уютна и привычна,
И раки путешествуют по дну…
Парит безмолвно быстрокрылый сокол.
И взбалмошна, порывисто-грустна,
Меж берегов струится одиноко
Холодная красавица — Десна.

Владимир Архипов

Лариса-Анна Преображенская

Наталья Шишкина

Николай Хохлов

Татьяна Юдина

Наталья Самсонова

Владимир Архипов

Дуб

На краю заброшенной деревни
Дуб стоит. Огромный старый дуб.
Я приду к нему зарёй вечерней
И к стволу щекою припаду.

Рядом с дубом серая воронка,
Уж давно поросшая травой.
Мать моя тогда была девчонкой,
Говорила: шёл у дуба бой.

Страх в селе. В домах дрожали рамы,
Словно бою не было конца.
На коре от пуль остались шрамы,
Рядом — тело павшего бойца.

…Много с той поры промчалось вёсен.
Утекло немерено воды.
Дуб стоит — высок, угрюм, серьёзен,
А на нём — истории следы.

Как солдат, у краешка деревни
Дуб стоит, упёршись в облака.
Я к нему приду порой вечерней
И прижмусь к израненным бокам…

Лариса-Анна Преображенская

Следы

Я ночью в стих погружена,
А в нём уже звезда видна.
Точнее, много, их не счесть,
Да и луна там тоже есть.

На белом кружеве следы,
Набрали доверху воды.
Ещё не царствует мороз,
Вода, повсюду лужи слёз.

А я не сплю — пишу в ночи,
И вспоминаю, как в печи,
В студёный, тихий зимний день,
На стенках танцевала тень.

Из леса, что невдалеке,
К жилью шли волки по реке.
Нещадный голод к людям гнал,
Им все, кто мог, еду давал.

Закончив прочие дела,
Бабуля косточки несла
От дома дальше, в огород,
Чтоб умирить лесной народ.

Еды, порою не найдя,
Поближе к дому подойдя,
Голодный волк в окно глядел —
Кровь стыла, разум холодел.

Проснувшись, рано поутру,
В сенях задвижку отопру,
А на завалинке — привет:
Двух лап звериных чёткий след...

Картинки тех далёких дней,
Чем дальше, тем душе родней.
И возвращают в сердце нам,
Не страх, а жалость к тем волкам.

Вечерний блюз

Не хочется вставать февральским утром.
Уютная постель, «петух» молчит.
Природа так распорядилась мудро.
И только снег, как беленькая пудра,
К земле прижавшись, кое-где лежит.

Зима скупая почему-то нынче
И вьюгу не пускает погулять.
Февральский ветер, как обычно, взвинчен.
Ещё так рано. Месяц половинчат.
Прилип к окну, светильнику под стать.

Бессонница... Рассвет уже крадётся.
Прислушиваюсь к тайнам за окном.
К душе какой-то светлый образ жмётся —
Я знаю: с ней поладит, уживётся.
А кто он — расскажу, Бог даст, потом...

А впрочем, я открою эту тайну:
К душе прильнул озябший город Муз —
Мой Петербург. И это не случайно.
Сверкающий, великий, зазеркальный,
Как упоительный вечерний блюз.

Наталья Шишкина

* * *

Обесцвечена радость
Бесконечностью грусти.
Губ желанная сладость
Постепенно отпустит,
В суете растворится,
В одиночестве смелом.
Как-то странно не спится!
Белым мелом на белом,
На осколках небесных
Я рисую оглобли
Так размашисто, резко,
Чтобы тени оглохли,
Чтобы время застыло
И оплавило злобу.
Я стараюсь, но силы...
Запряглась. До озноба
Удила закусила.
У родного порога,
Я смиренно молила,
Я просила не много:
Чтоб не тяжкая ноша,
Да не бросить до срока...
Заметает пороша,
И петляет дорога.

* * *

Я столько лет несла твой Крест!
И столько раз тебя спасала!
Решила твердо — Божий перст!
Своей вины мне было мало.
Кто юность пережил без бурь?
Кто оглянулся ненароком?

Кто осознал гордыни дурь?
Кому она не вышла боком?
Я столько лет несла свой Крест.
Сто тысяч раз его бросала.
Пустыня выжжена окрест...
Твоей любви мне было мало.

* * *

Спасибо за любовь!
За то, что я живая!
За то, что мне в стихах
Так радостно мечтать,
Творить, летать, парить,
Крылами обнимая
И звёздный небосвод,
И горизонта нить.
Эмоции слегка,
Быть может, заплутали.
Придумала тебя?
Иль ты реально есть?
Я не хочу гадать
И знать хочу едва ли.
Мне так светло сейчас
Любить, страдать и петь!

Николай Хохлов

* * *

А на Родине
всё устроено
исключительно хорошо.
Так душевно и складно,
что вроде бы
Сам Создатель
себя превзошёл.

* * *

О луну поэты стёрли зубы.
Их цветы годятся лишь в гробу.
Звездофилы и берёзколюбы:
Бу-бу-бу! Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!

Каждый — Пушкин, минимум — Есенин.
Или, может, даже Пастернак.
Воспевают первый луч весенний
И не успокоятся никак.

* * *

Советские мультфильмы, как жития святых.
Там побеждают подлых, коварных, жадных, злых.
Добром, любовью, правдой, пороки изводя.
Там начинают с главного — а, именно, с себя!

* * *

Край родной за бурьяном некошеным
Стал похож на заброшенный рай.
Словно снегом слегка припорошенный,
На дороге лежит каравай.

Лишь поднять, отряхнуть, отогреть его —
«Хлеб насущный», который «даждь днесь»,
И понять то, что не было лучшего
Хлеба, что доводилось нам есть.

Татьяна Юдина

Деснянские зори

Бушует лето над Десной,
Берёзкам расплетает косы.
Здесь пели соловьи весной,
Пока дрожал туман белёсый.

Вот солнце плавится в воде,
А луг душистый пахнет мятой.
Ты красоты такой нигде
Не встретишь. Тихим сном объяты
Лежат поля. Не дрогнет лист
В берёзовой кудрявой роще.
Как воздух свеж, по-детски чист…
Жить хочется светлей и проще,
Чтоб за добро платить добром,
Забыть обиды и невзгоды…
Жизнь хороша, и мы живём,
Минуты складывая в годы.

* * *

Прости нас, первая любовь,
Что мы тебя почти забыли.
Бежали от тебя и плыли,
Но ты нас находила вновь.
Прости нас, первая любовь,
Что были мы с тобой недолго,
Прозрачно время, будто Волга,
И память греет, как огонь.
Так кружим мы за кругом круг
И вспоминаем всё, что было.
Смешно, и горестно, и мило
Вернуться в прошлое нам вдруг,
Где первая любовь нас ждёт,
Доверчиво к нам тянет руки,
Как будто не было разлуки.
Любовь всё может, всё спасёт —
Всю жизнь ведёт нас за собой,
Преодолеет все напасти.
Пусть за короткое, но счастье
Спасибо, первая любовь!

А. К. Толстому

Лиственницы в потускневшем золоте,
Клёны в чуть обтрёпанных кафтанах.
Солнышка не видно, и по комнате
Бродит сумрак призраком усталым.
За окном дождинки мелко сеются.
Плачет небо об ушедшем лете.
Мы грустим, но нам ещё не верится,
Что снег может выпасть на рассвете.
А меж тем к Покрову время движется,
Что ж пенять природе на погоду?
Вороны собрались в парке — слышите? —
Каркают и кличут непогоду…
Красный Рог притих, листвой осыпанный.
Графский дом задумался о чём-то…
Может, вспоминает, как над липами
Жаворонок пел поэту звонко.

Наталья Самсонова

Январь

Вот и начат календарь,
Первая страница,
И приехал к нам январь
В шумной колеснице.

Засыпает снег дома,
Улицы и скверы.
Охватила кутерьма
Все земные сферы.

Затевает детвора
Битву со снежками,
Режет с самого утра
Белый лёд коньками.

Мчатся с горки ледяной
Беззаботно дети.
Все забыли про покой —
Счастье есть на свете!

Цветень

Стало солнечно, светло,
Пчёлы залетали.
Много снега утекло
Ручейками в дали.

Воды талые спешат
Стать широкой речкой,
И лимонницы кружат
Около крылечка.

На проталинах трава
Дружно прорастает,
А берёзка — какова! —
Серьги примеряет!

Всё ликует и зовёт
Жизнью насладиться.
Сердце просится в полёт,
Хочется влюбиться!

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю. 3

Юбиляры

Александр МЕХЕДОВ. «Затеплю костёр на меже…»
(к 90-летию А. Г. Мехедова). Предисловие Л. Л. Семенищенковой. 6
Клавдия АСЕЕВА. Да будет твой голос услышан. *Стихи* 18
Александр РОНЖИН. Битва *(отрывок из романа «Дмитрий Ольгердович, князь брянский»)* 35
Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА. Лауреат. *Рассказ* 98

Проза

Николай ИВАНОВ. Саур-Могила *(песнь)* 18
Людмила АШЕКО. Была милой. Два человека. *Рассказы* 142
Надежда КОЖЕВНИКОВА. Если вас приручили. *Рассказ.* 166
Пётр ЛЮБЕСТОВСКИЙ. Тропинка через пустырь. *Рассказ.* 178
Евгения ШАПИРО. Мишура. *Рассказ* 187
Эдуард КИРЕЕВ. Уроки жизни. *Рассказ* 216
Валентина БЫКОВА. Васька. Не пробуждай воспоминанье. *Рассказы.* 235
Павел ШУШКАНОВ. Кружок астрономии. *Рассказ* 254

Поэзия

Виктор ХОЛИН. Чаша боли 63
Виктор КИРЮШИН. Безмятежность взгляда 71
Елена ЛЕОНОВА. Липовый цвет 260
Анатолий АВРУТИН. Земные сроки 268
Наталья МИШИНА. Я всех вас поимённо помню 292
Владимир СОРОЧКИН. Ускользающий свет 300
Наталья ШЕСТАКОВА. Зимние сны 314
Александр НЕСТИК. Оборотень. *Поэма* 322
Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО. Будем жить 337
Николай ЧЕПУРНЫХ. Ветка берёзы 345
Ольга ШАБЛАКОВА. Мятежная птица 366

Дебют

Дмитрий ЛАГУТИН. Моя Япония. *Рассказ* 79
Кира МАРЧЕНКОВА. Тополиный снег. *Стихи* 112
Анна ВОРОНИНА. Рассказы про Пашку и Маринку 120
Наталья БОРИСОВА. Спасительные письма. *Стихи* 131
Мария ЕРМИШКИНА. Отрывки из найденного дневника 135
Наталья КАНДАУРОВА. Недотрога-птица. *Стихи* 158

Максим КОВАЛЁВ. Дорога до звёзд. *Стихи* 200
Анастасия ВОРОНИЧЕВА. Снежная Королева. *Стихи* 208
Евгения ЛИСОВСКАЯ. Счастливая доля. *Стихи* 227
Юлия ИВАНОВА. Песочный кристалл. *Стихи* 246

Имена

Алексей КОНДАРТЕНКО. «Друзья, прекрасен на союз!..»
(из истории становления Брянской и Орловской писательских
организаций). Петрищев, сын Петрищева 276
Галина КАРТАШОВА. Добычин и Хармс: схожесть непохожего 308
Юрий КРАВЦОВ. Пейзажная и психологическая лирика А. К. Толстого 351

Мозаика

Владимир АРХИПОВ 374
Лариса-Анна ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ 375
Наталья ШИШКИНА 377
Николай ХОХЛОВ 378
Татьяна ЮДИНА 379
Наталья САМСОНОВА 381

Литературный БРЯНСК

№ 1 (10)`2019

Альманах Брянской областной общественной
писательской организации Союза писателей России

Главный редактор *Владимир Сорочкин*
Корректор *Наталья Шестакова*
Вёрстка *Татьяна Черных*

Подписано в печать 01.12.2019 г. Формат 60x84 1/16 .
Печать офсетная. Тираж 800 экз. Заказ №112.

Отпечатано в ООО «Аверс»
241050, г. Брянск. ул. Софьи Перовской, д. 83, офис 108
Тел. (4832) 41-84-30
аверс32.рф
аверскниги32.рф